

Г. В. АБРАМОВИЧ

**КНЯЗЬЯ
ШУЙСКІЕ
И РОССИЙСКІЙ ТРОН**

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. В. АБРАМОВИЧ

КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЕ И РОССИЙСКИЙ ТРОН

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1991

ББК 63.3(2)43
А16

Рецензенты:

канд. ист. наук В. М. Воробьев (Ленингр. ун-т),
д-р ист. наук В. М. Панялх (ЛО ИИ СССР АН СССР),
д-р ист. наук Р. Г. Скрынников (Ленингр. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Абрамович Г. В.

А16 Князья Шуйские и Российский трон.— Л.:
Издательство Ленинградского университета,
1991.— 192 с.

ISBN 5-288-00605-9

Монография посвящена истории одного из знатнейших родов, потомков Рюрика, сыгравших выдающуюся роль в истории российского средневековья. В книге показываются взаимоотношения князей Шуйских с Иваном Грозным, Борисом Годуновым, Лжедмитрием I, описывается свержение Василия Шуйского. Особое внимание уделяется М. В. Скопину-Шуйскому — народному герою и надежде страны в борьбе с войсками Лжедмитрия II и польских интервентов. Предлагается убедительный ответ на спорный вопрос, был ли Василий Кирдяпа, основатель рода Шуйских, предателем.

Для историков и всех, интересующихся отечественной историей.

А $\frac{0503020000-031}{076(02)-91}$ 108—91

ISBN 5-288-00605-9

ББК 63.3(2)43

© Г. В. Абрамович,
1991

ВВЕДЕНИЕ

Целью предлагаемой монографии является ознакомление возможно более широкого круга читателей с историей одного из знатнейших русских княжеских родов, потомков Рюрика, сыгравших выдающуюся роль в истории Российского средневековья, но, к сожалению, знакомого лишь по весьма неполным и зачастую необъективным характеристикам в исторической и художественной литературе. Это объясняется, с одной стороны, недостаточно широким кругом используемых авторами источников, а с другой — излишне доверчивым отношением исследователей к источникам, требующим самого тщательного критического анализа. Между тем деятельность многих представителей этого рода на всем протяжении его истории представляет очень большой интерес для читателей, интересующихся процессом становления и развития Русского государства в период с XIII по XVII в.

Мало кому известно, что первым великим князем Владимирским из потомков Ярослава Всеволодовича стал не Александр Невский, а его брат Андрей Ярославич, родоначальник суздальских князей. Он же был и первым из русских князей, поднявшим оружие против власти золотоордынских ханов за 130 лет до Дмитрия Донского. В дальнейшем его потомки основали на границе с Золотой ордой могущественное Суздальско-Нижегородское княжество, служившее как бы буфером между Ордой и княжествами Северо-Восточной Руси, что немало способствовало процессу усиления Московского Великого княжества.

Взаимоотношения двух великих княжеств были весьма сложными и выражались то в борьбе за первенство на Руси, то переходили в самые дружественные и даже родственные отношения, сопровождавшиеся совместной внешней и внутренней политикой. После смерти Дмитрия

Донского отношения между этими княжествами приняли характер открытой вражды, кончившейся полным поражением суздальско-нижегородской ветви Ярославичей и потерей ими не только надежд на великое княжение Владимирское, но и лишением родового Суздальско-Нижегородского княжества, перешедшего во владение московских князей.

Некоторое время старшая ветвь суздальских князей, получившая фамилию Шуйских, предпринимала попытки борьбы за независимость от Москвы, служа вольным городам: Новгороду и Пскову, но в конце XV в., поняв безнадежность этой борьбы, признала верховенство московских князей и, перейдя на положение принцев крови при великокняжеском дворе, стала нести службу на самых высоких наместнических и воеводских постах, одновременно занимая первые места в Боярской Думе.

В малолетство Ивана IV Шуйские в роли регентов стояли во главе Русского государства. Этот период их деятельности, весьма противоречиво освещенный источниками, требует особенно тщательного исследования. Последующая история рода примечательна тем, что, лишившись задолго до опричнины, в результате припадка ярости тринадцатилетнего Ивана IV, одного из своих представителей — Андрея Михайловича, в дальнейшем, на протяжении всего царствования Грозного, род Шуйских, в отличие от всех других княжеских родов России, даже в разгар опричного террора не потерял ни одного человека. Этот факт находится в полном противоречии с той демонстративной ненавистью, которой пропитаны обвинения Грозного в адрес Шуйских в его послании к князю Андрею Курбскому. А ведь именно им придают такое большое значение историки, исследующие царствование Ивана IV. Напротив, как бы в опровержение этих обвинений, Шуйские на протяжении всего царствования Грозного входили в состав Боярской Думы и занимали самые высокие посты в наместничествах и воеводствах. Пережив Бориса Годунова и его сына Федора и организовав свержение Лжедмитрия I, на царский престол сел Василий Шуйский, мало достойный трона представитель рода суздальских князей. Но в период его недолгого и весьма неудачного царствования в роду Шуйских загорелась новая яркая звезда: молодой, двадцатитрехлетний племянник царя Василия, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Отличаясь выдающимися полководческими, дипломатическими и организаторскими способностями, Михаил Скопин-Шуйский сумел сплотить вокруг себя все слои русского общества, а также привлечь на помощь иноземные войска. За короткий срок он обучил русских крестьян и горожан, вставших под его знамя, ведению военных действий по иноземному образцу и объединенными силами освободил от длительной осады важнейшую святыню Русской земли Троице-Сергиеву Лавру, отбросил от Москвы осадившие ее войска Лжедмитрия II и польских интервентов. Популярность Скопина-Шуйского в народе была беспредельна. В нем видели спасителя отечества, ему предлагали свергнуть Василия и принять царство. Но именно популярность, особенно ярко продемонстрированная народом при въезде Скопина в освобожденную им Москву, и стала причиной его преждевременной трагической гибели.

Однако, как ни странно, именно жизнь и деятельность этого героя нашей истории, как и других выдающихся представителей рода Шуйских, таких, как Петр Иванович — один из виднейших участников присоединения Казанского царства, его сын Иван Петрович — герой обороны Пскова от армий Стефана Батория и другие, остаются до сих пор почти совсем неизвестными широким кругам любителей отечественной истории. Предлагаемая книга и ставит своей задачей ликвидировать эти пробелы, раскрыв перед читателями возможно более полную и объективную картину истории рода с середины XIII в. до первого десятилетия XVII в.

Глава I

СТАНОВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА

Князья Шуйские являлись старшей ветвью одного из знатнейших княжеских родов российского средневековья — суздальских князей. Их родовое владение — город Суздаль, один из крупнейших городов Северо-Восточной Руси, упоминающийся в летописях еще в конце X в., был отдан Владимиром Мономахом еще при жизни сыну — Юрию Долгорукому. К середине XII в., оттеснив Ростов Великий на второй план, Суздаль становится старшим городом Северо-Восточной Руси и вся эта земля начинает называться не Ростовской, как ранее, а Суздальской.¹

После постройки сыном Юрия Андреем Боголюбским города Владимира на Клязьме и перенесения туда великокняжеского стола, Суздаль, теряя прежнее экономическое и политическое положение, отходит на второй план, и отныне великое княжество называется Владимиро-Суздальским. Когда Северо-Восточную Русь завоевали татары, Ярослав Всеволодович, став с санкции Батыея великим князем Владимирским, отдал в 1238 г. Суздаль в княжение своему брату Святославу, а тот, в свою очередь, сделавшись великим князем после смерти Ярослава в 1246 г., передал Суздаль племяннику Андрею Ярославичу, третьему сыну Ярослава, брату Александра Невского. Андрей и стал родоначальником Суздальских князей. К Суздалю в качестве пригородов были приданы Городец и Нижний Новгород.

¹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси с X—XIV вв. М., 1984. С. 60, 73.

Когда в 1248 г. в бою с литовцами погиб седьмой сын Ярослава Михаил Хоробрит, захвативший великое княжение после Святослава, его братья Александр Невский и Андрей Ярославич Суздальский отправились в Орду к Батью просить ярлык на великое княжение. Александра, княжившего в Переславле и Новгороде, знали в Орде как храброго воина, победителя шведов и немцев, зрелого и опытного правителя. Андрей был немногим моложе брата. (Хотя дата его рождения в летописях не упоминается, об этом можно судить по тому, что их отец Ярослав еще в 1240 г. предлагал новгородцам в князя Андрея вместо рассорившегося с ними Александра. Но новгородцы почему-то отказались от Андрея и предпочли помириться с Александром. Известно также, что Андрей в 1242 г. принимал активное участие вместе с братом в разгроме немецких рыцарей на Чудском озере².)

Батый не взял на себя решения вопроса о великом княжении Владимирском, а отослал братьев в главную ставку чингизидов в Монголию («в Кановичи»). По баиваясь боевой славы Александра, царевичи решили не давать ему ярлыка на великое княжение Владимирское, а отдали разоренный Киев и Новгородскую землю. Великое же княжение Владимирское получил менее опасный, по их мнению, Андрей Суздальский. Но ханы недооценили князя Владимирского, по словам летописца, благородного и храброго человека: «...преудобрен бе благородием и храбростью». Однако как правитель он был несколько легкомыслен: слишком увлекался рыцарскими забавами («на ловитвы животных упражняя») и легко поддаваясь влиянию советников.³

Молодой, гордый, храбрый, рыцарственный великий князь Владимирский оказался подходящим женихом для дочери самого могущественного из южнорусских князей — Даниила Романовича Галицко-Волынского, единственного из русских князей, еще не признавшего власти ордынских ханов. Венчание совершал во Владимире в 1250 г. сам митрополит Киевский и всея Руси Кирилл вместе с ростовским епископом.

² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 10. С. 126.

³ Там же. С. 137, 138.

Получив такого могущественного тестя и рассчитывая на его помощь и к тому же находясь в самых дружеских отношениях с братом Ярославом, который владел сильным и богатым Тверским княжеством, а также, возможно, подогреваемый молодой, гордой княгиней и ближайшими советниками, великий князь стал тяготиться властью ордынских ханов и платимой им тяжелой данью. Есть основание думать, что он стал неисправно исполнять свои обязанности перед Ордой. В. Н. Татищев, С. М. Соловьев и ссылающийся на них А. В. Экземплярский связывают с этим поездку Александра Невского в Орду к сыну Батыя Сартаку, ведавшему при престарелом отце русскими делами, и обвиняют Александра в том, что он в борьбе за великое княжение оклеветал Андрея в утайке части дани.⁴ Против предъявленного обвинения возражали Н. М. Карамзин и А. Е. Пресняков.⁵

По летописным данным события разворачивались следующим образом: в 1252 г. Александр Ярославич Невский отправился в Орду и был принят Сартаком «с честью», а Владимир же и всю землю Суздальскую поручил блюсти брату Андрею.⁶ После отъезда Александра, в сильно укрепленный Переславль, его столичный город, прибыл из Твери с семьей и дружиной его брат Ярослав, самый близкий друг Андрея. Историки рассматривают этот факт как подготовку братьев к вооруженному отпору татарам, которых приведет Александр. Основой для такого заключения послужило приведенное летописцем восклицание Андрея в связи с отъездом Александра в Орду: «Господи, что есть доколе нам меж собой браниться и наводити друг на друга Татар, лутчи ми есть бежати в чюжую землю, неже дружитися и служити Татаром».⁷

Собрав войско, великий князь Владимирский стал готовиться к встрече с татарами. Возможно, он обращался за помощью к Даниилу Галицкому, но последний

⁴ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 26—27; Т. 2. 1891. С. 448—449.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4. СПб., 1892. Прим. 88; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 56, прим. 1.

⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 138.

⁷ Там же.

уже не мог ему помочь, так как его собственное княжество находилось под угрозой татарского нашествия.

Между тем события развертывались не совсем так, как, вероятно, предполагал Александр Невский. Имея в виду сложившийся в Орде порядок выдачи ярлыков на княжение, он думал, что Сартак, его названный брат и друг, учтя его старшинство и, главное, получив богатые дары, даст Александру право на великое княжение и, согласно обычаю, пошлет с ним своего посла с небольшой свитой для утверждения Александра на великом княжении Владимирском. Но Сартак поступил иначе. Решив одним ударом раз и навсегда лишить русских князей всякой возможности сопротивления татарской власти, он задержал Александра при своей особе, а против Андрея и Ярослава послал большую рать во главе с царевичем Невруем и князьями Катиаком и Альбугой.

Татары ночью, перейдя вброд Клязьму под Владимиром, незаметно подошли к Переславлю, отрезав таким образом полки Андрея от дружины Ярослава, находящейся в Переславле во главе с воеводой Жидиславом. Князь Владимирский, узнав об этом, бросил свои войска на татар и «бысть сеча велика и одолеша татарове», Андрей же едва смог убежать.⁸ Татары, взяв Переславль, захватили и убили жену Ярослава и его воеводу Жидислава, а детей князя и дружинников увели в Орду, забрав и все богатства князя.⁹

Андрей бежал сначала в Новгород, но новгородцы, боясь мести татар, не приняли его, и князь ушел в Псков, где и дождался своей княгини, которой также удалось избежать татарского плена. Из Пскова они попали в Колывань (так русские называли Таллинн), откуда Андрей сначала один ушел в Швецию, где его приняли с честью, а затем туда приехала и княгиня. В Швеции они прожили до 1256 г.¹⁰ После бегства Андрея во Владимир прибыл Александр Невский, где был торжественно встречен митрополитом с крестами и всем священным собором и возведен на великокняжеский престол.¹¹

В течение четырехлетнего пребывания в Швеции Анд-

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

рей Ярославич не терял, видимо, связи с братом. В 1256 г. в Орде произошли крупные перемены: Батый умер, Сартак был убит собственным дядей Берки, который поручил управление всеми русскими землями своему фавориту Улавчию, очень падкому на богатые подарки. Создавшаяся ситуация была благоприятна для возвращения Андрея на родину. Однако он не сразу смог вернуться в свой родовой Суздаль. Сначала Александр посадил его на Городец и Нижний Новгород, а суздальцы вместе с новгородцами ходили в 1256 г. в поход против Швеции и Чуди, в результате которого было завоевано все Поморье.¹² Лишь после этого похода Александр возвратил Суздаль Андрею, и под властью последнего вновь соединились в одно княжество Суздаль, Городец и Нижний Новгород.

С этого времени Андрей до конца жизни правил в полном согласии с Александром. В 1257 г. они оба, вместе с Борисом Ростовским, были вызваны к Улавчию, которому отвезли богатые дары и вернулись «со многими честями». Но, несмотря на эти «чести», в ту же зиму на Русь прибыли ордынские численники и «изочтоша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Муромскую и поставиша десятичники, и сотники, и тысячники, и темники, и вся урядиша возвратишася в Орду». В следующем 1258 г. все три брата Ярославичи: Александр Невский, Андрей Суздальский и Ярослав Тверской вместе с Борисом Васильевичем Ростовским — снова были вызваны в Орду для чествования Улавчия. Отвезя ему «многие дары», они снова «с честью» вернулись домой.¹³ И опять вслед за ними во Владимир прибыли ордынские численники и, взяв с собой Александра, Андрея и Бориса Ростовского, отправились в Новгород, чтобы описать и исчислить эту последнюю, оставшуюся не описанной, русскую область. Новгородцы под руководством княжившего в Новгороде старшего сына Александра Василия попытались оказать сопротивление, но Александр, понимавший бесполезность сопротивления, жестоко расправившись с зачинщиками, лишил Василия новгородского княжения, посадил на его место следующего своего сына Дмитрия и заставил новгородцев допустить численников к переписи.¹⁴

¹² Там же. Т. 7. С. 161.

¹³ Там же. Т. 10. С. 141.

¹⁴ Там же. С. 142.

Александр Невский умер в 1263 г. в Городец, возвращаясь из Орды и заболев в пути. Он был погребен во Владимире в храме Пречистые Богородицы. С погребением Александра связана легенда, сыгравшая в дальнейшем очень большую роль в генеалогии его потомков, московских князей. Летописи сообщают: когда по приказу митрополита Кирилла его «иноком» Севастьян хотел разогнуть руку усопшего князя, чтобы митрополит мог вложить в нее прощальную грамоту, Александр сам разогнул руку и взял грамоту.¹⁵

Великий князь оставил после себя четырех сыновей: Василия, Дмитрия, Андрея и Даниила. Андрей Ярославич пережил брата лишь на один год. По данным летописи, он имел двух сыновей: Юрия и Михаила. Наследовавший отцу старший сын Юрий получил во владение только один Суздаль, так как Городец и Нижний Новгород Александр Невский, на правах великого князя, отдал по завещанию своему сыну Андрею.¹⁶ Тем самым он заложил основу будущей вражды между двоюродными братьями и их потомками.

Великокняжеский престол, в соответствии с нормами феодального права, должен был наследовать следующий брат Александра — Андрей Ярославич Суздальский, но, помня о событиях 1252 г., ордынский хан отдал ярлык на великое княжение Владимирское следующему брату — Ярославу Тверскому.¹⁷ В то же время, пользуясь смертью грозного Александра, новгородцы прогнали от себя малолетнего Дмитрия Александровича и пригласили на княжение Ярослава Ярославича Тверского. Он же хотя и значился великим князем Владимирским, но оставался жить в своей родовой Твери, а князем-наместником в Новгород посадил сына своего любимого брата Андрея, Юрия Андреевича Суздальского. Юрий оправдал доверие дяди и успешно справлялся с княжением. В 1266 г. он водил новгородцев против немцев в Заноровье (за Нарву) и заставил их заключить выгодный для Новгорода мир.¹⁸

В 1268 г. в Новгороде состоялся съезд князей, вызванный, видимо, невыполнением немцами условий мира.

¹⁵ Там же. Т. 7. С. 164; Т. 10. С. 143; Т. 25. С. 145.

¹⁶ Там же. Т. 10. С. 144; Там же. Т. 7. С. 164; Т. 10. С. 144.

¹⁷ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 119.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 10. С. 145—146.

На съезде присутствовали: достигший совершеннолетия Дмитрий Александрович, сыновья Ярослава Святослав и Михаил, а также Юрий Андреевич «Александрович». На этом сообщении следует остановиться особо, так как в нем произошел первый летописный сбой в генеалогии Суздальских князей. Летописец, говоря о смерти князя Андрея Ярославича, называет Юрия его сыном.¹⁹ Однако ниже он преподносит Юрия уже как сына Андрея Александровича, т. е. как внука Александра Невского.²⁰

Но это явное генеалогическое искажение! Юрий Андреевич никак не мог быть сыном Андрея Александровича, так как последний являлся третьим сыном Александра Невского, женившегося в 1239 г.²¹ Следовательно он не мог родиться ранее 1242 г., что также мало вероятно, так как его старшего брата Дмитрия Александровича в 1264 г. новгородцы изгнали с княжения по малолетству: «...занеже князь млад бяше». Учитывая тогдашнюю норму совершеннолетия, равную 15 годам, можно подсчитать: Дмитрий к 1264 г. еще не достиг зрелого возраста. А поскольку Андрей еще моложе, то вряд ли он сам мог находиться среди князей в Новгороде в 1268 г.; о присутствии на съезде его сына и речи быть не могло. Чем же объяснить этот генеалогический сбой в Никоновской летописи? Вероятнее всего просто опиской летописца. Эта гипотеза подтверждается и тем, что 11 лет спустя тот же летописец, сообщая о смерти Юрия Суздальского, называет его внуком Ярослава,²² тогда как будучи сыном Андрея Александровича, он приходился бы Ярославу Всеволодовичу не внуком, а правнуком.

Сразу после окончания съезда князь выступили в поход против немцев, и на самый трудный участок фронта, против знаменитой немецкой «свиньи», состоящей из закованных в стальные латы рыцарей, был поставлен отряд новгородцев под командованием Юрия Андреевича Суздальского, уже имевшего опыт борьбы со «свиньей».²³ Естественно, что наибольшие потери пришлось в этом походе на долю новгородцев, принявших на себя самые мощные удары противника.

¹⁹ Там же. С. 144, 145—146.

²⁰ Там же. С. 146.

²¹ Там же. С. 114.

²² Там же. Т. 25. С. 145; Т. 10. С. 156—157.

²³ Там же. Т. 10. С. 146; Т. 25. С. 147.

В следующем 1269 г. Юрий Андреевич снова во главе новгородской рати ходил на помощь Пскову против осаждавших его немцев, и, видимо, имя этого князя было грозой для немцев, так как, услышав о его приближении, они ушли за реку, смирившись со своим поражением.²⁴ Летописный свод 1497 г. дает более подробное описание этого похода. Немцы стояли под Псковом 10 дней, «князь же Юрий с Новгородцы погонися по них; они же слыша князя Юрия с множеством вои его и побегоша за реку; князь же Юрий прииде с Новгородцы подо Псков и взя с ними (немцами) мир на всей его воли».²⁵ Но этот мир, заключенный Юрием «на всей его воле», пришелся не по душе как значительной части новгородской знати, так и властолюбивому и деспотичному Ярославу. В результате в Новгороде началась борьба между двумя партиями, в которую ввязался и Ярослав, привлечший к борьбе с Новгородом татар. Затем в борьбу включился брат Ярослава Василий, претендовавший на Новгородское княжение. А Юрий Андреевич Суздальский исчезает со страниц летописей до 1279 г., т. е. до сообщения о его смерти и вокняжении в Суздале его сына Михаила Андреевича.²⁶

За прошедшие с 1269 г. десять лет успели умереть и Ярослав Ярославич (1271 г.) и сменивший его на великом княжении Владимирском его брат Василий Ярославич (1276 г.); великим князем Владимирским стал второй сын Александра Невского Дмитрий Александрович. Княжение Михаила Андреевича Суздальского не нашло отражения в летописях, и в то же время с его именем в генеалогии суздальских князей связан второй крупный сбой, вызвавший длительную дискуссию в исторической литературе. Имя Михаила Андреевича Суздальского упоминается летописями лишь 4 раза. Первый — в связи с его вокняжением; второй — с женитьбой в Орде в 1305 г.;²⁷ третий — с приходом из Орды в том же 1305 г. в Нижний Новгород и расправой с восставшей чернью (вечниками); четвертый — со смертью его сына Василия Михайловича Суздальского.²⁸ Но в то

²⁴ Там же. Т. 10. С. 147.

²⁵ Там же. Т. 25. С. 148.

²⁶ Там же. Т. 10. С. 156—157; Т. 25. С. 152.

²⁷ Карамзин Н. М. История... Т. IV. С. 82, прим. 209.

²⁸ ПСРЛ. Т. 10. С. 176, 177.

же время княжение Михаила пришлось на самые тяжелые и трагические годы в истории княжеств Северо-Восточной Руси.

После смерти в 1276 г. великого князя Владимирского Василия Ярославича Костромского, последнего из братьев Александра Невского, сыновья последнего сразу ринулись в драку за великое княжение. Старшим в роде после смерти в 1271 г. Василия Александровича остался Дмитрий Александрович. Он и занял великокняжеский престол; его сразу же признали своим князем и новгородцы. А Андрей Александрович отправляется с богатыми дарами в Орду к хану Менгу Темиру вместе с князьями Ростовским, Белозерским и Ярославским, едущими за ярлыками на княжения. Все эти князья со своими боярами и слугами в 1278 г. приняли участие в походе Менгу Темира на яский город Дадаков, который был взят и разграблен, и жители которого уведены в плен. Хан, очень довольный русскими князьями, с почетом и ярлыками отпустил их по домам.²⁹ С этого времени и у Андрея Александровича установились дружеские отношения с ханом.

Между тем Дмитрий Александрович поссорился с новгородцами из-за постройки им на Новгородской земле собственной княжеской крепости Копорье. Его властолюбием были недовольны и некоторые князья. Воспользовавшись этим, Андрей в 1281 г. снова отправляется в Орду с богатыми дарами и жалобами на брата и добивается получения ярлыка на великое княжение. Узнав, что Дмитрий собирает против него рать, Андрей выпрашивает у хана большое войско и с ним вторгается на Русь. Его поддерживают князья Ярославский, Ростовский и Стародубский. Дмитрий бежал к Новгороду и засел в крепости Копорье. Но новгородцы заявили ему, что в случае прихода татар они ему не помогут, и Дмитрий был вынужден уйти из Копорья за море, оставив в залог полного освобождения Копорья двух дочерей и своих бояр с семьями. Новгородцы снесли Копорье с лица земли.³⁰

Татары же, раскатившись по стране и дойдя до Торжка, разграбили и разорили все земли вокруг Мурома, Владимира, Юрьева, Суздаля, Переславля, Росто-

²⁹ Там же. С. 154—155; Т. 25. С. 152.

³⁰ Там же. Т. 10. С. 159—160; Т. 7. С. 176.

ва, Твери. Андрей, сев во Владимире на великом княжении, устроил «пир велик, и одари многих князей Ординских и Татар и отпусти их в Орду к царю. Они же с многим пленом отъидоша в Орду». Однако это разорение было только началом бед. Новгородцы сразу признали Андрея, и он с большой помпой въехал в Новгород. А пока он был там, Дмитрий, вернувшись в свой Переславль, стал собирать войско и укреплять город. Андрей, узнав об этом, под охраной новгородцев возвращается во Владимир, а оттуда, навестив по пути свой Городец, снова отправляется в Орду с жалобами на брата, который «и тебе царю повиноватися не хочет, и даней твоих тебе платити не хочет»,³¹ вызвав тем самым гнев хана.

В это время, желая использовать благоприятную ситуацию, в борьбу за власть вступает последний, младший брат, Даниил Александрович Московский, которому в это время исполнился уже 21 год. Он входит в сговор с тверским князем Святославом Ярославичем и с новгородцами, и их совместная рать выступает против Дмитрия. Но, простояв около Дмитрова друг против друга 15 дней, братья сумели договориться и разошлись с миром. Андрей же, вторично получив от Менгу Темира большую рать, снова вторгается в русские земли, «и пришедше много зла створиша в Суздальской земли». Дмитрий, в свою очередь, с семьей и двором бежит в Ногайскую орду, хан которой был во вражде с Золотой ордой. Но в это время в самой Золотой орде произошла очередная смена ханов и на место Менгу Темира сел Телебуга. Потеря покровителя сделала Андрея более уступчивым, и братья заключили соглашение, по которому Дмитрий снова вернулся на великое княжение. Первым делом он жестоко расправился со сторонниками Андрея, что немедленно привело к новому разрыву между братьями. Андрей в третий раз приводит на Русь татар. В этот раз Дмитрию удалось отбить натиск, но татары уже успели пограбить все города на пути к Владимиру.³²

В 1291 г. в Орде происходит новый переворот и Телебугу сменяет Тохта. Андрей Александрович немедленно отправляется к новому хану с подарками и жало-

³¹ Там же. Т. 10. С. 159, 160.

³² Там же. С. 160; Т. 7. С. 176, 178—179.

бами на брата, и, всегда готовый воспользоваться ссорами между русскими князьями, хан отправляет с Андреем своего брата Дедюню с огромной ратью, которая захватывает и грабит 14 городов, в том числе Владимир, Суздаль, Муром, Юрьев, Переславль, Колону, Москву, Можайск, Волок, Дмитров, Угличе Поле, «и всю землю пусту сотвориша». Затем, взяв с Новгорода огромную дань, татары возвратились в Орду. Дмитрий, будучи к этому времени уже больным, отказался от борьбы, принял схиму и умер в 1294 г.³³

Великим княжением Владимирским окончательно овладел Андрей Александрович. Женившись в 1294 г. на ростовской княжне Василисе, он в следующем году отправился вместе с женой на поклон в Орду, а вернувшись оттуда, затеял ссору с младшим братом Даниилом Александровичем Московским и только вмешательство епископа Владимирского Серапиона предотвратило кровопролитие. В 1302 г. умер Иван Дмитриевич Переславский, завещав свое княжество дяде — Даниилу Московскому. Андрей протестовал против этого завещания, но Даниил не уступал ему. Тогда Андрей снова отправился в Орду и вернулся оттуда с ханскими послами и пожалованием на Переславль. Но еще до его возвращения, в 1303 г., умер Даниил Московский, и князем Московским стал Юрий Данилович, который при поддержке переславцев не пустил Андрея в Переславль. В 1304 г. умер Андрей Александрович, и хотя он уходил в мир иной в звании великого князя Владимирского, но похоронен был не во Владимире, а в Городце, в стольном городе его удела. Великим князем Владимирским, с санкции Орды, стал тверской князь Михаил Ярославич. К нему из Городца перешли все бояре Андрея Александровича.³⁴ Присоединение Переславского княжества к Москве настолько усилило московского князя, что он не согласился с вокняжением Михаила. С этого времени и начинается непрерывная борьба за великое княжение между Михаилом Тверским и Юрием Московским, с постоянным втягиванием в эту борьбу татар.

Бурные годы борьбы за великое княжение между сыновьями Александра Невского очень тяжело отрази-

³³ Там же. Т. 25. С. 157; Т. 7. С. 180, 181.

³⁴ Там же. Т. 10. С. 171, 174—175.

лись на состоянии Суздальского княжества, подвергавшегося грабёжам, убийствам и уводам в плен населения при каждом приходе на Русь татар, приводимых братьями.

Глава II

ТАЙНА КНЯЗЯ МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА СУЗДАЛЬСКОГО

О деятельности князя Михаила Андреевича Суздальского на протяжении 26 лет, с момента вокняжения в 1279 г. до 1305 г., летописи не говорят ни слова, а в 1305 г. упоминают дважды: во-первых, в связи с его женитьбой в Орде¹ и, во-вторых, по поводу его возвращения из Орды в Нижний Новгород для расправы с нижегородскими «вечниками» (горожанами.— Г. А.), перебившими в процессе восстания бояр князя Андрея Александровича,² которые не ушли в Тверь вслед за городецкими боярами после его смерти, а остались в Нижнем Новгороде, где, видимо, неплохо устроились, обирая население.

Если первое сообщение о женитьбе Михаила Андреевича в Орде у историков не вызвало никаких сомнений, то со вторым дело обстояло значительно сложнее. Так, в среде историков вызвало сомнение разночтение отчества князя Михаила, прибывшего в 1305 г. из Орды в Нижний Новгород и расправившегося с вечниками. В Никоновском и Московском сводах 1479 г. он назван Михаилом Андреевичем,³ а в Воскресенском своде — Михаилом Ярославичем Тверским.⁴ Ряд историков, в концепции которых лучше вписывался образ Михаила Ярославича Тверского, приняли написание Воскресенской летописи.⁵ Несостоятельность этой позиции убедительно

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. СПб., 1892. Прим. 209.

² ПСРЛ. Т. 10. С. 176; Т. 25. С. 393.

³ Там же.

⁴ Там же. Т. 7. С. 184.

⁵ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 104, прим. 2; Будовниц И. У. Поддержка объединительных усилий Москвы населением русских городов: Академику Б. Д. Грекову ко дню 75-летия. М., 1952. С. 119—120; Очерки истории СССР: Период феодализма. XI—XIV вв. / Под ред. Б. Д. Грекова и др. Ч. 2. М., 1953. С. 192; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 462.

доказал В. А. Кучкин, указав, что отчество «Ярославич» вписано в своде 1509 г. (так называемом «списке Царского») ошибочно, так как первоначально стоявшее отчество князя Михаила в статье 1305 г. «Андреевич» оказалось смытым и было другим почерком переправлено на «Ярославич», а из этого списка неверное исправление перешло в Воскресенскую летопись.⁶

Но, согласившись с Карамзиным и Экземплярским в проблеме отчества князя Михаила, В. А. Кучкин расходится с ними по вопросу о том, сыном какого Андрея он являлся, — Ярославича, как они считали,⁷ или Александровича, как предполагал С. М. Соловьев,⁸ и присоединяется к мнению последнего, отвергая таким образом свидетельство летописи о наличии у Андрея Ярославича Суздальского двух сыновей — Юрия и Михаила и о наследовании княжества Михаилом после смерти Юрия.⁹ Но отрицание существования князя Михаила Андреевича Суздальского поставило перед ним другой вопрос: сыном какого же Михаила был суздальский князь Василий Михайлович, в существовании которого не могло быть никаких сомнений? И здесь В. А. Кучкину пришлось прибегнуть к более чем неубедительному, на наш взгляд, предположению, что Василий Суздальский являлся сыном Михаила Юрьевича Суздальского,¹⁰ т. е. не братом Юрия, а сыном. На полную неприемлемость этого предположения указывает то, что ни одна летопись, сообщая о смерти и похоронах князя Юрия Суздальского, не говорит о наличии у него сыновей, а в царском родословце он прямо назван бездетным. В то же время эти же источники сообщают, что Юрию Суздальскому наследовал Михаил, а наследником Михаила, в свою очередь, называют Василия.¹¹

⁶ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси с X—XIV вв. М., 1984. С. 207—208.

⁷ Карамзин Н. М. История... Т. IV. Прим. 209; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. С. 396.

⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 3—4. М., 1960. С. 225—226.

⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 144.

¹⁰ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 206, сноска 57.

¹¹ ПСРЛ. Т. 7. С. 171; Т. 10. С. 156—157; Т. 25. С. 152; Временник. Кн. 10. М., 1861. С. 43.

Что же могло заставить такого серьезного исследователя, как В. А. Кучкин, прибегать к столь странным предположениям? Думается, что причиной послужило его стремление во что бы то ни стало доказать: Городецким княжеством с Нижним Новгородом владел особый князь Михаил Андреевич, но только не Суздальский. В подтверждение своего вывода В. А. Кучкин строит целую систему доказательств. Ссылаясь на запись 1303 г. об участии в освящении церкви в Вологде князя Андрея с сыном Михаилом, он утверждает, что этим князем был Андрей Александрович и, следовательно, Михаил доводился сыном этому Андрею. Последний, умирая в 1304 г., оставил ему Городецкое княжество, на котором Михаил и сидел до смерти в 1311 г. Именно этого Михаила Андреевича и имели в виду летописи, сообщая о его приходе в 1305 г. из Орды в Нижний Новгород для расправы с вечниками. В то же время исследователь соглашается с Экземплярским в том, что брак Андрея Александровича с Василисой Ростовской был его первым браком и его сыну Михаилу в год смерти отца исполнилось только 10 лет. Ему отец и оставил в наследство Городецкое княжество с Нижним Новгородом.¹² Но если можно допустить факт расправы десятилетнего князька с помощью татар со взбунтовавшейся чернью, то предположить факт женитьбы этого князька в 10 лет вряд ли возможно.

Думается, что более вероятной можно считать следующую версию. Женитьба Михаила Андреевича в Орде в 1305 г. была не первой. Поскольку его отец умер в 1264 г., Михаил в 1305 г. достиг возраста не менее 42 лет, и вряд ли он прожил их холостяком. Вероятнее всего дело обстояло следующим образом. Узнав о смерти Андрея Александровича, его двоюродный брат Михаил Суздальский, оставив в Суздале своего сына от первой жены Василия, отправился в Орду хлопотать о возвращении ему владений отца: Городца и Нижнего Новгорода. Эти владения он получил, чему способствовал его второй брак с ордынкой. Вернув во владение Нижний Новгород, Михаил с помощью приданных ему ханом татар усмирил взбунтовавшуюся против княжеских слуг (неважно какого князя) чернь. Непонятно, почему

¹² Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 125—127, 131, прим. 35.

Карамзин и Экземплярский также считали брак пожилого князя Михаила первым. Эта ошибка и привела их к отрицанию, в противоречии с летописями, наличия у Юрия Андреевича женатого брата Михаила и к переводу Василия Суздальского из внуков в братья Юрия.¹³

Вся эта путаница усугубляется еще и тем, что в Родословной книге, составленной в царствование Василия Шуйского, у Андрея Ярославича показаны только два сына: Юрий — бездетный и Василий; Михаил вовсе отсутствует.¹⁴ Однако это находится в полном противоречии со всеми летописями, в которых приводятся сведения по генеалогии суздальско-нижегородских князей, где имя Василия Михайловича обязательно присутствует во всех справках. Василий Михайлович княжил очень недолго, не более 4 лет, и естественно, что летописи не приводят сведений о его княжении.

¹³ Карамзин Н. М. История... Т. IV, прим. 263; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 2. С. 396—397

¹⁴ Временник. С. 43.

Глава III

ОБРАЗОВАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКОГО

Как уже говорилось, занятие великокняжеского стола Михаилом Ярославичем Тверским почти совпало по времени с наследованием Московского княжества Юрием Даниловичем, начавшим буквально с первых дней ожесточенную борьбу с Михаилом Тверским за великое княжение Владимирское. Женившись на сестре ордынского хана Узбека — Кончаке, Юрий сумел взять верх над Михаилом, и по его наветам последнего казнили в Орде в 1318 г. Однако Юрий недолго праздновал победу и был убит в 1325 г там же, в Орде, сыном Михаила Дмитрием Грозные очи, также поплатившимся за содеянное собственной жизнью. Суздальское княжение после смерти в 1309 г. Василия Михайловича наследовал его старший сын Александр Васильевич. В период его правления из-за неоднократных набегов татар, приводимых сыновьями Александра Невского, княжество экономически ослабло. Чтобы как-то спасти положение, Александр Васильевич вынужден был продать Юрию Дани-

ловичу Московскому село Весьское и деревню Кошеево, расположенные в 7 и 14 км от Суздаля, т. е. в самом центре княжества.¹

Но в 1328 г. обстоятельства изменились к лучшему. Ордынский хан Узбек, боясь чрезмерного усиления Владимирского княжества в правление Ивана Даниловича Калиты, сменившего убитого в Орде Юрия, произвел раздел этого княжества. Он оставил Ивану Калите лишь Кострому и Новгород Великий, а Владимир вместе с Суздалем, Городцом и Нижним Новгородом отдал Александру Васильевичу. В. А. Кучкин почему-то считает этого князя «ничего не значившим в политическом отношении», но в дальнейшем противоречит себе, говоря о его активной, если не главной, роли в организации в Орде в 1330 г. убийства стародубского князя Федора, с целью захвата его княжества.²

Нельзя не отметить и такое важное событие во внутренней жизни княжества, имевшее и общерусское значение, как постройка в Нижнем Новгороде монастыря Вознесения, более известного под названием Нижнегородско-Печерского монастыря. Этот монастырь, сыгравший в дальнейшем очень большую роль в истории русского летописания, был построен архимандритом Дионисием не без содействия князя Александра Васильевича незадолго до смерти.

Умер Александр Васильевич в 1331 г. После его смерти Иван Калита, владевший громадными средствами, сумел добиться от хана возвращения под его власть не только Владимира, но и Городца с Нижним Новгородом.³ В годы правления Ивана Калиты экономическая мощь и политическое влияние Московского княжества, поддерживаемого ордынским ханом, настолько выделяли его из числа остальных княжеств Северо-Восточной Руси, что Калита решил превратить Москву не только в политический, но и в религиозный центр страны, предложив митрополиту Киевскому и всея Руси переехать на жительство из Владимира в Москву. Специально для митрополита Калита построил в Москве храм Пречистые богородицы.⁴ Это был очень важный политический шаг.

¹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси с X—XIV вв. М., 1984. С. 205.

² Там же. С. 140—141, 217, 262, прим. 171.

³ Там же. С. 140—141.

⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 193.

Умершего вскоре митрополита Петра причислили к лику святых и Москва стала местом паломничества и поклонения для всех русских людей.

Кроме того, Иван Калита применяет и в области генеалогии прием, имевший впоследствии очень большое значение для его потомков. Поскольку Александр Невский после чуда, происшедшего с его телом перед захоронением, был также объявлен святым, Калита воспользовался этим, чтобы выделить себя и потомков из среды всех других Ярославичей. Уже с 1326 г. он стал называть себя внуком блаженного Александра, не упоминая больше, как было принято в прежнем титуловании, своего прадеда Ярослава Всеволодовича. В последующие годы этот генеалогический козырь широко использовался его потомками в случаях споров с другими Ярославичами о правах на великое княжение.

Но как ни симпатизировал татарский хан Ивану Калите, Орду не могло не тревожить слишком быстрое усиление Москвы. В результате, после смерти Калиты, Нижний Новгород с Городцом и Унжей были изъяты из состава великого княжества Владимирского и отданы во владение Константину Васильевичу Суздальскому, получившему княжение после смерти старшего брата.⁵ Константин отличался от брата как энергией и честолюбием, так и дипломатическими и организаторскими способностями. Побывав в 1342 г. в Орде у нового хана Джанибека, сына Узбека, он понял, что сложившаяся обстановка неблагоприятна для открытого борения с Москвой за великое княжение Владимирское, а поэтому выбрал другой путь борьбы за усиление могущества своего княжества. Получив во владение богатый торговый центр Нижний Новгород, расположенный на границе с малонаселенными мордовскими землями, он перенес туда столицу княжества из Суздаля и начал энергично расширять свои владения; ему удалось захватить значительные территории плодородных мордовских земель и заселить их русскими людьми.

В 1347 г. Константин добивается учреждения отдельной Суздальской епископии, первым епископом которой стал Нафанаил.⁶ В 1350 г. был заложен, а в 1352 г.

⁵ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С 140.

⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 218.

закончен нижегородский каменный храм Боголепного Преображения, ставший главной святыней Низовской земли. В храм перевели древний образ Спаса, писанный в Греции и находившийся до того времени в Суздале.⁷ Так возникло четвертое по счету великое княжество Северо-Восточной Руси с обширной территорией и, что особенно важно, с правом непосредственных сношений с Ордой. Территорию княжества составляли: Нижний Новгород, Городец, Суздаль и три пригорода (Бережец на устье Клязьмы, Юрьевец на Волге и Шуя на Тезе), а также все Поволжье от Юрьевца до устья Суры.⁸

Нижний Новгород стал вторым по богатству русским городом после Москвы. В нем поселились ремесленники таких сложных по тому времени профессий, как литейщики колоколов, золотильщики по меди, архитекторы и каменщики. Нижний вел обширную торговлю с Востоком и стал вторым городом Северо-Восточной Руси, в котором началось строительство каменного кремля, где при Спасском соборе в княжение Константина Васильевича начались первые занятия летописанием. Новое княжество (в том числе и его столица) оказалось одним из самых значительных на русском северо-востоке,⁹ а нижегородский князь стал играть видную роль не только на Руси, но и во всей Восточной Европе. Его сын Борис был женат на дочери великого князя Литовского Ольгерда,¹⁰ одна из дочерей вышла замуж за тверского князя, другая — за ростовского. К нему тяготела и знать Новгорода Великого, недовольная слишком активным вмешательством московских князей в новгородские дела.

⁷ Там же. С. 201; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891. С. 401.

⁸ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 2. С. 402.

⁹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 219; Насонов А. Н. История русского летописания (XI — начала XVIII в.). М., 1969. С. 170.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 241.

Глава IV

БОРЬБА СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКОГО КНЯЖЕСТВА С МОСКВОЙ ЗА ПЕРВЕНСТВО НА РУСИ

Константин Васильевич, учитывая благоприятную ситуацию, сложившуюся в начале 50-х годов XIV в. после смерти великого князя Владимирского и Московского Семена Ивановича Гордого, отправляется в 1353 г., вместе с Иваном Ивановичем Московским, в Орду добиваться ярлыка на великое княжение Владимирское. С заданием поддерживать Константина Васильевича против Ивана Ивановича Московского новгородцы отправляют своего посла Семена Судокова. Но Джанибек отдал предпочтение Ивану, преподнесшему, видимо, более ценные дары. Константину пришлось смириться, но новгородцы еще полтора года не признавали Ивана Московского своим князем.¹ Константин же, учитывая неизбежность обострения отношений с Москвой, именно в это время и женит, как уже говорилось, сына на дочери могущественного Ольгерда, всегда готового вмешаться в русские дела.

В 1355 г. Константин окончательно помирился с Иваном Московским, но в том же году умер. Он первым из суздальских князей был похоронен не в Суздале, а в Нижнем Новгороде в построенной им церкви Святого Спаса. Летописец так охарактеризовал этого князя: «...княжил лет 15, честно и грозно боронил отчину свою от сильных князей и татар».

После смерти Константина в Орду отправился его старший сын Андрей и получил от Джанибека в княжение Суздаль, Нижний Новгород и Городец, т. е. все владения отца. Продолжая строить и украшать свою столицу, новый князь в 1359 г. воздвиг в Нижнем каменную церковь Архангела Михаила. В том же году умер Иван Иванович Московский, оставив наследником девятилетнего сына Дмитрия. В 1360 г. новый хан Орды Наурус предложил великое княжение Владимирское, помимо малолетнего Дмитрия Ивановича, Андрею Константиновичу Суздальско-Нижегородскому. Но тот отказался от этой чести, не чувствуя себя, видимо, спо-

¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 226.

собным управлять слишком большим княжеством. Тогда хан отдал великое княжение его младшему брату — Дмитрию Константиновичу, который принял назначение.

Если в этой связи обратиться к летописи, то здесь мы впервые встречаемся с мыслью о неправильности этого назначения: «...не по отчине, не по дедине».² Как понимать смысл этих слов? Н. М. Карамзин, считая, что летописец приводит суждения современников, указывал на их необоснованность, так как братья Константиновичи были коленом ближе к Рюрику, чем внуки Ивана Калиты.³ В подтверждение этого приведем сравнительную генеалогическую таблицу:

Колено от Рюрика	Суздальские князья	Московские князья
11	Андрей Ярославич	Александр Ярославич Невский
12	Юрий и Михаил Андреевичи	Василий, Дмитрий, Андрей, Даниил Александровичи
13	Василий Михайлович	Юрий Данилович и Иван Данилович (Калита)
14	Александр и Константин Васильевичи	Семен и Иван Ивановичи
15	Андрей, Дмитрий, Борис Константиновичи	Дмитрий Иванович Донской

Итак, если вести счет по поколениям, то оба Дмитрия, и Суздальский и Московский, принадлежали к одному и тому же колену, но если считать, по Карамзину, Василия не племянником, а братом Юрия, то Дмитрий Суздальский имел преимущество, так как был в четвертом колене, а Дмитрий Московский — в пятом. Это старшинство и имел, вероятно, в виду Карамзин. Но отнесение им формулы «не отчине, ни по дедине», по мнению современников, следует признать ошибочным. Формула относится к более позднему времени, когда в генеалогии великих князей Московских окончательно установился принцип счета родovitости и прав на великое княжение не от Ярослава Всеволодовича, а от Александра Невского, впервые введенный в оборот Иваном Калитой. О том, как эта формула попала в Никоновскую летопись, будет сказано в дальнейшем. Что

² Там же. С. 228, 230, 231.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. СПб., 1892. С. 189.

же касается описываемого времени, когда татарское иго непоколебимо висело над Русью и назначение великих князей полностью зависело от воли ордынских ханов, принцип передачи власти «по отчине и дедине», являлся анахронизмом. Новгородцы же были очень рады, что великим князем Владимирским стал не московский, а суздальский князь. И поэтому когда Дмитрий Константинович, переехав во Владимир, прислал своих послов и наместников в Новгород, их приняли с честью, а самого Дмитрия новгородцы признали своим князем. Он, в свою очередь, принял все их условия. Признал его также и ростовский князь Константин. Малолетний московский князь Дмитрий вероятно примирился бы с потерей великого княжения, но против этого выступали живущие в Москве глава Русской церкви митрополит Киевский и всея Руси Алексей, а также и московское боярство, которое, как и митрополит Алексей, было заинтересовано в закреплении за московскими князьями титула великих князей не только Владимирских, но и всея Руси.

Их стремлению вернуть московскому князю великое княжение способствовало и тому, что в 1361 г. в Орде был убит хан Наурус вместе с сыном и его место занял заяицкий царь Хидырь. В том же году Дмитрий Московский вместе с Дмитрием и Андреем Константиновичами отправились к новому хану на поклон, но едва Дмитрий Московский успел уехать оттуда, как в Орде вспыхнула новая «змятня». Хидырь был убит собственным сыном Темиром Хозей, против которого, в свою очередь, восстал темник Мамай и призвал на царство своего ставленника Абдулу. Дмитрию Ивановичу удалось избежать этой «змятни», но братья Константиновичи и другие русские князья, также приехавшие с поклоном, едва унесли ноги. Вскоре в «змятне» принял участие брат убитого Хидыря Амурат. В 1362 г. он нанес поражение Мамаю, но не разбил его совсем, и в результате в Орде оказались два царя: Абдула с Мамаем, и Амурат с Сарайскими князьями. Абдула и Амурат между собой непрерывно враждовали.⁴

К этому времени владения суздальско-нижегородских князей достигли небывалых размеров. Дмитрий Константинович владел Владимиром, Переславлем и Новгородом

⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 232—233.

Великим с его необъятной территорией, Андрей продолжал владеть Суздалем и Нижним Новгородом, а младший — Борис, зять Ольгерда, сидел в Городце.⁵ К тому же Дмитрия Константиновича поддерживали князья: Ростовский, Галичский и Стародубский.

Видя такую опасную для Москвы расстановку сил в Северо-Восточной Руси, митрополит Алексей берет инициативу в свои руки. Потомок знатного боярского рода, умный, энергичный человек, талантливый дипломат и, что особенно важно, бесконтрольный распорядитель бесчисленными богатствами российской церкви, он, будучи к тому же по завещанию Ивана Ивановича опекуном малолетнего Дмитрия и фактически регентом, посоветовавшись с московским боярством, решает использовать благоприятную обстановку, сложившуюся в Орде в связи с возникшим двоевластием. Алексей посылает своих послов с богатыми подарками к более слабому из ханов — Амурату, сидящему в Сарае под постоянной угрозой нападения со стороны Мамаея, и тот дает Дмитрию Московскому ярлык на великое княжение Владимирское.⁶ Дмитрий Константинович, просидев на великом княжении два года, переходит из Владимира, в котором не пользовался особым авторитетом, в Переславль, сохраняя за собой и Новгород Великий. Но поскольку Переславль испокон веков был связан с Владимиром, Дмитрий, видимо, не получивший поддержки от его населения, уходит в Суздаль. Вскоре во Владимир прибывают послы и второго ордынского хана — Абдулы также с ярлыком Дмитрию Московскому на великое княжение.

Принятие Дмитрием Московским ярлыка от Абдулы привело в ярость его врага — Амурата, и он, отменив свое первое решение, направил к Дмитрию Константиновичу в Суздаль посла Иляка с тридцатью татарами и ярлыком на великое княжение Владимирское. Обрадованный князь, воспользовавшись тем, что Дмитрий Московский ушел в Переславль, прибыл во Владимир с татарами и дружественным ему князем Белозерским.⁷ Но тридцать татар были слишком слабой гарантией дейст-

⁵ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 307.

⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 233.

⁷ Там же. Т. 11. С. 2.

венности амуратовского ярлыка. Дмитрий Иванович с братом Иваном и двоюродным братом Владимиром Андреевичем, собрав большие силы, выступили против Дмитрия Константиновича, после чего последний вынужден был бежать обратно в Суздаль, пробыв вторично на великом княжении лишь 13 дней. На этот раз Дмитрий Иванович не стал ограничиваться изгнанием соперника из Владимира, а двинулся к Суздалью и разорил все его окрестности («все пусто сотвори»). Дмитрий Константинович «взял с ним мир» и ушел из Суздаля в Нижний Новгород к старшему брату Андрею. Но Дмитрий Московского не успокоила расправа лишь с одним противником. Он решил заодно разделаться и со всеми его союзниками: подчинил себе ростовского князя, а князей Галицкого и Стародубского согнал совсем с их княжений. Последние отправились в Нижний Новгород, «скорбяще о княжениях своих».⁸

Суздальским князем по-прежнему оставался Андрей Константинович. Судя по всему, он горячо сочувствовал брату и его единомышленникам, поскольку принял не только брата, но и других князей, изгнанных Дмитрием Московским из их владений. Сам Андрей за свою церковностроительную и благотворительную деятельность пользовался большой любовью населения и особенно церкви. Об этом свидетельствует запись в Никоновской летописи под тем же, неблагоприятным для Дмитрия Константиновича 1363 годом, в которой сказано: «Того же лета в Новегороде в Нижнем явился знамение, по обеде (т. е. после обедни.— Г. А.) убо в церкви владыка Алексей Суздальский благослови крестом великого князя Андрея Константиновича Суждальского и Новгорода Нижнего и Городецкого, и в тот час из креста поиде мире, и удивишася людие».⁹ Это безусловно инспирированное епископом Алексеем чудо имело целью возвеличивание Андрея Константиновича до уровня святого и, следовательно, приравнивание его в этом отношении к Александру Невскому, что ставило суздальско-нижегородских князей на один уровень с московскими.

Но «чудо» не успело произвести на народ нужного действия, так как сразу за ним на княжество обрушились два очень тяжелых бедствия. Сначала с «низу»,

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 3.

т. е. с Поволжья, от Бедежа в Нижний Новгород пришел мор (видимо чума), который уносил в день по 50—100 человек. Оттуда эпидемия стала распространяться по всей Северо-Восточной Руси. Особенно пострадало Суздальско-Нижегородское княжество — вслед за мором княжество посетила страшная засуха. Вероятно, Андрей Константинович воспринял эти бедствия как реакцию свыше на кощунство, совершенное в связи с благословением его епископом Алексеем, так как в то же лето постригся в монахи, а в начале 1365 г. скончался. Летописец, сообщая о пострижении Андрея, специально отметил, что «бысть же сей князь духовен зело и многодобродетелен».¹⁰

В сообщении о смерти и погребении Андрея Константиновича летописец употребляет новую формулировку его родословной, которая стала предметом длительных дискуссий среди историков, начавшихся при Карамзине и продолжающихся до наших дней. Указанная запись гласила: «Того же лета преставися кроткий и тихий и смиренный и многодобродетельный великий князь Андрей Константинович Суздальский и Новограда Нижнего и Городецкий, внук Васильев, правнук Михайлов, праправнук Андреев, прапраправнук Александров, прашур Ярославль и т. д. и положен бысть в церкви Св. Спаса в Новгороде Нижнем, идеж бе отец его князь велики Константин Васильевич».¹¹

Итак, второй раз после 1268 г., т. е. почти через 100 лет, в летописную родословную суздальских князей включается Александр Невский. И на этот раз не случайно, так как вслед за этой записью следует другая, касающаяся уже родословной Дмитрия Константиновича, только что отправившего своего сына Василия, по прозвищу Кирдяпа, в Орду и прибывшего из Суздаля после смерти брата в Нижний Новгород. В записи сказано: «Того же лета князь Дмитрий Константинович Суздальский, внук Васильев, правнук Михайлов, праправнук Андреев, прапраправнук Александра Ярославича прииде в Новгород Нижний на великое княжение с матерью своею с Еленой и со владыкою своим Алексеем Суздальским и Новгородским и Городецким». Однако его младший брат Борис Константинович, надеясь на под-

¹⁰ Там же. С. 3—4.

¹¹ Там же. С. 4.

держку могущественного тестя Ольгерда Литовского, не согласился уступить Дмитрию Нижегородское княжение. К тому же ему удалось подкупить ордынскую царицу Асан, имевшую большое влияние на хана, и из Орды от царя Барамхозя и от царицы Асан прибыл посол и посадил «на Новгородское княжение князя Бориса Константиновича, внука Васильева, правнука Михайлова, праправнука Андрея Александровича».¹² Таким образом, и третий брат, вслед за старшими, именуется потомком не Андрея Ярославича Суздальского, а его старшего брата Александра Ярославича Невского.

На не случайном характере этих изменений в формулировке родословной суздальско-нижегородских князей мы остановимся позднее, а сейчас вернемся к событиям, происшедшим в результате проступка Бориса Константиновича.

Характерно, что одновременно с послом царя Барамхозя к Борису с ярлыком на великое княжение Нижегородское вернулся из Орды Василий Дмитриевич Кирдяпа с ярлыком на имя отца на великое княжение Владимирское и с ханским послом Урусманды.¹³ Вот с какой целью, оказывается, посылал сына в Орду Дмитрий Константинович. Он надеялся, снова став великим князем Суздальско-Нижегородским и Городецким, возобновить свою борьбу с Дмитрием Московским за великое княжение Владимирское. Но будучи человеком благоразумным, Дмитрий понял: в сложившейся совершенно неожиданно ситуации нечего было и думать о том, чтобы воспользоваться результатами поездки сына в Орду. Напротив, ему предстояла борьба с братом за свое родовое княжество. Понимая, что собственными силами он не сможет решить эту задачу, Дмитрий Константинович принимает единственное правильное решение: отказывается навсегда от всяких прав на великое княжение Владимирское в пользу Дмитрия Московского и обращается к нему за помощью в борьбе против мятежного брата.

Дмитрия Московского вполне устраивала такая расстановка сил, дававшая возможность превратить одного из сильнейших и опаснейших конкурентов в союзника в его борьбе за объединение всех земель Северо-

¹² Там же. С. 5.

¹³ Там же.

Восточной Руси под верховной властью Москвы. Сначала Дмитрий Московский хотел решить дело миром и послал к Борису своего посла с предложением помириться с братом и разделить с ним полюбовно княжество на два самостоятельных удела, что навсегда лишило бы обоих братьев возможности противостоять Москве. Но Борис не принял этого предложения. Тогда митрополит Алексей по просьбе Дмитрия ликвидировал Суздальско-Нижегородское епископство и отозвал в Москву епископа Алексея, а сам Дмитрий послал к Борису прославленного в народе святителя Сергия Радонежского с приглашением прибыть в Москву для переговоров. Борис и от этого отказывается. Тогда Сергей по приказу митрополита Алексея закрывает все церкви в княжестве, что почти равносильно анафеме.

Затем Дмитрий Иванович дает Дмитрию Константиновичу большое войско, и тот, пополнив его своими суздальскими полками, двигается на Нижний Новгород. Когда Дмитрий Константинович подошел к Бережью, Борис, поняв, что ему уже нечего ждать помощи от Ольгерда, вышел навстречу брату со всеми своими боярами и запросил мира. Дмитрий простил брата и оставил ему в княженье Городец, а сам сел в Нижнем.¹⁴ По данным нижегородского летописца, он посадил на княжение в Суздале своего сына Василия Кирдяпу.¹⁵ В том же году скончался суздальский епископ Алексей.

Описанные события положили конец дальнейшему росту экономического и политического могущества Суздальско-Нижегородского княжества, послужив толчком к началу движения в обратном направлении.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 7; Т. 8. С. 14.

Глава V

ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕТОПИСИ ДИНАСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ XIV В.

После отказа Дмитрия Константиновича от всяких претензий на великое княжение Владимирское между двумя Дмитриями, Нижегородским и Московским, установились самые дружественные отношения, и 18 января

1366 г. Дмитрий Иванович Московский женился на дочери Дмитрия Константиновича — Евдокии. Нельзя не отметить следующего весьма любопытного факта: свадьба почему-то происходила не во Владимире и не в Москве, а в Коломне. Никоновская и Воскресенская летописи поместили об этом событии очень краткие сообщения, ничего не говоря о том, кто производил венчание, и не упоминая о каких-либо торжествах. Совсем не упомянул об этом событии и Московский летописный свод, в основе которого лежит Воскресенская летопись. Невольно напрашивается вопрос: почему в венчании не принимал участия воспитатель и опекун Дмитрия Московского митрополит Алексей? А не был ли он против женитьбы своего 16-летнего воспитанника и не прочил ли ему какой-то другой, более выгодной в политическом отношении, супружеский союз?

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению истории Суздальско-Нижегородского княжества, вернемся к вопросу о том, кто, почему и в чьих интересах мог произвести подтасовку в генеалогии суздальских князей.

Мы уже говорили о том, какую длительную дискуссию в исторической литературе вызвала «поправка» в Никоновской летописи, и кратко охарактеризовали сюжет этой дискуссии. Здесь же отметим лишь одну, но существенную ее особенность. Характерно, что ни один из участников дискуссии даже не попытался решить вопрос о том, являлась ли «поправка» результатом случайных ошибок или описок летописцев либо редакторов свода, или это было сознательное исправление текста, продиктованное какими-то политическими соображениями летописцев, редакторов или переписчиков.

Решить эту проблему можно лишь, обратившись к истории создания Никоновского летописного свода, единственного из всех летописных сводов, в котором уделялось большое внимание генеалогии русских князей. Исследователь Никоновского свода отмечает неслучайный характер этих генеалогических экскурсов. Они, по его мнению, служили определенным политическим целям; прежде всего утверждению идеи о старшинстве родословной линии великих князей Московских.¹ Для решения интересующего нас вопроса прежде всего важно

¹ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 177—178.

установить место и время составления той части свода, в которой освещаются события и их участники за период с середины XIII — до конца XVI в. По единодушному мнению всех историков русского летописания, в основе Никоновского свода лежит свод 1305 г., сохранившийся в единственном списке второй половины XIV в. и известный под названием «Лаврентьевская летопись».² Указанная летопись дошла до нас в оригинале и с припиской того самого монаха Лаврентия, который писал ее вместе с помощником. В этой приписке прямо говорится, что рукопись писана «князю Дмитрию Константиновичу по благословению священного епископа Дионисия». Таким образом, нам известен как составитель свода, так и его патрон — епископ Дионисий.

Летопись писалась при Спасо-Преображенском соборе, построенном в 1352 г. Следует отметить, что местное нижегородское летописание началось раньше, еще при Нижегородско-Печерском монастыре, основателем которого являлся все тот же Дионисий, остававшийся его игуменом и архимандритом до посвящения в сан епископа Суздальского и Нижегородского в 1374 г. Как установлено, Лаврентий был не только копиистом, но и вносил в текст некоторые изменения.³

В период неограниченного господства на Руси татарских ханов при получении ханского ярлыка на великое княжение генеалогия русских князей не имела никакого значения, если она не подкреплялась достаточно богатыми дарами. Счет великого княжения велся от Ярослава Всеволодовича. Старшинство по возрасту не играло никакой роли, что прекрасно доказывается ожесточенной борьбой сыновей Александра Невского между собой за великое княжение. Однако со времени Ивана Калиты, наиболее крепко оседлавшего великокняжеский престол, положение изменилось. В подкрепление материальной основы прав своих потомков на этот престол Калита ввел новый генеалогический счет, который начинался не с Ярослава Всеволодовича, а с Александра Невского. О значении этой смены в генеалогии московских князей А. Е. Пресняков писал: «Крупная и яркая сила Александра Ярославича грозит преломить в сознании

² Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 168—169.

³ Там же. С. 180.

следующего поколения представление о преемстве по Ярославе Всеволодовиче и выдвинуть новую тенденцию, новые притязания на исключительное преемство по Александре его потомков, помимо боковых линий Ярослава дома».⁴

Этот новый генеалогический счет нашел свое отражение в летописной записи 1360 г. в связи с получением Дмитрием Константиновичем Суздальским ярлыка на великое княжение «не по отчине, ни по дедине», повторенной в этой редакции и в Никоновском, и в Воскресенском, и в Московском летописных сводах. В отличие от Карамзина А. Е. Пресняков считает эту оговорку не мнением современников события, а вставкой составителей летописных сводов XVI в. Он писал по этому поводу: «...этот текст — характерная черточка московской историографии XVI в., а не источник для событий XVI века. Свой текст Никоновская летопись тут комбинирует из двух источников: сходного с Троицкой и сходного с Воскресенской (откуда, например, слова «не по дедине, ни по отчине»), и дополняет их сообщениями книжника составителя».⁵

Здесь следует отметить, что в период наивысшего могущества Суздальско-Нижегородского княжества его князь Константин Васильевич и Дмитрий Константинович не нуждались ни в каком исправлении в генеалогии их рода. Напротив, будучи потомками Андрея Ярославича, первого великого князя из этого рода, они считали себя имеющими больше прав на великое княжение, чем московские князья, чей предок являлся лишь вторым великим князем из рода Ярославичей.

После поражения в борьбе с Дмитрием Московским и потери великого княжения в 1363 г. Дмитрий Константинович как будто бы должен был отказаться от всяких надежд на возвращение на великокняжеский престол, но оказывается мысль о великом княжении все это время не покидала его. После смерти старшего брата, получив возможность снова вернуться на Суздальско-Нижегородское княжение, Дмитрий составляет новый план возвращения на великое княжение Владимирское. Воспользовавшись враждой двух ордынских ха-

⁴ Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918. С. 67.

⁵ Там же. С. 26, прим. 2.

нов, он посылает к ним своего наиболее разумного сына Василия Кирдяпу. Но памятуя, какой генеалогический козырь был предъявлен в 1362 г. сторонниками московского князя, Дмитрий Константинович решает выбить его из рук соперника. По его указанию, а вероятнее всего, по совету его соратника и вдохновителя архимандрита Дионисия, мечтавшего о епископском сане, в генеалогию суздальских князей вносится исправление. Отныне они становятся потомками не Андрея Ярославича, а Александра Невского, и притом старше на одно колено, так как предок московских князей Даниил был младшим сыном Александра, а значит моложе Андрея. Вполне вероятно, что Василий Кирдяпа, помимо богатых даров, предъявил хану и этот козырь. Но результат всей этой игры был уничтожен мятежом Бориса Константиновича против брата. И все же князья Шуйские продолжали считать себя потомками Александра Невского. Этот козырь как обоснование своего права на Российский трон предъявил, в частности, Василий Шуйский.

Возникает вопрос о том, почему внесенная поправка не была изъята при редактировании Никоновского свода в 20-х годах XVI в. в скриптории митрополита Даниила. Думается, что причину этого нужно усматривать в политической ситуации того времени. Великим князем всея Руси в эти годы являлся Василий III. В то время, когда составлялся Никоновский свод (между 1426 и 1530 гг.⁶), ему было от 47 до 51 года. Он уже три года был вторично женат, но все еще не имел детей. Претендовали на великокняжеский престол в случае вполне вероятной бездетности Василия III князья Рюриковичи-Шуйские, которых при дворе, по свидетельству иностранных послов, считали принцами крови. Поэтому редактору Никоновского свода митрополиту Даниилу не было никакого резона ссориться со столь могущественными и опасными людьми.

О том, что собой представлял митрополит Даниил как личность, можно судить по характеристике, которую ему дал имперский посол Герберштейн, знавший митрополита лично: «...приблизительно 30 лет от роду. Человек крепкого и тучного телосложения с красным лицом. Не желая казаться более преданным чреву, чем постам, бдениям

⁶ К л о с с Б. М. Никоновский свод... С. 56.

и молитвам, он перед отправлением торжественного богослужения всякий раз окуривал лицо свое серным дымом для сообщения ему бледности».⁷ Житейской характеристике вполне соответствует и политическая: «Его не смущало нарушение ни клятв, ни канонических установлений, зато поведение ... вполне отвечало тогда требованиям светской власти».⁸ Завершим эти зарисовки воспоминанием современника, записавшего в 1539 г.: «Того же лета, февраля в 2 день, Даниил митрополит оставил митрополичество неволею, что учил ко всем людям быти немилосерд и жесток, уморил у себя в тюрьмах и окованных своих людей до смерти, да и сребролюбие было великое».⁹

Тем не менее все эти качества отнюдь не мешали Даниилу стать талантливым литератором. Созданная под его редакцией Никоновская летопись «представляет, во-первых, феномен историографический как определенный этап в развитии русской исторической мысли и как исторический источник, во многом отличающийся от других летописных сводов своеобразием и богатством содержания, во-вторых, как явление литературное, характеризующееся определенным стилем ее создателя и интересное содержащимися в ней осколками памятников народной поэзии, не дошедших до наших дней».¹⁰ Но принимая во внимание личность самого митрополита Даниила, не приходится уповать на объективность и честность его редактирования, особенно тех фрагментов, которые задевают его личные интересы. Поэтому вполне обоснованным можно считать предположение, что в период династической неопределенности, не желая ссориться с принцами крови Шуйскими, митрополит оставил поправку в летописи, отвечающую их интересам. После же рождения Ивана IV, в годы его малолетства и боярского правления, ввязавшись в борьбу Шуйских с Бельскими на стороне последних, Даниил внес во вред Шуйским фразу «не по отчине, ни по дедине», из-за которой, возможно, вкупе с другими качествами и полетел с митрополичьего стола.

⁷ Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб., 1908. С. 41.

⁸ Насонов А. Н. История русского летописания... С. 376.

⁹ Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. // Исторические записки. Кн. 46. М., 1954. С. 285.

¹⁰ Насонов А. Н. История русского летописания... С. 376.

Глава VI

СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКОЕ КНЯЖЕСТВО — ВОСТОЧНЫЙ СТРАЖ РУСИ

Вернемся к истории Суздальско-Нижегородского княжества. После женитьбы Дмитрия Ивановича на дочери Дмитрия Константиновича между зятем и тестем установились самые дружественные отношения. Дмитрий Московский, не боясь больше соперничества тестя, был заинтересован в укреплении Нижнего Новгорода как восточного стража Русской земли против татар, тем более что он только еще начал строительство каменного кремля в Москве.

Борис Константинович, получив Городец в потомственное владение, также занялся укреплением и расширением своих владений. Оба брата в борьбе с внешними врагами действовали в полном согласии. В 1367 г. ордынский хан Булат-Темир с большими силами вторгся во владения братьев, разоряя Нижегородский уезд и грабя волости и села Городецкого княжества. Дмитрий Константинович вместе с Борисом и самым младшим братом Дмитрием Ногтем и всеми сыновьями обрушился на врага, нанеся ему полное поражение. Бежавшего в Орду Булат-Темира убил хан Азиз.¹ Сложившаяся ситуация была очень благоприятна для Дмитрия Московского, который в это время вел тяжелую борьбу с тверским князем Михаилом Александровичем и его тестем Ольгердом Литовским. Характерно, что братья Константиновичи не только не воспользовались этой ситуацией, а, напротив, дальнейшая их деятельность полностью отвечала интересам Дмитрия Московского.

Осенью 1370 г. Дмитрий Константинович послал брата Бориса и сына Василия Кирдяпу вместе с послом ордынского царя Мамат Салтана с войском против болгарского князя Асана («еже ныне глаголются Казанцы»). Асан, не принимая боя, направил к ним послов «с молением и с челобитьем и со многими дары; они же дары взяша, а на княжение посадиша Салтана Бакова сына, и возвратишася в Новъгород в Нижний к великому князю Дмитрею Константиновичу, внуку Васильеву, пра-

¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 14; Т. 11. С. 9.

внуку Михайлову, праправнуку Андрееву, препраправнуку Александрову». Как видим, новая формулировка генеалогии суздальских князей прочно установилась в Никоновской летописи.

Видимо дары, полученные с болгарского царя Асана, были достаточно велики, если в 1371 г. Дмитрий Константинович смог поставить в Нижнем Новгороде каменную церковь Николы на Бечеве, а в следующем году, по примеру Дмитрия Московского, начал строить каменный нижегородский кремль; брат Борис в том же году поставил на реке Суре город Курмыш.²

Спокойный за безопасность со стороны Константиновичей, Дмитрий Московский успешно продолжал борьбу с Михаилом Тверским и Ольгердом Литовским. В 1374 г. митрополит Алексей восстановил вновь Суздальско-Нижегородскую епархию и епископом поставил архимандрита Нижегородского-Печерского монастыря Дионисия, местного святителя, великого патриота Нижнего Новгорода и поклонника князя Дмитрия Константиновича. Это событие явилось своего рода подарком митрополита Алексея смирившимся суздальско-нижегородским князьям за их «хорошее поведение». Но в том же году в Нижнем Новгороде произошли события, имевшие для него очень тяжелые последствия.

26 ноября 1374 г. у Дмитрия Московского в Переславле родился сын Юрий; крестил его Сергей Радонежский. На крестины съехались гости, и в первую очередь тесть отца и дед новорожденного Дмитрий Константинович Суздальский с женой, братьями, детьми и боярами, а в Нижнем Новгороде остались Василий Кирдяпа и епископ Дионисий. В это время к городу подошел отряд татар (численностью 1—1,5 тыс. человек) во главе с послом Мамаея Сарайкой. Какова была цель прихода ордынцев, нижегородцы не знали, но, учитывая, что к этому времени Дмитрий Константинович размирился с Мамаем, да к тому же на Орду напал мор и татары могли занести заразу в город, нижегородцы, расценив этот приход как проявление вражды, персбили большую часть отряда, а Сарайку с его личной дружиной взяли в плен и увели в город.

Узнав о происшедшем, Дмитрий Константинович срочно вернулся в город и приказал развести Сарайку с

² Там же. Т. 11. С. 12—13, 18.

дружиной. Но было уже поздно. Татары вбежали во владычный двор, заперлись в нем, зажгли постройки и начали стрелять. Многих ранили и убили. Стреляли и в Дионисия, но стрела застряла в мантии. Тогда собравшиеся ворвались во двор и перебили всех татар вместе с Сарайкой.³ Ответом явился приход Мамаева войска, взятие и сожжение ими поселка Киши, а также захват и разграбление всего Запьянья (местности за рекой Пьяной), избиение и пленение многих людей.⁴ Но это событие положило лишь начало процессам упадка могущественного Суздальско-Нижегородского княжества и изменения его роли среди других княжеств Северо-Восточной Руси.

Летом 1375 г. Дмитрий Константинович вместе с братьями и сыном Семеном, оставив в Нижнем снова Василия Кирдяпу, в составе большой армии русских князей во главе с Дмитрием Московским принимает участие в походе против Михаила Александровича Тверского. Последний, сходя в Литву и заручившись от Ольгерда обещанием помощи, получил от Мамаея ярлык на великое княжение и, сложив с себя крестное целование Дмитрию Ивановичу, выступил против него. Результатом похода был полный разгром тверской рати. Михаил Александрович, ожидая помощи от Ольгерда, отсиживался в Твери, но Ольгерд, узнав по пути к Твери о силах Дмитрия, ушел обратно. Тогда Михаил запросил мира и, получив его на условиях противника, прекратил сопротивление.⁵ После этого поражения Тверское княжество уже не смогло оправиться и перестало представлять угрозу для Дмитрия Московского. Участие Дмитрия Константиновича в походе против Михаила Тверского еще более укрепило дружбу зятя с тестем.

В марте 1376 г. сыновья Дмитрия Константиновича Василий Кирдяпа и Иван вместе с воеводой Дмитрия Московского знаменитым Дмитрием Волынцем выступили против Казани. Казанские князья Асан и Махмат Салтан двинули против них войско, стреляющее из луков и самострелов, а из города их поддерживали, «гром пушаху страшаше Русские полки, а инии из самострелов стреляху, а друзии на велбудех выежжаша,

³ Там же. Т. 8. С. 20—21; Т. 11. С. 21.

⁴ Там же. Т. 8. С. 22; Т. 11. С. 21.

⁵ Там же. С. 22—23.

полошающе кони Русские».⁶ Но русские полки не дрогнули, единым натиском смяли противника и погнали к городу. Князя Асан и Махмат выплатили Дмитрию Московскому с тестем 2 тыс. рублей, а ратям 3 тыс. и согласились посадить в Болгарах великокняжеских дарагу и таможенника.⁷

Но вскоре, летом 1377 г., на Нижегородское княжество обрушилось бедствие, ставшее переломным моментом в его истории, после которого оно уже не могло восстановить свое прежнее положение. Это событие описано в Воскресенской летописи, в Московском летописном своде 1479 г. и в Никоновской летописи. Но если в первых двух летописях налицо полное совпадение текста, то текст Никоновской летописи настолько отличается как по содержанию, так и по стилю письма, что на нем нужно остановиться особо. Сравнение этих летописей между собой дает читателю ясное представление о зависимости летописания, во-первых, от места и времени составления летописи, во-вторых, и в значительной степени, от личности ее составителя или редактора.

Так, в текстах Воскресенской, а следовательно, и Московской летописях сказано: «О побоище иже на Пиане. Того же лета перебеже из Синие орды за Волгу некоторый царевич, именовъ Арапша, и въсхоте ити ратию к Новугороду Нижнему, князь же Дмитрий Костянтиновичъ посла вестъ к великому князю Дмитрию Ивановичю зятю своему; и князь великий приде к Новугороду в силе велице, и не бысть вести про царевича Арапшу, и възвратися на Москву, и посла противу Татаръ рати своа: Володимерскую, Юриевскую, Переславскую, Муромскую, Ярославскую, а князь Дмитрией Костянтиновичъ посла сына своего князя Ивана, да князя Семена Михайловича, а с ними рати свои. И бысть множество ратных, и поидоша за Пиану реку. И прииде к ним вестъ, яко царевичъ Арапша на Волчией воде, они же оплошишася и не в брежении хождаху, доспехи своя възкладше на телегы, а иные в сумы, а у иных и сулицы еще не насажены беху, а щиты и копиа не приготовлены, а ездяху и порты с плечь спускавше, а мед пиаху допиана, и ловы деюще,

⁶ Там же. Т. 8. С. 24—25; Т. 11. С. 25; Т. 25. С. 192.

⁷ Там же. Т. 8. С. 25.

потеху себе творяще. А в то время погании князи Мордовьстии подведоша рать Татарскую втаю, из Мамаевы орды, на князей Руских, князем же про то вести не было. Дошедшем же им Пара, и ту абие погании вборзе разделишася на 5 плъков, и внезапно из невести удариша на них в тыл, бьюще, колюще и секуще; они же не успеха что сътворити, побегаша к Пиане реце, Татарове же после бующе, и ту убиша князя Семена Михайловича и множество боаръ; а князь Иван Дмитриевич прибеже в оторопе к реце, гоним напрасно, и ввържеся на коне в реку и утопе, и с ним истопе множество боаръ и вой бес числа, а инии избиени быша. Сия же злоба деяся месяца августа в 2, в неделю, о полудне. И одолевше Татарове христианом, и сташа на костех, и оставивша ту полон и грабежь весь, поидоша (изгоном С. К.) без вести, к Нижнему Новгороду; князю же Дмитрею Костянтиновичу не бысть силы стати противу им на бой, и беже в Суждаль, а люди горожане разбегашася в судехъ по Волзе к Городцу. Татарове же прогониша к городу месяца августа в 5, в среду, остаточных людей избиша, а град весь, церкви и монастыри пожгоша; и отъидоша окааннии от города в пятток, и начаша волости Новгородцкие и села воевати и жещи, и много людей посекоша, а жены их и дети в полон поведоша. Того же месяца августа прииде князь Василий Дмитриевич из Суждаля в Новъгородъ, и послав повеле выняти брата своего князя Ивана из рски из Пианы, и привезоша его в Новъгородъ, и положиша его в церкви каменной святого Спаса, в притворе на правой стороне, августа 23. Того же лета поганаа Мордва събравшеся и пришедше без вести удариша на уезд, и множество людей посекоша, а иных полониша, и остаточныя села пожегше поидоша прочь. Князь же Борис Костянтиновичь погони за ними не в мнозе, и постиже их у реки Пианы; они же окаании побегоша за реку, а которыи не успеха тех избиша, а инии вметающеся в реку Пиану истопоша. Князь Дмитрий Костянтиновичь посылал рать свою на Мордву. Тое же зимы посила князь Дмитрий Костянтиновичь брата своего князя Бориса и сына своего князя Семена ратью, воевати поганую Мордву, а князь великий Дмитрей Ивановичь посла же свою рать с ними, а воевода Феодор Андреевич Свибло; и шедше взяша всю землю Мордовскую, села и погосты и зимници

пограбиша и пожгоша, а самих изсекоша, а жены их и дети полониша, тех же мало кто избыл из рук их, всю бо землю их пусту сътвориша, множество же живых Мордвы лучших приведоша в Новъгород, и многими казнями различными казниша их и на леду, волочаше их, по Волзе псы травиша».⁸

А вот как то же самое событие описывает Никонская летопись: «Того же лета перебежа из Синие Орды за Волгу некий царевич именем Арапша в Мамаеву Орду Воложскую; и бе тот царевичь Арапша свереп зело, и ратник великий, и мужествен, и крепок, возрастом же телесным отнудъ малъ зело, мужеством же велий и победы многих, и восхоте ити ратью к Новугороду Нижнему. Князь великий же Дмитрей Константинович Нижняго Новагорода и Суждаля посла вестника на Москву к зятю своему, к великому князю Дмитрею Ивановичю; князь великий же Дмитрей Ивановичь, собрав воя многи и прииде к Новугороду на помощь тестю своему князю великому Дмитрею Константиновичу со множеством воинства. И не бысть вести про царевичя Арапшу, и возвратися князь велики Дмитрей Ивановичь на Москву, а воеводы своя остави тамо стоати с Володимерцы, с Переславцы, с Юрьевцы, и с Муромцы, и с Ярославцы; и потом начаша неции глаголати, яко есть Татарове в поле и царевичь Арапша крывается в неких местах, и сие ничтоже знаемо бысть Русским князем и воеводам их, но оплошишася вси. Таже потом князь великий Дмитрей Константинович Нижняго Новагорода и Суждаля посла сына своего князя Ивана, да князя Семена Михайловичя, а с ними воеводы и воинство много, такоже и великого князя Дмитрея Ивановичя Московскаго воеводы и воинство много, и бысть рать велика зело, и поидоша за реку за Пиану в воинстве мнозе. И прииде к ним весть, поведая им царевичя Арапшу на Волчих водах, они же начаша веселитися, яко корысть многу мяще обрести; таже потом и инии вести приидоша к ним, они же оплошишася и ни во чтоже сие положиша, глаголюще: „никтоже может стати противу нас”. И начаша ходити и ездити во охабнех и в сарафанех, а доспехи своя на телеги и в сумы skutаша, рагатины и сулицы и копья не приготовлены, а инии еще

⁸ Там же. С. 24—25; Т. 25. С. 193—194.

и и не насажени быша, такоже и щиты и шоломы; и ездisha, порты своя с плечь спущающе, а петли разстегавше, аки в бане распревше; бе бо в то время знойно зело. Любляху же пианство зело, и егда где наезжаху пиво и мед и вино, упивахуся без меры, и ездяху пьяни и глаголюще в себе кождо их, яко „может един от нас на сто Татаринев ехати, по истинне никтоже может противу нас стати”. А князи их, и бояре, и вельможы, и воеводы, утешающесе и веселящесе, пьюще и ловы деюще, мняще ся дома суще, аки в своих сиротах величающесе и возносящесе, забыша смиренныя мудрости, яко Бог дасть смиренным благодать, и яко всемя Адамови внуци; они же в гордости величяющесе, и Господь Бог смири гордость их. И тако в то время князи Мордовстии подведоша втаю рать Татарскую из Мамаевы Орды Воложския на князей наших, а князем нашим в небрежении сущим и ничтоже о сем смышляющим, аки и не бысть вести им. И доидоша наши Пару, ничтоже ведяще; Татарове же усмотревше их, и вборзе разделишася на 5 полков, и тако безвестно удариша на нашу рать, в тыл биюще и секуще и колюще; наши же не успеха ничтоже; что бо им и сътворити, понеже безвестно им бысть? И побегоша наши к реце ко Пьяне, яко ничтоже могуще, а преже того величяющесе, яко всемогуща; а Татарове после их гоняюще, бьюще их, и тамо убиша князя Семена Михайловича, и множество князей и бояр и велмож и воевод паде острием мечя Измаильтескаго. А князь Иван Дмитриевичъ прибежа вборзе к реце Пьяне, гоним напрасно, и ввержесе на коне в реку в Пиану и утопе; и истопоша с ним в реце в Пиане множество князей, и бояр, и велмож, и воевод, и слуг, и воинства безчислено; а инии избиени быша от Агарян. И бысть на всех ужас великий и страх мног, и изнемогоша вси и бежаша; а Огаряне возрадовашася радостью велиею, и полон мног безчислен собраша и поставиша в станех своих, вострубивше на костех христианских, и поидоша к Новугороду к Нижему изгоном. Князь же великий Дмитрий Константинович не возможе стати противу их на битву, все бо воинство его избиено быша, и тако побежа в Суждаль. Сиа же злоба съдеяся месяца Августа в 2 день, на память святаго пръвомученика Стефана архидиакона, в неделю, в 6 час о полудни. И тако изгоном придоша к Новугороду

Нижнему месяца Августа изутра в 5 день, в среду, на память святого мученика Евсегиа, и люди остаточныя поимаша, и град весь и церкви и монастыри пожгоша, и згорело церквей во граде 32; и отъидоша от града в пяток, власти и села пленяще и жгуще, и со множеством безчисленным полоном отъидоша в свояси.— Того же лета Воложския Орды пришед прежереченны царевич Арапша и пограби Засурие и огнем пожже и отъиде с полоном в свояси.— Того же лета месяца Августа прииде князь Василей Дмитриевич из Суждаля в Новьгород в Нижней и посла бояр своих, повеле брата своего князя Ивана Дмитриевича выняти из Пианы реки; они же повеленное сътвориша, и плакася над ним князь Василей, брат его, и бояре и вси людие, и положиша его с пением надгробным в каменной церкви святого Спаса, в притворе на правой стране, месяца Августа в 23 день.— Того же лета Мордва, пришедше изгоном по Волзе безвестно, Нижнего Новгорода уезд пограбиша и множество людей избиша, а иных плениша; власти же и села остаточныя от Татар и от них пожжени быша; и возвратишася во свояси. И погна за ними не во мнозе князь Борис Константинович и постиже их у Пьяны реки; они же Божиим гневом устрашишася и побегоша за Пьяну реку, и котории не успеха за реку, тех избиша, а инии истопоша. В лето 6886. Бысть знамение в солнце.— Тое же осени царевич Арапша Воложския Орды изби гостей Русских многих и богатство их все взя.— Тое же осени царевич Арапша приходил на Рязань изгоном и много зла сътвори и возвратися в свояси.

Тое же зимы вдругие посла князь велики Дмитрий Константинович Нижняго Новгорода и Суждаля брата своего князя Бориса Константиновича и сына своего Семена ратью на Мордву; а князь великий Дмитрий Иванович Московский посла же свою рать с ними, воеводу Феодора Андревича Свибла, и пришедше воева-ша землю Мордовьскую, власти и села и погосты и зимници пограбиша, а жены их и дети плениша, и землю их всю пусту сътвориша; а коих живых приве-доша в Новьгород, тех казниша смертною казнию и травиша их псы на леду на Волзе».⁹

В описании битвы на реке Пьяне в Никоновской

⁹ Там же. Т. II. С. 27—29.

летописи чувствуется рука не только человека, непосредственно участвовавшего в сражении, но и весьма талантливого литератора, владеющего сочным красочным стилем и богатым воображением. Это описание по сравнению с описанием Воскресенской летописи и Московского свода 1479 г. является талантливо написанной повестью, а не просто хроникой событий. Частые обращения к воле божьей свидетельствуют о принадлежности автора к церковным кругам. Мог ли им быть редактор Никоновского свода митрополит Даниил? Думается, что нет. Откуда бы он взял те подробности, которыми изобилует описание личности царевича Арапши, или поведения князей, бояр и простых воинов (причем, на какую бы то ни было разницу в поведении нижегородских и московских полков не указывается). Даниил, апологет московских князей, не мог этого сделать. Видимо, авторство или во всяком случае редакторская обработка принадлежали епископу Дионисию, основателю нижегородского летописания и, очевидно, не менее талантливому литератору, чем митрополит Даниил.

Описанием событий на реке Пьяне заканчивается собственно Лаврентьевская летопись.¹⁰ Это, возможно, было связано с переключением всей энергии Дионисия на борьбу, начавшуюся сразу после смерти митрополита Алексея в феврале 1378 г., за митрополичью кафедру. В дальнейшем Никоновская летопись пользовалась Троицкой летописью, имевшей с Лаврентьевской общий протограф, в ее Тверской обработке, но не в чистом виде, а с дополнениями из других источников, в частности из Московского свода 1479 г.¹¹

В 1376—1377 гг. главной заботой Дмитрия Константиновича стало возможно более быстрое восстановление Нижнего Новгорода, в чем был, пожалуй, не менее заинтересован и Дмитрий Московский. Но это, в свою очередь, никак не устраивало Мамай, готовившегося к большому походу на Русь, а восстановленный Нижний Новгород являлся бы серьезным препятствием на его пути.

Мамай, воспользовавшись отсутствием Дмитрия Константиновича, находившегося в это время в Городце,

¹⁰ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 177.

¹¹ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI — XVII веков. М., 1980. С. 134.

послал своих татар изгоном на Нижний Новгород. Жители сел и деревень побросали дома и разбежались, а горожане в отсутствие князя тоже растерялись и, оставив город, бежали за Волгу. Князь Дмитрий Константинович, прибыв из Городца, увидел свою столицу под угрозой взятия татарами. Не имея сил для боя, он предложил им выкуп за Нижний. Но татары отказались от выкупа, захватили город и сожгли его. Сгорел и знаменитый храм Спаса Преображенья: «...и дно ее чудное згоре, и двери, дивно устроенные медию золоченою, згореша». «И оттуда поидоша Татарове воюючи, и собраша полон мног и повоеваша Березовое Поле и уезд весь».¹²

В это же время Мамай послал рать во главе с князем Бегичем против Дмитрия Московского, но тот уже был готов к встрече. Собрав большую силу, он перешел в Рязанскую землю за реку Оку. Бой произошел на реке Воже. Татары были на голову разбиты и в панике бежали, оставив Дмитрию весь свой лагерь и обоз с массой товаров.¹³

¹² ПСРЛ. Т. 11. С. 42.

¹³ Там же. С. 42—43.

Глава VII

КОНЕЦ МОГУЩЕСТВА СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКОГО КНЯЖЕСТВА

Разгром Нижнего Новгорода нанес непоправимый материальный ущерб Суздальско-Нижегородскому княжеству и свел до минимума его влияние на другие княжества Северо-Восточной Руси, тогда как блестящая победа Дмитрия Московского поставила его на недостижимую высоту по сравнению с другими русскими князьями. Отныне он стал именоваться Дмитрием Донским.

Вместе с храмом Спаса Преображения в Нижнем Новгороде сгорел и находившийся при нем скрипторий, поэтому о продолжении ведения летописей в прежних масштабах не могло быть и речи. Да и основатель скриптория и главный редактор Никоновской летописи — епископ Дионисий, поссорившись с Дмитрием Московским из-за кандидатуры на митрополичью кафедру, уехал в 1379 г. в Царьград.

Разгром Нижнего Новгорода исключал возможность сколько-нибудь заметного участия его населения в Куликовской битве, но менее пострадавшие суздальцы, видимо, довольно активно участвовали в битве, так как по данным источников в ней погибло 50 суздальских бояр. По количеству погибших бояр из одиннадцати княжеств, принимавших участие в Куликовской битве, Суздальское занимало третье место после Звенигорода и Рязани.¹ Но этот факт отнюдь не является свидетельством в пользу суздальско-нижегородских князей, а говорит скорее в пользу суздальского боярства, связанного вековыми узами с Владимиром и Москвой. Сами же князья уже с середины XIV в. больше тяготели к Нижнему Новгороду, поэтому они и в это время все силы и средства отдавали восстановлению своей столицы. Активное участие в возрождении престижа Суздальско-Нижегородского княжества принимал и епископ Дионисий. В 1381 г. он прислал из Царьграда две большие иконы Богородицы Одигитрия, одну для Суздальского собора, другую — для восстановленного храма Спаса в Нижнем Новгороде.²

В это время в Орде произошли крупные изменения. Хан Синей орды Тохтамыш, добив бежавшего в Орду Мамай (последний после разгрома оказался в Кафе, где и был убит кафинцами), «сяде на царство Волжское». Послы Тохтамыша известили об этом русских князей, которые приняли их с честью и отпустили обратно с богатыми подарками, а вслед за ними отправили к Тохтамышу своих киличеев с многими дарами как самому хану, так и его царицам и князьям. Дмитрий Донской тоже отправил своих киличеев Толбугу и Мокшию с дарами и поминками. 1 ноября «все князья Руссии, сославшеся, велию любовь учиниша между собою», а 14 августа 1381 г. «с пожалованием и со многой честью» из Орды вернулись все киличеи.³

Казалось, наступил конец всем бедам, но в действительности было далеко не так. Не прошло и года, как Тохтамыш, недовольный чем-то в поведении русских князей, вероятнее всего установлением мира между ними, а особенно Дмитрием Донским и той ролью, которую

¹ Задонщина / Под ред. А. А. Зимица. Тула, 1980. С. 54.

² ПСРЛ. Т. 11. С. 70.

³ Там же. С. 69.

тот сыграл в этом примирении, послал к Донскому и ко всем князьям своего посла царевича Акхозю с семьями татарами. Но дойдя до Нижнего Новгорода, посол почему-то повернул обратно, а в Москву отправил лишь небольшую дружину, но и она не посмела идти дальше и также вернулась в Орду.⁴ Почему же татары не исполнили воли своего царевича? Вероятнее всего их испугало то недружелюбное, если не враждебное, отношение, которое они испытали со стороны жителей тех населенных пунктов, где им пришлось побывать. Такое настроение было совершенно естественным после разгрома татар на Куликовом поле.

Между тем в начале 1382 г. произошло событие, имевшее очень большое значение для Суздальско-Нижегородского княжества: из Царьграда вернулся епископ Дионисий уже в более высоком сане. Завоевав благосклонность вселенского патриарха Нила, он был посвящен им в сан архиепископа Суздальского, Нижегородского и Городецкого, причем патриарх Нил со священным собором вручил ему священные ризы с четырьмя крестами и стихарь с источниками: «...сие бо великого сана, еже со кресты оелонь и со источники стихарь, митропольского, митрополит же толкуется мати градовом и глава епархии, сущей под ним».⁵

По пути в Суздаль Дионисий привез архиепископу Новгорода Великому Алексею патриаршие грамоты, направленные против ереси стригольников, появившейся в Пскове и Новгороде. А сам Дионисий вывез с собой из Царьграда для церкви своей епархии «страсти Спасовы, и мощи многих святых, и кресты и иконы чудны зело с мощи».⁶ Если учесть, что в 1380 г. из Владимира в Москву были торжественно перевезены мощи Александра Невского в дополнение к уже имевшимся там мощам митрополита Петра, то можно понять, какое значение имели реликвии, привезенные Дионисием, не только для его епархии, но и для всего Суздальско-Нижегородского княжества.

В то же время Тохтамыш, озлобленный неудачей посольства царевича Акхозии, направил своих воинов в Казань с приказом грабить и убивать всех русских

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же. С. 70—71.

⁶ Там же.

купцов, а их суда с товарами захватывать и отвозить к нему. Сам же Тохтамыш с громадным войском двинулся на Русь, «ведяще бо рать изневести внезапу со умением и тацем злохитрием, не дающе вести про себя, да не услышано будет», поэтому он не пошел через Нижний Новгород, а переправился через Волгу южнее. Но Дмитрий Константинович все же узнал о его продвижении и послал к нему своих сыновей Василия Кирдяпу и Семена, правда неизвестно, с каким поручением. Они догнали Тохтамыша уже на окраине Рязанской земли, и он забрал их с собой⁷ (так он поступал со всеми, кто встречался на его пути, в целях конспирации). Но Дмитрий Донской все же узнал о движении Тохтамыша. Сначала он собрал войско и выступил с ним из Москвы, собираясь дать бой. Но силы русских были слабы, да и среди бояр и воевод возникли разногласия. Видя, что с таким войском бой принимать нельзя, Дмитрий решил оставить Москву и направился в Переславль, а оттуда, минуя Ростов, в Кострому.

В Москве начались волнения. Народ не хотел выпускать митрополита Киприана и жену Дмитрия, и им с большим трудом удалось выехать из города, к тому же ограбленными горожанами. Руководил обороной Москвы прибывший в нее литовский князь Остей, который сумел так укрепить город и организовать его защиту, что все атаки и штурмы оканчивались неудачей и большими потерями. После трех дней осады Тохтамыш решил использовать находившихся при нем русских князей. Он заставил Василия и Семена Дмитриевичей подойти к стенам города и поклясться на кресте от его имени, что он не держит никакого зла на жителей города и что ему нужен только князь, их же хан не тронет.

Братья прекрасно знали о смертельной опасности, грозящей им в случае отказа. Но такая смерть принесла бы им бессмертие и славу в памяти потомков. Они, как в свое время братья Борис и Глеб, были бы причислены к лику святых и почитались бы как национальные герои, а их потомки еще на долгое время сохранили бы за собой родовое княжество. Но на такой подвиг у братьев не хватило сил и они согласились, по сообщению летописи, на требование Тохтамыша и

⁷ Там же. С. 71—72.

остались в памяти потомков с клеймом предателей. Зная, что князя Дмитрия среди них нет, и поверив клятве Василия и Семена, москвичи открыли ворота. Для мусульманина Тохтамыша клятва на кресте даже от его имени ничего не значила. Татары взяли вышедшего Остея в полк и там убили, а сами ворвались в город и предались грабёжам и убийствам населения.⁸ Затем, рассыпавшись по окрестностям, они разграбили и разорили все города вокруг Москвы. Тохтамыш, уходя с награбленными богатствами и с большим полоном, отпустил к отцу только младшего брата Семена, а Василия Кирдяпу, по каким-то соображениям оставив при себе, увел в Орду. Вместе с Семеном Тохтамыш послал к Дмитрию Константиновичу своего шурина Шиахмата.

⁸ Там же. Т. 8. С. 45; Т. 11. С. 75.

Глава VIII

БЫЛ ЛИ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ КИРДЯПА ПРЕДАТЕЛЕМ?

Летописи не объясняют причину увода в Орду Василия Кирдяпы, но последующий ход событий заставляет усомниться в одинаковой вине братьев. Осенью 1382 г. городецкий князь Борис Константинович, видя одряхление старшего брата, которому уже исполнился 61 год (а в те времена люди, достигшие этого возраста, считались глубокими стариками), поехал в Орду «с честью» и с большими дарами, чтобы просить хана передать ему великое княжение Нижегородское. Пробыв там до весны 1383 г., он вызвал к себе в Орду своего сына Ивана Борисовича. Чувя интригу со стороны брата, князь Дмитрий Константинович посылает в Орду своего второго сына Семена. Такое решение выглядит тем более странным, если учесть, что в это время в Орде находился его старший сын Василий Кирдяпа. Но, видимо, Семен Дмитриевич пользовался особым расположением Тохтамыша. 5 июля 1383 г. Дмитрий Константинович (в схиме Фома) скончался.

Борису Константиновичу удалось получить ярлык на великое княжение Нижегородское и в ноябре он возвращается домой вместе с сыном и братаничем (племянником по брату) Семеном.¹ Василий Кирдяпа же

¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 48—49; Т. 11. С. 81, 83—84.

все остается в Орде. Видимо, он там находился не в качестве гостя, как его брат Семен, а как пленник. Об этом свидетельствует его попытка бежать, совершенная в 1386 г., однако он был пойман и приведен обратно к царю «и за то приат от татар истому велику».²

Нельзя не отметить, что в это же время в Орде находился его дядя Борис Константинович. Видимо, удержание Василия Кирдяпы в Орде не обошлось без участия Бориса Константиновича, захватившего с «санкции» Тохтамыша и отчину Василия — княжение Суздальское. За что же, лаская Семена, Тохтамыш был так немилостив к Василию? Есть все основания считать, что клятву под стенами Москвы давал один Семен, а Василий лишь молча стоял рядом с ним. Такое молчание, конечно, нельзя назвать геройством, но нельзя считать геройским и поведение Дмитрия Донского в период описываемых событий.

Согласно предположению А. В. Экземплярского, Василий Кирдяпа был уведен в Орду в качестве аманата, т. е. заложника.³ На наш взгляд, эта гипотеза не имеет под собой основания: заложников берут или у противников, или у ненадежных партнеров, тогда как Дмитрий Константинович не являлся для Тохтамыша ни тем, ни другим. Напротив, летописец, сообщая о его смерти, писал: «Тогда убо слышев Тахтамыш царь смерть его и поскорбе о немь, зане любим ему бяше». Кроме того, Дмитрий Константинович умер в 1383 г., а Тохтамыш держал Кирдяпу в Орде еще 4 года. Заложником у хана был другой Василий Дмитриевич, — сын Дмитрия Донского, пробывший в Орде тоже 3 года, но бежавший оттуда в 1386 г. Он поступил более благоразумно, чем Василий Кирдяпа, который направился домой прямым путем и был задержан, а Василий Дмитриевич Московский, памятуя об ошибке Василия Кирдяпы, бежал через южные степи в Подолию и уже оттуда через Литву добирался домой. Василий Кирдяпа же вернулся домой лишь в 1387 г., причем Тохтамыш не только просто отпустил его, но и дал ему ярлык на княжение в Городце.⁴

² Там же. Т. 8. С. 50; Т. 11. С. 87.

³ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891 С. 425.

⁴ ПСРЛ. Т. 11. С. 84, 93.

Чем же объясняется столь резкое изменение в поведении Тохтамыша? Летописец, сообщая о поездке Бориса Константиновича в Орду осенью 1386 г., ничего не говорит о ее цели или причинах; не упоминает, против обыкновения, ни «о чести», ни о дарах со стороны князя. И о возвращении также говорит просто: «...и прииде из Орды в свою отчину», снова не упоминая ни о чести, ни о пожалованиях. Видимо Тохтамыш, будучи недоволен Борисом, сам его вызвал в Орду. Возможно, Борис, князь честолюбивый и жадный до захватов чужих земель, владея сразу тремя княжествами — Суздальским, Нижегородским и Городецким, стал опасен для Орды, так как посягал на земли ордынских подданных в Поволжье. Подобный пример в его прошлой деятельности уже имелся, когда он был лишь городецким князем... Именно это родовое княжество Бориса и отдал Тохтамыш Василию Кирдяпе, зная о неприязни между племянником и дядей и желая тем самым обострить отношения между ними, что ослабило бы силы Бориса.

И Тохтамыш не ошибся в расчетах. Буквально сразу по возвращении домой Кирдяпа вошел в соглашение с Семеном, и они оба, выпросив воинскую помощь у своего зятя Дмитрия Донского, также недовольного Борисом, выступили против дяди, осадив Нижний Новгород. На девятый день осады Борис запросил мира и, отступившись от Нижнего, ушел на княжение в свой родовой Городец.⁵

В 1389 г. скончался Дмитрий Иванович Донской, оставив великое княжение сыну Василию Дмитриевичу. Борис Константинович сразу же направился к Тохтамышу опротестовывать решение Дмитрия Донского принятое без согласия хана. Но последний находился в походе против появившегося на Персидской границе нового грозного завоевателя Темир Аксака (Тамерлана). Здесь его и догнал Борис Константинович. Тохтамыш протаскал его с собой целый месяц, а затем отпустил без всякого решения, приказав дожидаться в Сарае, а вернувшись в 1391 г., отпустил на Русь с ярлыком на княжение Нижегородское.⁶ По данным местного нижегородского историка Храмцовского, вернувшись, Борис

⁵ Там же. С. 93.

⁶ Там же. С. 121, 127.

посадил Василия Кирдяпу в темницу в Городце, а Семена взял под стражу в Нижнем Новгороде.⁷

Но сам Борис княжил очень недолго. Новый великий князь Владимирский и Московский был человеком честолюбивым и все 36 лет своего княжения посвятил борьбе за расширение владений, не считаясь ни с какими родственными узами и не брезгуя никакими средствами. Особенно его прельщало богатое Нижегородское княжество. Никоновская летопись так описывает действия Бориса по его захвату в 1392 г.: «Того же лета сложи князь великий Василей Дмитриевич (без всякого повода. — Г. А.) крестное целование к великому князю Борису Константиновичу... и приде в Орду к царю Тахтамышу со мноюю честию и з дары, и нача просити великого княжения Нижнего Новгорода под великим князем Борисом Константиновичем к своему великому княжению к Москве, и умзди князей царевых, чтобы печаловались о нем царю Тахтамышу; они же взяша много злато и сребро и великия дары, такоже и царь их Тахтамыш взя многое злато и сребро и великия дары. И даде царь Тахтамыш под великим князем Борисом Константиновичем великое его княжение Новгородское к Москве великому князю Василью Дмитриевичу, и поиде князь великий Василей Дмитриевич из Орды от царя Тахтамыша с радостию, с послом царевым, на Русь».

Посла же Тахтамышева с московскими боярами Василий Дмитриевич послал в Нижний Новгород. Борис, узнав об этом, созвал своих бояр и стал просить их не изменять ему. Старейший боярин Василий Румянец от имени всех бояр поклялся князю в верности; сами же бояре тайно сговорились с Василием Дмитриевичем (конечно, не без мзды с его стороны) выдать князя Бориса, что они и сделали. И тот же Василий Румянец заявил ему в присутствии впущенных в город татарских послов: «...господине княже, не надейся на нас, уже бо есмы отныне не твои, а несть есмя с тобою, но на тя есмы».

Вскоре в Нижний Новгород прибыл сам Василий Дмитриевич и посадил там своего наместника, а Бориса Константиновича, его родного дядю по матери, велел вместе с женой, детьми и «доброхотами» развести по

⁷ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 2. С. 420.

городам и, заковав в железные вериги, держать «в велицей крепости».⁸ Затем Василий Дмитриевич был приглашен в Орду и утвержден во владении не только Нижним Новгородом и Городцом, но получил еще Мещеру и Тарусу. На этом закончилось самостоятельное существование великого княжества Суздальско-Нижегородского. Борис Константинович умер в 1393 или 1394 г., а его потомство с 1418 г. исчезает со страниц источников.

Какова же была судьба братьев Василия и Семёна Дмитриевичей после ликвидации великого княжества Нижегородского? Какие отношения складывались у них с племянником (сестричем) Василием Дмитриевичем Московским? Естественно, что Дмитриевичи не хотели уступить без борьбы свою отчину — Нижний Новгород с Городцом. В 1394 г. они побежали в Орду добиваться возвращения отчины. Но Тохтамышу, потерпевшему тяжелое поражение в первом столкновении с Тамерланом, где он потерял все свое войско и едва унес ноги, самому впору было просить помощи у могущественного московского князя. Василий Московский, уже несколько не считавшийся с ослабленным поражением Тохтамышем, послал за братьями в Орду погоню, но догнать их не удалось. В следующем, 1395 г., Тамерлан сам пришел с громадным войском в большую Орду и потерпевший полный разгром Тохтамыш окончательно бежал из своего царства после 15-летнего владычества.⁹

При рассмотрении взаимоотношений между Василием Дмитриевичем Московским и его дядьями по матери князьями Суздальско-Нижегородскими, обращает на себя внимание одно весьма любопытное обстоятельство. Если бы, залоось бы, если оба брата были одинаково виновны в предательском поступке под стенами Москвы в 1382 г. то и отношение Василия Московского к обоим братьям должно было быть одинаково враждебным. В действительности же, если Василию Кирдяпе он предоставил возможность спокойно доживать 16 лет в Городце (где тот умер и в 1403 г. был похоронен с честью в родном Спасо-Преображенском соборе в Нижнем Новгороде,¹⁰ что являлось признанием его прав на это княжество) — то Семёна ненавидел лютой ненавистью.

⁸ ПСРЛ. Т. II. С. 147, 148.

⁹ Там же. С. 156, 159.

¹⁰ Там же. С. 188.

В чем же кроется причина столь разного отношения Василия Московского к братьям? Что касается более лояльного отношения к Кирдяпе (на дружбу князь Московский по своему характеру вообще был неспособен), то его можно объяснить тремя причинами. Во-первых, оба Василия в течение трех лет находились в Орде и переносили тяжелые притеснения. Василий Кирдяпа бежал первым, но неудачно. Однако его просчет был на руку Василию Московскому, выбравшему правильный путь для бегства. Вероятно, Василий Дмитриевич не забыл этого, как и совместной жизни в Орде. Во-вторых, вполне вероятно, что Василий Московский знал о более достойном поведении Кирдяпы под стенами Москвы, предположение, которое мы уже высказывали. И третья, вероятно, самая главная, причина: Василий Кирдяпа, судя по всему, примирился с потерей Нижнего Новгорода, чего нельзя сказать о Семене. Последний не терял надежды на возвращение своей родовой вотчины и в этих целях готов был использовать любые средства.

За все 16 лет жизни Василия Кирдяпы в Городце после его возвращения из ордынского плена летописи ни разу не приводят сведений о его сношениях с Ордой. Видимо, у Кирдяпы по отношению к татарам были далеко не дружественные чувства. Совсем иначе вел себя Семен. Он сохранял с Ордой самые дружественные отношения и поддерживал постоянную связь. В стремлении к возвращению нижегородского княжения Семен в 1399 г.¹¹ привел к Нижнему Новгороду татар во главе с царевичем Ентяком и начал осаду города. После трех дней неудачной осады противники «взяли мир», а затем повторилась история, имевшая место под Москвой в 1382 г. Семен, как и тогда, целовал крест, а татары по своей вере «пили роту» в том, что мирным жителям города не будет причинено никакого вреда, если они откроют ворота и впустят Семена. Но когда, поверив клятвам, горожане открыли ворота, татары, ворвавшись в город, целых две недели грабили население и, лишь услышав о подходе войск московского князя,

¹¹ Эту дату указывают Вторая Софийская и Воскресенская летописи (ПСРЛ. Т. 6. С. 130; Т. 8. С. 72). Никоновская летопись датирует событие 1396 г. (Там же. Т. 11. С. 163), но эту дату следует признать ошибочной, так как она расходится с датировкой других событий в той же летописи (см.: Там же. С. 171)

ушли обратно в Казань. За ними последовал и Семен. Василий Дмитриевич послал за дядей в погоню, но безуспешно.¹²

Но и для татар этот набег не прошел даром. Войска московского князя захватили и полностью разорили татарские города Казань, Болгары Великие, Жукотин и Керменчук.¹³ Семену удалось скрыться где-то на территории Орды, но Василий Дмитриевич не собирался оставлять его в покое. Думается, что ненависть московского князя к Семену подогревалась еще и его молодой женой, дочерью великого князя Литовского Софьей Витовтовной. Будучи, как показывает все ее последующее поведение, женщиной не менее, если не более, властолюбивой, жестокой, жадной и мстительной, чем ее муж, она ненавидела всех его родственников, видя в них врагов, которых нужно истреблять с корнем. К тому же она видела в Семене человека, сыгравшего роковую роль в жизни ее соотечественника, а может быть, и родственника, литовского князя Остея, убитого татарами при взятии Москвы в 1382 г.

В 1402 г. Василий Дмитриевич снаряжает целую экспедицию во главе с воеводами Иваном Андреевичем Удой и Федором Глебовичем с заданием: «...искать князя Семена Дмитриевича Суздальского, да или самого его обрести или княгиню его или бояр его, кряться в Татарских местех».¹⁴

Но Семена, мечущегося как затравленный волк по ордынским степям и нигде не задерживающегося подолгу, поймать было невозможно. Наконец, в небольшом поселке Цыбирца преследователям удалось захватить жену Семена Александру с детьми и казной и имущество семьи привезти в Москву.¹⁵ Этого удара Семен не мог перенести. Узнав о захвате Василием его семьи и казны, он уже не как близкий родственник (дядя по матери) и не как князь к князю, а как провинившийся подданный к господину обратился с челобитьем «и вниде в покорение и во много умиление и смирение, прося опасу, а ркуче так: „господине князь велики Василей Дмитриевич! яз тружаюся вся дни живота своего, покаяниа не знаючи, много истомы подымаючи в орде и на

¹² ПСРЛ. Т. II. С. 171.

¹³ Там же. Т. 6. С. 130.

¹⁴ Там же. Т. II. С. 186.

¹⁵ Там же.

Руси, а добываясь своей вотчины княжения Новгородского, осмь лет служил есми четверем царем в орде не опочивая, а вся подымая рати и погубляя хрестьянство, а не дал им Бог отчины своей; а нынеча, господине ступаюся тебе княжения Ноугородского-еже хошет Бог поставляет царя и князя, и властелина и самодерьжца"». ¹⁶

Такое смирение Семена объясняется тем, что он был уже очень болен («болен бо бяше уже») и чувствовал невозможность дальнейшего продолжения борьбы. Для спасения семьи от мести Василия обращался он к последнему в такой смиренной форме. Василий дал ему «опас», т. е. сохранил жизнь, но сослал с семьей на жительство в Вятку, где вскоре, 21 декабря 1402 г., Семен и скончался. Летопись так оценила его жизнь и деятельность: прожив в Орде 8 лет, он отслужил четверем царям: Тохтамышу, Темир Аксаку, Темир Кутлюю, Шадибеку, добываясь при их помощи своей вотчины, «но не успе ничтоже». ¹⁷

Семен, в отличие от старшего брата Василия Кирдяпы, не был похоронен в родовой вотчине суздальско-нижегородских князей — Нижнем Новгороде. Летопись, сообщив дату его смерти, не указала места его погребения. Вероятно, он был похоронен на месте ссылки — в Вятке.

¹⁶ Там же. Т. 6. С. 132.

¹⁷ Там же.

Глава IX

РАСПАД РОДА СУЗДАЛЬСКИХ КНЯЗЕЙ. КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЙ — СТАРШАЯ ВЕТВЬ РОДА

У Василия Кирдяпы из четырех сыновей продолжателем рода остался один — Юрий, а у Семена вообще был один сын — Василий. Оставаясь представителями рода суздальских князей, потомки Василия Кирдяпы стали носить фамилию Шуйские по принадлежавшей им вотчине городе Шуе.

Что же представляла собой Шуя в те годы? Согласно местной легенде, этот населенный пункт ранее назывался

Борисовой слободой.¹ Но это название он мог иметь только очень давно. Не Шуя стала и родиной князей Шуйских, давшей, как предполагал М. Н. Тихомиров, им эту фамилию.² Оба брата, Юрий Васильевич и Василий Семенович, родились в Нижнем Новгороде. Фамилию «Шуйские» они получили уже по новой вотчине после отнятия у них Нижегородского княжества. Чтобы дать фамилию представителям столь знатного рода, Шуя должна была быть крупным поселением с прилежащими к нему селами и деревнями. И, по всей вероятности, она уже тогда имела статус города.

Название город получил по своему местоположению на высоком левом (ошую) берегу реки Тезы, притока Клязьмы, в 60 км от Суздаля. Историк Суздальско-Нижегородского княжества А. В. Экземплярский так определяет роль Шуи для ее владельцев: «...она только и дала князьям Суздальско-Нижегородским фамилии с прибавками по личным прозвищам князей и была каким-то собирательным именем для всех собственно суздальских князей, начиная с Кирдяпы и Семена Дмитриевича».³ Однако это утверждение, на наш взгляд, не убедительно: во-первых, ни Кирдяпа, ни Семен ни в каких документах не назывались Шуйскими; во-вторых, ни Юрий Васильевич, ни Василий Семенович не имели никаких дополнительных личных прозвищ; в-третьих, наличие в Шуе осадных дворов Шуйских, сохранившихся до переписи 1629 г., и данные об усадьбах разных ветвей этого дома, разбросанных по различным селам Шуйского уезда,⁴ говорят о том, что, несмотря на частые и длительные отсутствия их владельцев, связанных со службой (что вообще было свойственно знатным людям тех лет), Шуя с ее уездом оставалась их основной вотчиной. Об этом свидетельствует и наличие в Шуйском уезде богатого Шартомского монастыря, известного уже в 1425 г. и являвшегося, судя по сохранившимся надгробным надписям, усыпальницей князей Горбатов-Шуйских.

¹ Борисов В. Описание гор. Шуи и ее окрестности. М., 1851; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 178.

² Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 178.

³ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891. С. 390.

⁴ Борисов В. Описание гор. Шуи... С. 174, 178, 182—183, 237, 258, 280.

Шуя с ее уездом располагалась в одном из старых, густо населенных районов Северо-Восточной Руси. Насколько велика была плотность населения в уезде, видно из того, что в ее окрестностях насчитывалось 10 очень крупных сел: Иваново, Дунилово, Васильевское, Волокобино, Лежнево, Парское, Мельничное, Кохма, Горица. Некоторые из них находились между собой так близко, что их было видно из города, как, например, Мельничное. Кроме того, в уезде насчитывалось еще 28 сел с примыкающими к ним деревнями.⁵ В городе и в уезде перемежались владения всех трех ветвей Шуйских. Например, Кохма принадлежала Скопиным-Шуйским,⁶ Горица — сначала Горбатым, а потом — Шуйским.⁷ Все эти данные относятся к началу XVII в., но нет сомнения, что возникли названные селения значительно раньше.

Основными занятиями населения были скорняжное (недаром Шуйских в XVI в. называли шубниками) и мыловаренное дело. Ремесленниками изготавливались изделия из дерева: сани, дровни, телеги и т. п. Широкое развитие получило иконописное ремесло. Город вел торговлю водой и сушей с Великим Новгородом, Казанью, Псковом, Тверью, Рязанью и т. д.⁸ Размах торговли был настолько велик, что уже в 1574 г. Шуя получила уставную грамоту,⁹ которая давалась далеко не всем городам, а лишь ведущим крупную торговлю. Таким образом, Шуйская вотчина являлась весьма доходной и могла обеспечить Суздальским князьям подобающий их положению образ жизни.

Сам город состоял из центра, охраняемого, с одной стороны, высоким обрывистым берегом, а с других — земляными валами, окруженными рвами с водой. На валах стоял острог. В более поздние годы рвы зимой служили катками, а летом в них ловили карасей. Валы сохранялись еще и в 20-х годах XX в. и были срыты затем в связи со строительством нового большого моста через Тезу.

В 1425 г. умер великий князь Владимирский и Московский Василий Дмитриевич, сумевший в течение 36 лет своего княжения держать в железных рукави-

⁵ Там же. С. 254—256.

⁶ Там же. С. 178.

⁷ Там же. С. 182—183.

⁸ Там же. С. 178.

⁹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 178.

цах всю родню и значительно расширить владения великого княжества. Власть он передал десятилетнему сыну Василию Васильевичу, получившему позднее прозвище Василия Темного. Его княжение явилось самой мрачной страницей во всей истории великого княжества Владимирского и Московского. Если сыновья Александра Невского в междоусобной борьбе за великое княжение нанесли много горя русскому народу, вовлекая в ратоборство татар, то сыновья и внуки Дмитрия Донского пошли еще дальше: они не только глубоко допустили татар и литовцев в русские дела, но в борьбе между кровными родственниками стали пускать в ход и яд, и чисто азиатские методы взаимного ослепления. В эту борьбу, взбудоражившую всю Северо-Восточную Русь, были втянуты и суздальские князья.

Борьба началась буквально на следующий день после смерти Василия Дмитриевича. Особенно взволновало всех русских князей то, что Василий Дмитриевич назначил опекуном своего малолетнего сына не кого-либо из близких родичей, а великого князя Литовского Витовта, своего тестя. Это обстоятельство показывает, насколько сильно влияла на мужа его жена Софья Витовтовна.

Завещание Василия Дмитриевича вызвало особенно сильное возмущение со стороны его братьев Юрия и Константина. Отказавшись признать права племянника на великое княжение, Юрий стал собирать войско для борьбы за престол. Пока же было заключено перемирие на условии передачи решения о правах на великое княжение на волю золотоордынского хана. Между тем, пользуясь этой распрей как предлогом, опекун Василия Московского Витовт вторгся в земли Пскова и ушел оттуда, лишь получив выкуп в 1450 рублей серебром.¹⁰ Василия Московского это не тревожило. Он жил с дедом в самых дружеских отношениях и в 1430 г. даже гостил у него в Трояках (Тракай). Вскоре Витовт умер, а поскольку в Орде происходили бесконечные смены ханов, то условия перемирия между дядей и племянником оставались невыполненными целых 6 лет. Когда, наконец, соперники встретились в Орде, то великое княжение оставалось за Василием, а Юрию к его уделу Галичу был придан Дмитров. Но Василий, вернувшись

¹⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. СПб., 1892. С. 153.

в Москву, послал в Дмитров своих наместников, а Юрий их выгнал. Началась длительная междоусобная война, в разжигании которой немалую роль сыграла мать Василия Московского Софья Витовтовна.

На происходившей в Москве свадьбе Василия Васильевича присутствовали и его двоюродные братья Василий Косой и Дмитрий Шемяка, сыновья Юрия Дмитриевича. На Василии Косом был одет золотой пояс с цепями, усыпанный драгоценными камнями, который он получил в приданное за невестой.¹¹ Софья Витовтовна, по навету Ростовского наместника, бросилась на Василия и сорвала с него пояс, называя его вором и обвиняя в краже пояса из царской казны. Возмущенные братья, до этого дружественно относившиеся к Василию Московскому, ушли со свадьбы и поклялись отомстить за нанесенное оскорбление. Соединившись с отцом, они выступили в поход.

Не готовый к войне Василий Васильевич бежал из Москвы в Кострому, где и был взят в плен Юрием. Последний, заняв Москву, дал Василию Васильевичу в удел Коломну, которую тот принял с благодарностью, но по прибытии туда сразу стал тайно собирать войско. Его полностью поддержало все московское боярство, боявшееся, что Юрий, сделавшись великим князем, окружит себя своими галицко-дмитровскими боярами, а их отдалит от двора. Юрий, оценив обстановку и придя к выводу о невозможности удержать престол, уехал из Москвы обратно в свой Галич, уступив Москву Василию Васильевичу. Это могло послужить концом междоусобной войны, но у всех на памяти был инцидент с поясом. Оскорбленные Софьей Витовтовной братья Юрьевичи войны не прекратили; к ним присоединились и войска отца. Разбитый наголову Василий Московский был вынужден бежать в сильно укрепленный Нижний Новгород. Москву снова занял Юрий Дмитриевич, но уже на другой день скорпостижно скончался, возможно, не без посторонней помощи.

После смерти отца на Московский престол сел Василий Косой. Но его поступок не был согласован с братьями, которые, отказавшись признать права Василия Косого на великое княжение, снова помирились с Василием Васильевичем и выгнали брата из Москвы. Но

¹¹ Там же. С. 270.

тот не прекратил борьбы и, рыская по стране, грабил города и села, а также захватил в плен брата Дмитрия Шемяку и сослал его в Коломну. Но однако при попытке вновь взять Москву Василий Косой был разбит наголову, пленен и по приказу Василия Васильевича ослеплен в тюрьме. Это произошло в 1436 г. Такая жестокость молодого великого князя вызвала возмущение среди князей, и многие из них присоединились к Дмитрию Шемяке, возглавившему после брата борьбу за власть. Василий Васильевич в поисках союзников отдает в 1442 г. Суздаль в княжение Ивану Андреевичу Можайскому,¹² что явилось серьезным ударом по интересам князей Шуйских, родовым уделом которых издревле являлся Суздаль; они переходят на сторону Дмитрия Шемяки.

В 1445 г. в битве с татарами под Суздаlem Василий Московский попадает в плен. Шансы Дмитрия Шемяки на великое княжение становятся реальностью. Воспользовавшись ситуацией, князья Шуйские Василий и Федор Юрьевичи, внуки Василия Кирдяпы, заключают с Шемякой как с великим князем договор, по которому им возвращаются все владения их прадеда Дмитрия Константиновича в составе Суздаля, Нижнего Новгорода, Городца и Вятки с полномочиями непосредственного сношения с Ордой, т. е. с правами самостоятельного великого княжества, независимого от Москвы.¹³

В 1446 г., в сентябре, Василию Васильевичу удалось освободиться из плена, заплатив татарам выкуп в 2 тыс. рублей, огромную по тем временам сумму.¹⁴ Но в Троице-Сергиевом монастыре он был захвачен людьми Шемяки, завладевшего браздами правления в отсутствие великого князя, отвезен в Москву и там на дворе Шемяки ослеплен в отместку за тот же поступок с его двоюродным братом Василием Юрьевичем. Затем Василия с женой сослали в Углич, а Софью Витовтовну — в Чухлому. Однако вскоре Шемяка, поверив смиренным клятвам и крестному целованию Василия, освободил его из ссылки и дал в удельное владение Вологду. Уезжая, Василий пожелал Дмитрию Шемяке счастливо-

¹² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.: Л., 1948. С. 129—130.

¹³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... С. 130.

¹⁴ Карамзин Н. М. История... Т. 5. Прим. 329.

го и благополучного властвования над Московским государством, а сам, пробыв в Вологде лишь несколько дней, поехал якобы на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь, где добился от игумена Трифона снятия с него клятвенных обещаний и крестного целования, после чего Трифон благословил Василия Васильевича на великое княжение.

Не возвращаясь в Вологду, Василий начал собирать силы против Шемяки. Прежде всего он заключает союзнический договор с самым могущественным из оставшихся независимых от Москвы князей — Тверским князем Борисом Александровичем при условии женитьбы на его дочери старшего сына Василия, Ивана. После обручения тверичи присоединились к Москве, их примеру последовали и князья Боровский, Стрига-Оболенский и Ряполовские. Из Литвы привел войско Федор Басенок, а из Орды пришли царевичи Касим и Ягуп. Прослышав о столь больших силах, Дмитрий Шемяка бежал в Каргополь.

Где же в это время находились князья Суздальские? Федор и Василий Юрьевичи Шуйские остались верны Шемяке, причем Василий Юрьевич в 1444 г. княжил в Новгороде.¹⁵ Там же до 1448 г. находился и младший внук Семена Дмитриевича Василий Гребенка-Шуйский, также не желавший служить Москве, а затем перешедший на княжение в Псков. Суверенные права Суздальских князей на свое княжество сохранялись, судя по источникам, до середины XV в., о чем свидетельствуют выдаваемые ими тарханские грамоты. Так, в 1418—1419 гг. великий князь нижегородский Александр Иванович выдал тарханную грамоту на земли Спасо-Евфимьеву монастырю, а в 1445—1446 гг. князья Василий и Федор Юрьевичи Шуйские дают также несудимую, тарханную, оброчную и заповедную грамоту тому же Спасо-Евфимьеву монастырю на села Омуцкое, Троицкое и Переборово со слободкой в Суздальском княжестве.¹⁶

Но и утратив в середине XV в. свои права на Суздальско-Нижегородское княжение, суздальские князья сохраняли там значительные земельные владения. Кроме

¹⁵ Там же. Прим. 316.

¹⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (АСЭИ). Т. 2. № 435. С. 478—479; № 448. С. 488—489.

того, они владели обширными вотчинами в Московском, Бежецком, Волоцком, Звенигородском, Кашинском, Муромском, Переяславль-Залесском, Ростовском, Стародуб-Ряполовском и Ярославском уездах, а также поместьями в Вяземском, Клинском, Козельском и Тверском уездах.¹⁷

Стремясь удержать за собой хотя бы одного из Суздальских князей, Василий II, прозванный после ослепления Темным, заключает в 1449 г. со старшим из внуков Семена Иваном Васильевичем Горбатым договор, по которому последний получал «в вотчину и в удел» Городец, села в Суздале, что были за его отцом, а также его собственные купли в суздальских пределах.¹⁸ В свою очередь Иван Горбатый обязывался сдать Василию II все ханские грамоты, имевшиеся у него, и «не иметь новых ярлыков». Тем самым Иван Горбатый отказывался от права непосредственных сношений с Ордой и переходил из владетельных князей на положение служилого князя.¹⁹

Поскольку Василий Васильевич Гребенка являлся одной из самых ярких фигур в роду Шуйских, остановимся на его биографии более подробно. Прежде всего отметим, что Гребенка прибыл в Псков против воли Василия Темного. До этого псковичи, нуждаясь в помощи Москвы против немцев и литовцев, приглашали к себе князей по предварительному согласованию с Москвой. Но так как Новгород принял Дмитрия Шемяку, то и псковичи также решили пригласить к себе мятежного князя, продемонстрировав Москве способность и желание принимать самостоятельные решения. Сознывая, что к врагам с Запада в лице немцев и Литвы теперь прибавилась опасность с Востока, Василий Гребенка-Шуйский в первую очередь занялся укреплением оборонительных сооружений Пскова. В 1551 г. им была построена новая стена на Крому в «охабни» и «учинишася в ней 5 погребов от Пскова межи ворот», а в 1553 г. возведено еще одно «прясло стены у Лужских ворот».²⁰

Но вскоре обстановка в стране изменилась. В июле

¹⁷ Кобрин В. Б. Землевладельческие права княжат в XV — первой трети XVI века и процесс централизации Руси // История СССР. № 4. 1981. С. 35—36.

¹⁸ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... Ч. I. С. 147—148.

¹⁹ Там же.

²⁰ Карамзин Н. М. История... Т. V. Прим. 386.

1453 г. в Новгороде был отравлен Дмитрий Шемяка. Подьячего Беду, прискакавшего к Василию Темному с этой радостной вестью, сразу же пожаловали в дьяки.²¹ По всей вероятности он и являлся отравителем или организатором отравления. Сын Шемяки Иван ушел из Новгорода в Псков, где был принят псковичами честно. Получив от них на дорогу 20 рублей, он отбыл в Литву. Поскольку Василий Гребенка не препятствовал появлению Ивана Шемяки в Пскове, то злоба Василия Темного против него еще больше усилилась. А так как силы московского князя к этому времени неизмеримо возросли по сравнению с 1448 г., то оставаться Гребенке в Пскове было слишком опасно, и в 1455 г., несмотря на горячие просьбы псковичей, он перешел в Новгород.²² Новгородцы, знавшие о его успешном княжении в Пскове, приняли Гребенку с радостью и сверх полагавшихся ему княжеских пошлин отдали во владение (вероятно, в кормление) 6 больших сел, состоявших из 234 обож (около 1,4 тыс. га).²³

С первых же шагов княжения Гребенка показал себя талантливым военачальником. Обратив внимание на то, что самым слабым местом новгородского войска является конница, он за один год сумел довести число конных воинов, закованных в латы по образцу немецких рыцарей и вооруженных копьями, до 5 тыс. человек.²⁴ Искусству ведения конного боя Василий Гребенка научился, находясь еще в Новгороде, т. е. до перехода на княжение в Псков, участвуя в боях с немцами под командованием троюродного брата Василия Юрьевича Шуйского.²⁵ Но, сформировав отряд, он не успел обучить его воинов приемам боя в конном строю.

Василий Темный, полностью укрепившись на великокняжеском престоле после гибели Шемяки и бегства его сына, решил расправиться с Новгородом, все еще не признающим его власти и держащим у себя мятежного князя. Первый удар Василий Темный нанес Русе, одному из богатейших городов в Новгородской земле, направив туда большое войско во главе с князем Иваном

²¹ Там же. Прим. 357. Текст. С. 212.

²² ПСРЛ. Т. IV. С. 216; Карамзин Н. М. История... Т. V. С. 154.

²³ ПСРЛ. Т. 25. С. 319.

²⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 274, 275.

²⁵ Карамзин Н. М. История... Т. 5. Прим. 316.

Стригой-Оболенским и знаменитым воеводой Федором Басенком. Город был взят и разграблен. В войске началось разложение; нахватав много добычи, воины покидали поле боя. Вдруг они увидели мчащуюся на них пятитысячную конную армию новгородцев, закованную в стальные доспехи и с опущенными копьями. В московском войске началась паника, многие побежали. Но воеводы заявили воинам, что великий князь не простит поражения и их все равно ждет смерть, но смерть позорная — на плахе. К счастью для москалей, между противниками находился плетень, а перед ним — высокие снежные сугробы, которые сдержали порыв конницы. Между тем воеводы, видя, что лошади новгородцев, в отличие от всадников, не прикрыты броней, велели стрелять не по людям, а по лошадям. Раненые животные стали беситься и метаться из стороны в сторону, сбрасывая всадников, которым в пешем бою длинные копья только мешали. Передние ряды конницы смешались, задние — повернули назад, и новгородцы потерпели полное поражение. Посадник Михаил Туча был взят в плен, а Василию Гребенке удалось бежать.²⁶ Василий Темный взял с Новгорода контрибуцию в размере 10 тыс. рублей и единовременную подать со всего населения под названием «Черный бор».

В 1471 г. летописи снова упоминают Василия Васильевича Шуйского-Гребенку как Новгородского князя. Вероятнее всего, он вернулся туда в 1462 г. после смерти Василия Темного, наследник которого, Иван III уже не питал к Шуйским той ненависти, какую испытывал к ним его отец. Так, в 1467 г. князем в Пскове, с согласия Ивана III, стал троюродный брат Гребенки Федор Юрьевич, внук Василия Кирдяпы, в прошлом соратник Дмитрия Шемяки. Причем Федору Юрьевичу предоставили льготы, коими не пользовался до него ни один князь. Ему было дано право держать своих наместников и ведать судом во всех двенадцати пригородах Пскова, тогда как все предшествующие ему князья имели наместников лишь в семи пригородах.²⁷

Приязнь Ивана III к Федору Юрьевичу объясняется тем, что последний сразу после смерти Василия Темного признал власть великого князя и пришел к нему

²⁶ Там же.

²⁷ Карамзин Н. М. История... Т. 6. Прим. 30.

на службу. Уже в следующем 1463 г., будучи послан Иваном III во главе рати на помощь теснимым немцами псковичам, он наголову разбил немецкое войско, и осыпанный благодарностями и дарами псковичей возвратился в Москву.²⁸ Отсюда понятно и горячее желание псковичей на любых условиях иметь своим князем Федора Юрьевича. Новый князь, будучи уже в больших летах, прибыл в Псков не один, а со взрослым сыном Василием.

Итак, в 1471 г., когда Иван III начал войну с Новгородом, два представителя рода Шуйских оказались в противоположных лагерях. Новгородская верхушка во главе с посадницей Марфой Борецкой, недовольная все усиливающимся влиянием Москвы, решила передать Новгород под покровительство польского короля Казимира. По договору, заключенному с ним, в Новгород прибыл польский наместник князь Михаил Олелькович, а русского князя Василия Васильевича Шуйского-Гребенку послали в Заволочье в заставу на Двину²⁹ оборонять самую ценную часть новгородских владений, по которой проходил великий водный путь, связывающий Новгород с Севером, откуда поступали ценные меха, соль и другие товары.

Иван III направил против мятежного Новгорода громадные силы: со стороны Пскова должен был идти Федор Юрьевич Шуйский с сыном, на Двинскую землю — воеводы Василий Образец и Борис Слепой-Тютчев, из Москвы к Русе выступил князь Даниил Холмский, к берегам Мсты — князь Василий Иванович Оболенский-Стрига с татарской конницей. Князь Федор Юрьевич Шуйский сам в походе не участвовал, а послал сына Василия Федоровича. На реке Шелони московские войска наголову разбили новгородскую рать во главе с посадником Дмитрием Борецким, которого казнили как изменника, поскольку он имел чин московского боярина.

Битва на Двине была очень ожесточенной. Летописец так описывает это сражение: «Василию Федоровичу Образцу, а с ним Устюжане да и прочие вои, да Борису Слепцу, а с ним Вятчане, а был им бои на Двине с князем Василием Шуйским, а с ним Заволочане все и Двиняне. Было же с ним рати 12 тысяч, а с великого

²⁸ Там же. Прим. 4.

²⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 285.

князя воеводами было рати 4 тысячи без 30 человек. Бысть же бои им вышед ис суд обо пеши, и начашася бити о третьем часе дне того, биша же ся и до захожения солнечного, и за руки емлюще сечахуся, и знамя у Двинян выбиша, а трех знаменщиков под ним убиша, убили бо первого, ино другой подхватил, и того убили, ино третей взял, убивши же третьего и знамя взяша. И так Двиняне възмятошася, и уже к вечеру одолеша полци великого князя и избиша множество Двинян и Заволочан, а иные истопоша, а князь их ранен вкинулся в лодку убежи на Калмогоры, многих же и руками изнимаша, потом же и градки их поимаша, и приведоша всю землю ту за великого князя. Убеша же тогда князя великого рати 50 Вятчанинов, да Устюжанина одного, да Борисова человека Слепцова Мигуна, а прочии вси богом сохранени быша».³⁰ Так описывают битву Московский летописный свод конца XV в. и повторяющая его Воскресенская летопись.³¹

Несколько иначе рисует это сражение Софийская первая летопись, ссылаясь на сообщение воевод великого князя, посланных им на Двину: «...князь Василей Шуйский, слуга Великого Новгорода, снявся с Заволоцкою землею, да и с Двинскою землею, и с Корельскою землею, собрався многими людьми, да приходил на них ратию и бился с ним ступным боем великим на воде в судех, да и пеши на сухе, а бишася от утра и до ночи; поможе бог воеводам князя великого, Василию Федоровичу и его товарищам, а побиша на том бою Ноугородцев много зело, а инех руками поимаша, тако бо уже от великие истомы бою их яко оклячевше сташа мужие Новгородские, не могуше ни рукой двигнути, ниже главу свою обратити; а самого князя их на том суйме стрелою уязвиша, и похватившие его людье его скоро в судне отвезоша ле жива суша; а города Двиньские огнем пожгоша, а землю вывоеваша».³²

Это описание заслуживает большего доверия, так как чувствуется, что оно писалось со слов участника битвы, тогда как рассказ первых двух летописей страдает, с одной стороны, неточностями, например, в составе рати Василия Шуйского не указаны корелы, упущено также,

³⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 290.

³¹ Там же. Т. 8. С. 166.

³² Там же. Т. 6. С. 14.

что битва началась не на суше, а на судах. Не совсем верно описаны ранение и бегство Василия Шуйского, который не бежал, а которого еле живого унесли товарищи. Напротив, с неправдоподобной точностью дана численность противников. «Литературность» чувствуется и в описании взятия знамени у новгородцев. И особенно убедительно доказывает более позднее происхождение записи Московского свода тот факт, что в нем сообщается о побеге Василия Шуйского в Холмогоры, чего уж никак не мог знать гонец, с поля боя принесший сообщение о битве.

Одержав победу и казнив самых видных сторонников Казимира, Иван III заставил новгородцев ликвидировать договор с польским королем, дать обязательство не приглашать князей из других государств, а также получил контрибуцию в размере 15,5 тыс. рублей и присоединил к Москве ряд Двинских земель. Но политический строй Новгорода оставался неизменным.³³

Характерно, что новгородского князя Василия Васильевича Шуйского-Гребенки не коснулись никакие репрессии, хотя он и выступал против Ивана III с оружием в руках и показал несравненно большее упорство в борьбе, чем вожди новгородского войска на реке Шелони. Иван не преследовал раненого князя и не наложил никакого запрета на его возвращение в Новгород. И, действительно, Шуйский, как только оправился от ран, снова вернулся в Новгород на княжение, и когда в 1476 г Иван III прибыл туда со свитой для разбора ряда дел, то за 90 верст от города его встретила делегация в составе владыки Феофила, князя Василия Шуйского и посадников, великий князь принял их милостливо и дал в их честь обед.³⁴

По прибытии в город 6 декабря, в Николин день, сам Иван III пировал у князя Василия Шуйского и принял от него дары: 3 постава сукна ипского, 3 камки, 30 золотых кораблеников, 2 кречета и сокола.³⁵ На Рождество 25 декабря сам Иван III принимал у себя архиепископа Феофила, князя Василия Шуйского с посадниками «и пил с ними и долго вечера».³⁶ 26 января 1477 г

³³ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 283.

³⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 201.

³⁵ Там же. С. 204; Т. 25. С. 306.

³⁶ Там же. Т. 6. С. 204; Т. 25. С. 307.

владыка и Шуйский провожали Ивана III в Москву.³⁷ Итак, в отношениях Ивана III и Василия Шуйского не чувствовалось никакой натянутости. Видимо, поведение последнего в 1456 и 1471 гг. не рассматривалось Иваном III как измена или преступление, поскольку Василий Шуйский никогда не приносил Московским князьям клятвы на верность и службу, а поэтому по существовавшим тогда законам не мог считаться преступником.

В свой приезд Иван III произвел конфискацию вотчин шести попавших в опалу новгородских бояр: Василия Онаньиного, Богдана Есипова, Ивана Лошинского, Ивана и Олферия Офонасовых и Федора Исакова, сына Марфы Исаковой-Борецкой. По конфискации Иван III получил в свою собственность 4692 обжи, т. е. около 7 тыс. десятин.³⁸

Вернемся несколько назад, чтобы осветить положение другой ветви Шуйских, княжившей в Пскове. Когда князь Василий Федорович после победы над новгородцами на реке Шелони вернулся в Псков, то у его отца Федора Юрьевича произошла крупная ссора с псковичами. Летописи не сообщают о причине ссоры, но можно предположить, что она была вызвана действиями псковичей, грабивших побитых новгородцев с большей жадностью, чем москвичи. Победители захватили большие богатства, но не поделились с князем Федором, который в битве не участвовал. Властный и крутой на расправу князь дал волю своему гневу. Возмущенные псковичи послали в Москву жалобщиков и просили дать им другого князя. Узнав об этом, разъяренный Федор Шуйский сложил с себя крестное целование Пскову и в 1472 г. уехал из города. Не ожидавшие такого оборота псковичи послали ему вдогонку посадников со свитой, подарками и продуктами, но Федор, дойдя до границы, перетащил послов за рубеж, отнял у них коней и все имущество и отправил их полунагими обратно.³⁹ Вероятно, Федор Шуйский вскоре умер, так как источники его больше не упоминают.

³⁷ Там же. Т. 25. С. 308.

³⁸ Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и XVI вв.: Автореф. докт. дис. Л., 1975. С. 9.

³⁹ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 222; Карамзин Н. М. История... Т. VI. Прим. III.

Иван III дал псковичам на княжение Ярослава Оболенского. Между тем при дворе великого князя появился еще один князь Шуйский. Это был Василий Васильевич по прозвищу «Бледный». Он приходился сыном Василию Юрьевичу и племянником — Федору Юрьевичу. Когда Иван III в 1477 г. узнал о новых происках пролитовски настроенной новгородской знати, он решил окончательно подчинить Новгородскую землю Москве, без всяких условий «на всей своей воле», расправившись с вольностями и ликвидировав вечевой строй.

Когда великий князь выступил на Новгород, то в его свите находился и Василий Васильевич Бледный. Во время остановки Ивана III в Торжке к нему прибыла делегация из Пскова. Псковичи, которые, по свидетельству летописи, не могли долго уживаться ни с одним князем, снова жаловались, теперь уже на Ярослава Оболенского и просили дать им в князья Василия Васильевича Шуйского-Бледного. Иван удовлетворил их просьбу и отпустил к ним Василия Бледного, а сам двинулся ратью на Новгород⁴⁰ и уже 21 ноября из своего стана на Полинах послал новому наместнику и князю псковскому приказ выйти с ратью на Новгород «с пушками и с пищалями и с самострелы, со всей правую, с чем к городу приступати».⁴¹

5 декабря Василий Васильевич Шуйский-Бледный прибыл с войском и по приказу Ивана III, встал в Бискупицах, а оттуда прибыл в ставку великого князя под Новгород.⁴² И вновь сложилась ситуация, в которой, как и в 1471 г., два князя Шуйских, двоюродный племянник (Василий Бледный) и дядя (Василий Гребенка) могли встретиться на поле боя. И снова этого не произошло. Василий Васильевич Гребенка, видя, с какими неодолимыми силами пришел к Новгороду Иван III, понял, что судьба города решена и всякое сопротивление приведет лишь к ненужному кровопролитию. С другой стороны, наблюдая за деятельностью Ивана III, он увидел в нем действительно великого государя, которому суждено великое будущее. 28 декабря 1477 г. Василий Гребенка сложил крестное целование Великому Новгороду, и, пробыв в городе еще 2 дня (чтобы новгород-

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 207.

⁴¹ Там же. С. 209.

⁴² Там же. С. 215.

цы не сочли его трусливым беглецом), вышел из города к Ивану III, принес ему присягу и вступил на службу. Он был принят с честью и с дарами.⁴³

Летописец, сообщая об отказе Шуйского от присяги Новгороду, записал, что «новгородцы блюдяся великого князя, не могли ему (Шуйскому.— Г. А.) ни слова молвити».⁴⁴ Однако дело было не только в боязни великого князя, но и в том, что ни у кого из новгородцев не могла подняться рука на князя-героя, честно прослужившего Новгороду 22 года, неоднократно отстаивавшего его свободу с оружием в руках и не жалевшего своей крови, чего нельзя было сказать ни об одном из предшествующих ему князей.

По данным Экземплярского, Иван III направил Василия Шуйского-Гребенку на воеводство в бывшую столицу Суздальско-Нижегородских князей — Нижний Новгород,⁴⁵ на границу с Золотой Ордой. Это свидетельствует о большом доверии, которое Иван III оказывал Василию Шуйскому. Вероятно, Гребенка там и умер, так как был уже в преклонных летах. По данным родословной книги, он не оставил детей. Новгородские села Шуйского Иван III отписал на себя вместе с частью владычных и монастырских земель.⁴⁶

⁴³ Там же. С. 216.

⁴⁴ Там же. С. 215.

⁴⁵ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. I. С. 224; Карамзин Н. М. История... Т. VI. Прим. 170.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 6. С. 217.

Глава X

КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЕ — ПРИНЦЫ КРОВИ. ИХ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

В последующие годы княжения Ивана III и его сына Василия III князья Шуйские по установившейся традиции использовались великими князьями на наместничестве в Новгороде и в Пскове.¹ В 1481 г. двоюродные братья — псковский наместник Василий Васильевич Блед-

¹ Чтобы покончить с биографией Василия Васильевича Шуйского-Гребенки, остановимся на тех неясностях, которые допустили летописцы. Под 1471 г., сообщая о его посылке новгородцами на Двину.

ный и назначенный новгородским наместником Василий Федорович Шуйский во главе своих ратей успешно участвовали в разгроме немецких рыцарей, напавших на Псков.² Но капризные псковичи, еще недавно просившие у Ивана III на княжение Василия Бледного, оказались недовольны и этим князем. Жалуясь на то, что он злоупотребляет крепкими напитками, псковичи снова просили нового князя. Василий Бледный был отозван из Пскова (но продолжал служить Ивану III и в 1492 г. во главе полка правой руки ходил в поход на Северу).³ На его место поставили Симеона Романовича Ярославского, которого в 1491 г. сменил Василий Федорович.⁴ В 1496 г. последний во главе псковской рати ходил на Выборг против шведов⁵ и, вернувшись из этого похода, вскоре умер.⁶ После него остались три сына: Василий по прозвищу «Немой», Дмитрий и Иван. Следует отметить, что Василий и Иван сыграли выдающуюся роль в истории Русского государства в первом сорокалетии XVI в.

Признав власть великого князя Московского, Шуйские, за редкими исключениями, честно несли свою службу, не вмешиваясь ни в дворцовые интриги, ни в ссоры

они называют его братом Ивана Горбатого. И в Родословной книге великих и удельных князей он также значится младшим братом Ивана Горбатого (ПСРЛ. Т. 8. С. 160; Т. 25. С. 285; Временник ОИДР. Кн. 10. 1851. С. 10), но под 1477 г. те же летописи, сообщая о сдаче Василием Шуйским крестного целования Новгороду, называют его не братом, а братаничем, т. е. племянником, Ивана Горбатого. Однако если бы он приходился Горбатову не братом, а племянником, то он мог быть только сыном Василия Федоровича, т. е. Василием Бледным, так как других Василиев Васильевичей в это время среди Шуйских не было. А этого быть не могло, так как в 1477 г. во время отказа от присяги Василия Гребенки Василий Бледный находился во главе Псковской рати в стане Ивана III. Ошибка летописей отмечена в указателе к своду 1497 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 427) и А. А. Зиминим (Суздальские и Ростовские князья во второй половине XV — первой трети XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Кн. 7. М., 1976. С. 57. Сноска 13), но на той же странице допущена опечатка: Василий Васильевич Гребенка назван сыном князя Ивана.

² ПСРЛ. Т. 8. С. 214; Т. 25. С. 329; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от Ордынского ига. Л., 1989. С. 187.

³ Разрядная книга (РК) 1475—1598 гг. М., 1966. С. 22.

⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 23.

⁵ Там же. Т. 8. С. 230.

⁶ Там же. Т. 6. С. 23; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 70.

Ивана III с братьями, ни в династические дела, в частности в жестокую борьбу за наследование престола между сторонниками сына Ивана III Василия и внука Ивана III сына Ивана Молодого, Дмитрия. Поэтому их не коснулись многочисленные опалы конца XV — начала XVI в., в которых пострадали самые близкие люди из великокняжеского окружения, такие, как отец и сын князя Патрикеевы, зятья Ивана III — князя Семси Ряполовский и Василий Данилович Холмский, бояре Тучковы, Шереметев, Товарков, Травин и др. Это объясняется отчасти и тем, что все Шуйские предпочитали нести службу не при дворе, а на периферии — заместниками и воеводами. Лишь один из них, брат Василия Бледного — Михаил Васильевич, прадед будущего царя Василия Шуйского, тянулся ко двору и в 1495—1496 гг. состоял в свите Ивана III в его поездке по Новгороду.⁷ Характерно, что любили двор и все потомки Михаила Васильевича.

Самой выдающейся фигурой из молодых Шуйских являлся Василий Васильевич Немой. Уже при Иване III он был назначен новгородским заместником и занимал этот пост с 1500 по 1506 г.⁸ При Василии III в 1507 г. Василий Немой возглавлял полк правой руки в походе на Литву, в 1508 г. стоял во главе рати, занимавшей позиции на Вязьме. Весной 1509 г. вел переговоры с Литвой, а в 1513—1514 гг. участвовал в составлении договора с Ливонией.⁹ Василий Немой один из первых в роду, в 1512 г., получил чин боярина. В 1512—1513 гг. принимал участие в походах под Смоленск. После взятия города он был оставлен там заместником,¹⁰ что свидетельствует о большом доверии к нему со стороны Ивана III.

Но со взятием Смоленска война с Литвой отнюдь не прекратилась, и В. В. Шуйскому пришлось еще долго удерживать в своих руках этот важнейший пограничный город. Вскоре открылась измена князя Михаила Глинского, недавно перешедшего из Литвы на службу к Ивану III. Хотя Глинский и был арестован,

⁷ РК 1475—1598 гг. С. 26.

⁸ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 25. № 6.

⁹ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 160.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 254—255, 279—280; Т. 8. С. 225—227.

но он уже успел сообщить великому князю Литовскому Сигизмунду сведения о наиболее слабом звене в расположении русских войск между Оршей и Дубровкой. Измена Глинского имела тяжелые последствия: в происшедшем в этом районе бою войска Василия III потерпели крупное поражение. Узнав об этом, епископ Смоленский Варсонофий, вслед за Глинским, также пошел на предательство, пообещав командующему литовскими войсками князю Острожскому открыть ворота крепости в случае подхода литовцев к стенам города. Но В. В. Шуйский узнал об этом замысле и арестовал Варсонофия и его сообщников. Самого епископа под охраной отослали в Дорогобыж, а затем, на глазах подошедшего к стенам крепости литовского войска, повесили вместе с другими изменниками, обвешав теми подарками, которые они получили от Сигизмунда: кого в шубе собольей с камкой или бархатом, кого с чашей серебряной или ковшом или чаркой на шее.¹¹

Смоленск был сохранен за Россией. Затем, в 1515 г., В. В. Шуйский снова ходил во главе рати на Литву, а в 1517 г., вернувшись на наместничество в Новгород, возглавлял рать на Вязьме, и вновь собирал войско на Литву... Итак, В. В. Шуйский-Немой уже в молодые годы показал себя не только талантливым воеводой и наместником, но и дипломатом. В 1519 г. его поставили наместником во Владимире. Учитывая, что город являлся древней столицей Великого княжества, звание его наместника считалось одним из самых почетных в России. И потому в февральском приговоре Боярской Думы 1520 г. В. В. Шуйский был назван первым среди бояр.¹²

В последующие годы Василий Немой нес службу то на южной границе против крымских татар, то на восточной — против казанских татар. В это время с ним произошла единственная в его боевой жизни неприятность. Во время похода крымского хана Мухаммед-Гирея русские воеводы — князья Д. Ф. Бельский, И. М. Воротынский, М. Д. Щенятев и В. В. Шуйский, а также боярин И. Г. Морозов — «оплошали». Причина

¹¹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 165—167.

¹² Зимин А. А. Состав Боярской Думы в XV—XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 51.

была, видимо, в том, что старые, заслуженные воеводы не хотели подчиняться командованию еще совсем молодого и неопытного князя Д. Ф. Бельского. Воспользовавшись разбродом в командовании, Мухаммед-Гирей нанес русским войскам тяжелое поражение и захватил очень большой полон. Воеводы попали в опалу, В. В. Шуйского простили уже в 1522 г., но в наказание он был отправлен на время воеводой в Муром.

Муромским наместником В. В. Шуйский пробыл недолго, и как только появилась угроза военных действий со стороны Казани, его перевели в Нижний Новгород. Здесь он, вместе с М. Ю. Захарьиным, соорудил деревянный город-крепость Васильсурск, ставший серьезной преградой на пути татар.

Насколько значимое место занимал В. В. Шуйский в высших кругах московской знати, можно судить по следующему факту: в феврале 1527 г. в качестве гарантии против бегства в Литву князя Михаила Глинского (дяди молодой жены Василия III) с целой группы видных княжат и детей боярских была взята поручительная грамота, согласно которой 47 человек обязывались выплатить князьям Д. Ф. Бельскому, В. В. Шуйскому и Б. И. Горбатову (родичу Шуйского) 5 тыс. рублей в случае побега Глинского. А эти трое несли уже непосредственную ответственность лично перед великим князем.¹³

В 1531 г. В. В. Шуйский принимает активное участие в войне с Казанью. Находясь осенью того же года с большой ратью в Нижнем Новгороде, он принуждает казанских татар признать власть царя Яналея, ставленника Москвы, а уже в июле 1532 г., в связи с угрозой нападения со стороны Крыма Шуйский-Немой со своим войском отправляется в Коломну.¹⁴ Так, в бесконечных походах и сражениях протекала жизнь старшего из Суздальских князей, знаменитого воеводы и наместника, князя из рода Рюрика — Василия Васильевича Шуйского, прозванного за молчаливость Немым.

Богатой событиями была жизнь младшего брата В. В. Шуйского — Ивана Васильевича Шуйского. Его имя упоминается в разрядах на два года позднее упоминания о брате, в 1502 г. В 1507—1508 гг. Иван

¹³ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 314.

¹⁴ Там же. С. 377—378, 380.

Шуйский являлся уже вторым воеводой полка правой руки, а в 1512 г. стал Рязанским наместником. С 1514 по 1519 г. он, видимо, по просьбе псковичей, издревле тяготевших к фамилии Шуйских, наместничал в Пскове и в 1519 г. ходил на Полоцк первым воеводой передового полка в армии брата. Иван Шуйский в 1520—1523 гг. — наместник Смоленска; в 1523 г. — первый воевода большого полка в войске самого Василия III. В 1526 г. И. В. Шуйский возглавляет боярскую комиссию по переговорам с Литвой;¹⁵ двумя годами позднее — сопровождает Василия III с семьей в поездке в Кириллов монастырь.

Кроме потомков Василия Федоровича и Михаила Васильевича Шуйских, о которых мы уже говорили, большую роль в истории Русского государства XVI в. играла третья линия рода Шуйских — потомки Василия Бледного. У него было три сына. Старший Юрий и младший Иван Хрен умерли бездетными, а средний сын Иван по прозвищу «Скопа» стал родоначальником фамилии Скопиных-Шуйских. Его сын Федор и внук Василий в разные годы были видными воеводами и наместниками и членами Боярской Думы, а правнук Михаил Васильевич Скопин-Шуйский стал героем освободительной войны против интервентов в годы Смуты. Получив боярский чин еще в юношеском возрасте, М. В. Скопин-Шуйский проявил себя не только как талантливый полководец, но и как не менее талантливый организатор. Он стал любимцем и надеждой всех русских людей, ему прочили царский венец, но жизнь Михаила Васильевича оборвала чаша с ядом, поднесенная дочерью Малюты Скуратова, женой его собственного дяди.

Князья Шуйские выделялись среди московской знати не только полководческими дарованиями и организаторскими способностями, но и родовитостью. Будучи, как и московские великие князья, потомками великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича, они считались принцами крови, т. е. персонами, имеющими право на великокняжеский престол в случае вымирания Московского рода. Поэтому Шуйские являлись влиятельными членами государева двора, близкими к особе великого князя. Так, в годы правления Василия III они — не

¹⁵ З и м и н и А. А. Суздальские и Ростовские князья... С. 61.

только члены Боярской Думы, но и непременные участники всех семейных торжеств и увеселений великокняжеской семьи. Известно, например, что большая часть московской знати протизилась решению Василия III жениться на Елене Глинской.¹⁶ Шуйские тем не менее поддерживали великого князя: одной из двух свах на свадьбе в январе 1526 г., являлась жена И. В. Шуйского Овдотья.¹⁷ Оба брата Васильевичи Шуйские были гостями как на свадьбе великого князя, так и его брата Андрея Старицкого в январе 1533 г. Иван Васильевич участвовал также и в последней, роковой, охоте Василия III,¹⁸ что свидетельствует о его особенной близости к великому князю. Отсюда понятно решение умирающего Василия III о включении обоих братьев в регентский совет, назначенный для управления государством в период малолетства Ивана IV, которому в то время было лишь 3 года.

Здесь следует сделать небольшое отступление и рассказать о третьей линии рода Шуйских, представителями которой являются Андрей и Иван Михайловичи. Не обладая особыми способностями, но зато имея склонность к политическим интригам, Михайловичи пытались сделать карьеру при дворе брата Василия III Юрия Дмитровского. Планы у братьев, ввиду бездетности великого князя, были грандиозными. В 1528 г. они сделали попытку «отъехать» от великого князя ко двору Юрия, но их тут же арестовали и в оковах разослали по городам. Свободу Михайловичи получили лишь после поручительства за них двадцати восьми князей и детей боярских, внесших заклад в сумме 2 тыс. рублей.¹⁹

Из потомков Семена Дмитриевича крупную политическую роль в период княжения Василия III играли двоюродные братья: Борис Иванович Горбатый и Михаил Васильевич Горбатый Кислый. Борис получил боярство

¹⁶ О том, какое громадное влияние имела 17-летняя жена на 47-летнего мужа, можно судить хотя бы по тому, что в угоду ей он шел на нарушение исконных религиозных и народных обычаев: сбрил бороду, сменил одежду дворцовых слуг с русского фасона на литовско-польский, а также ввел в России псовую охоту по европейскому образцу (Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1903. С. 207).

¹⁷ Милюков П. Н. Древнейшая Разрядная книга. М., 1901. С. 1.

¹⁸ Зимин А. А. Состав Боярской Думы... С. 50, 52.

¹⁹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 74—75; ПСРЛ. Т. 8. С. 255, 283, 288; Т. 6. С. 266, 271.

уже в 1512 г., а Михаил лишь в 1529 г.²⁰ Начиная с 1508 г. братья возглавляли русские полки в походах под Дорогобыж, Смоленск, Молодечно и Вильно. В 1519—1521 гг. М. В. Кислый наместничал во Пскове, в 1524 г. ходил с судовой ратью на Казань. С марта 1529 г. по октябрь 1531 г., уже в чине боярина, являлся наместником в Новгороде. В августе 1533 г. участвовал в обороне столицы от набега крымцев, а в конце 1533 г. состоял вместе с братом Борисом в совете при смертельно больном Василии III. Умер в 1535 г.²¹

Василий и Иван Шуйские сохраняли свое влияние как в армии, так и в государственном аппарате в период правления властной и скорой на расправу Елены Глинской. Они не принимали участия в заговорах братьев Василия III Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, а также дяди Ивана IV по матери князя Михаила Глинского, а потому не подвергались репрессиям в связи с ликвидацией Еленой регентского совета, а, напротив, сохранили ее полное доверие. Оба они оставались влиятельными членами Боярской Думы и возглавляли вооруженные силы.

Василий Васильевич в 1535 г. во главе Большого полка ходил в поход на Смоленск, причем первым воеводой передового полка его армии был всесильный фаворит Елены и фактический правитель, боярин и конюший, т. е. первая фигура среди боярства, молодой красавец князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский.²² Этот молодой талантливый воевода занимал видное положение как в армии, так и в думе еще при жизни Василия III. Своим человеком его считали и в царской семье, так как его родная сестра, боярыня Челяднина, являлась мамкой малолетнего Ивана IV и пользовалась любовью и доверием Василия III. Связь Овчины с Еленой возникла, несомненно, еще при жизни мужа, и есть основания думать, что Василий подозревал жену, но решиться на расправу с ней не мог. Об отношениях Елены Глинской и Ивана Овчины знали и за пределами великокняжеской семьи, ходила даже сплетня, в которой молодого красавца называли отцом Ивана IV.

²⁰ ДРК. С. 6.

²¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 267—268.

²² ДРК. С. 95.

Власть фаворита над великой княгиней была велика. Не обращая никакого внимания на мнение окружающих, а, напротив, как бы демонстрируя свою привязанность, Елена пригласила Овчину вместе с тремя назначенными Василием III опекунами сопровождать ее на похоронах мужа.²³

Подозревая жену в измене, Василий не доверил ей регентство на период малолетства наследника престола, но Елена с помощью фаворита разогнала регентский совет и сделалась единовластной правительницей в государстве. Иван Овчина помог ей ликвидировать заговор Андрея Старицкого, после чего стал фактически главой правительства. Шуйских он не решался трогать, напротив, оба брата были привлечены к участию в реформах, проводимых Еленой Глинской.

В это время на политическую арену выходят еще два представителя фамилии Шуйских: Андрей и Иван Михайловичи. Особого внимания заслуживает Андрей Михайлович, политический авантюрист и безудержный стяжатель, деятельность которого легла темным пятном на историю знаменитого княжеского рода. В отличие от старших представителей фамилии, он после смерти великого князя сразу ввязался в заговор Юрия Дмитровского и в результате был заключен в тюрьму, откуда вышел лишь после смерти Елены Глинской в 1538 г.²⁴ Иван Михайлович же в 1535 г. сменил на Двинском наместничестве Ивана Васильевича Шуйского²⁵ (который в том же году во главе Большого полка ходил под Смоленск).

В разрядах 1534 г. появляется и третья линия князей Шуйских. В указанном году воеводой в Вязьме записан Федор Иванович Скопин-Шуйский, а в 1537 г. он уже значителен первым воеводой сторожевого полка на Коломне.²⁶

²³ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 11.

²⁴ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 28—29.

²⁵ Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. Кн. 94. М., 1974. С. 284.

²⁶ ДРК. С. 93, 100.

КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЕ ВО ГЛАВЕ БОЯРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

В апреле 1538 г. скоропостижно умерла Елена Глинская, которая, по мнению иностранцев, была отравлена. Думается, что эта версия заслуживает доверия, так как московское боярство вряд ли могло любить жестокую, властную и корыстолюбивую иностранку. Елена являлась дочерью выходца из Литвы, она с презрением относилась и к русским людям, и к их обычаям. Отношение русских к правительницам из иностранок нашло свое отражение в сообщении современника о выступлении 16-летнего Ивана IV перед митрополитом и боярами в 1546 г. по поводу его женитьбы: «А помышлял еси жениться в ьных царствах у короля у которого или у царя которого. И яз, отче, ту мысль отложил, в ьных государствах не хочу жениться для того, что аз отца своего государя великого князя Василия и своей матери остался мал; привести мне за себя жену из ьного государства, и у нас нечто норovy будут розные, ино меж нами тщета будет. И аз, отче умыслил: хочу жениться в своем государстве».¹ Вероятно, он уже знал, какой всеобщей ненавистью пользовалась его бабка-гречанка: злобная, корыстолюбивая, ненавидящая все русское, интриганка,— Софья Палеолог, происки и наветы которой стоили жизни многим лучшим представителям московской знати.

Ненавидели бояре и заносчивого фаворита, открыто демонстрировавшего свое влияние на правительницу. Через неделю после смерти Елены Ивана Федоровича Овчину-Телепнева-Оболенского схватили и бросили в тюрьму, в ту же палату, где в «железах» недавно умер, не без его участия, дядя правительницы — князь Михаил Глинский. На него надели те же «железа», что были на Глинском, и уморили голодом. Некоторое время спустя арстовали и наперстника великой княгини — думного дьяка Федора Мишурина, захваченного на дворе убитого Еленой князя Андрея Старицкого, дяди Ивана IV. Сорвав одежду, его нагого вели до тюрьмы, где и отрубили голову.²

¹ Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. // Исторические записки. Кн. 46. 1954. С. 287.

² Там же. С. 285.

Во главе образовавшегося боярского правительства встал старейший представитель рода Шуйских — князь Василий Васильевич Немой. Он освободил из заключения многих опальных князей и бояр, и в том числе двоюродного брата Андрея Михайловича Шуйского. Чтобы укрепить свое положение среди московской знати, Василий Васильевич в мае 1538 г. женился на двоюродной сестре Ивана IV, дочери казанского царевича Петра, зятя Ивана III, мужа его дочери Анастасии.³

Василий Васильевич умер в ноябре 1538 г., полгода не дожив до рождения дочери. На период его правления приходится окончание денежной реформы, начатой Еленой Глинской: в апреле-августе 1538 г. была произведена замена старых московских денег на новые, названные копейками.⁴ Вероятно, в годы его же правления личная казна Елены Глинской, состоящая, видимо, из немалой суммы, перешла в Большую казну (своего рода государственное казначейство). Несомненно, что с этим важнейшим финансовым мероприятием тесно связана и ликвидация такого пережитка удельной старины, как институт тиунов великой княгини, собиравших дань, идущую в ее личную казну. Насколько этот институт был выгоден и необходим родне великих княгинь, видно из того, что уже через год после женитьбы Ивана Грозного на Анастасии Романовой, под давлением бояр Романовых, институт восстановили.⁵

После смерти Василия Васильевича его вдова княгиня Анастасия и дочь Марфа, впоследствии выданная замуж за виднейшего представителя литовского рода Гедиминовичей, князя Ивана Дмитриевича Бельского, пользовались до конца жизни всеми правами членов царской семьи. Так, когда Иван IV при выборе невесты отдал предпочтение Анастасии Романовой, то для бережения невесты до свадьбы к ней были приставлены: ее мать, Ульяна Романова, бабка царя Анна Глинская и Анастасия Шуйская.⁶

После смерти старшего брата руководство полити-

³ Там же.

⁴ Янин В. Л. Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской // Россия на путях централизации / Под ред. Д. С. Лихачева, В. Т. Пашуто и др. М., 1982. С. 67—68.

⁵ Каштанов С. М. Финансы средневековой России. М., 1988. С. 103.

⁶ Тихомиров М. Н. Записки... С. 287

ческой жизнью государства перешло к Ивану Васильевичу, проявившему на этом посту способности крупного политического деятеля. Ни двоюродного брата Андрея, ни племянника Федора Скопина-Шуйского Иван Васильевич к руководству государством не допускал, а держал их на периферии — на постах наместников и воевод. Сам же он продолжал линию, направленную на дальнейшее укрепление Русского централизованного государства намеченную предшествующими правителями: выпускал и рассылал на места губные грамоты, укрепляющие позиции и права местного дворянства и крестьянства в борьбе с разбоями — страшным злом тех времен. В интересах поместного дворянства, главной социально-политической опоры центральной власти, Иван Васильевич продолжил большое поместное верстание, начатое в 1538 г. О его значении можно судить по следующим данным: челобитные, упоминаемые в грамотах по поместным делам, показывают, что в каждой помещицкой семье к 1538—1539 гг. появилось по 2—3, а иногда и по 4 сына, поспевших к службе, но не имевших для исправного несения ее достаточного земельного обеспечения.

По массовым данным Тверской половины Бежецкой пятины Новгородской земли, количество совладельцев в поместьях возросло там с 1501 по 1538 г. с 203 до 764 человек, т. е. более чем втрое. Насколько благоприятными для помещиков оказались результаты верстания, видно из того, что из девяти случаев обращения с просьбой о прирезке земли отказано было лишь в одном случае. В остальных прирезки составляли в среднем 79% от прежней нормы. По всей Тверской половине Бежецкой пятины из общего числа 360 старых помещиков прирезки получили 154 человека, в результате чего размер их поместий увеличился в среднем с 17,5 до 21 обжи. В процессе переписи были юридически оформлены обмены частями поместий, что делалось в интересах превращения последних в компактные хозяйства, имевшие большое экономическое значение. Определились и с вновь распаханными помещиками землями, из которых часть осталась за помещиками; в тех случаях, когда роспаши превышали поместный оклад, то излишек отписывался в резерв великого князя.⁷

⁷ Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: Автореф. докт. дис. Л., 1975. С. 22—23.

Не менее интересные данные приводит тверская писцовая книга 1540 г. В ней отдельной рубрикой выделены земли, розданные помещикам. Из общей суммы этих земель в 22 515 четвертей или 11 257 десятин лишь 7738 четвертей было отдано четырнадцати крупным землевладельцам во главе с сыном Ивана Васильевича Шуйского Петром Ивановичем, только что начавшим несение государевой службы. А остальные 14 777 четвертей получили 114 помещиков, в среднем на душу по 129 четвертей или по 13 обож. Самое крупное поместье в размере 43 обож получили братья Посник и Яков Губины-Моклоковы, представители верхушки дьяческой бюрократии.⁸ Сказанное дает все основания для критического отношения к оценке правления Шуйских как периода антидворянской реакции.

Деятельность Шуйских не ограничивалась лишь светскими интересами. Они проявляли заинтересованность и в делах церковных. 2 февраля 1539 г. был сведен с престола митрополит Даниил. Мы уже приводили мнение Герберштейна о «святителе», которого австрийский посол хорошо знал. По словам Герберштейна, это был великий лицемер, чревоугодник и стяжатель. А вот как характеризует митрополита летописец: «Того же лета, февраля в 2 день, Данил митрополит оставил митрополичество неволею, что учал ко всем людем быти немилосерд и жесток уморял у себя в тюрьмах и окованных своих людей до смерти, да и сребролюбие было великое».⁹ На его место поставили игумена Троице-Сергиева монастыря Иоасафа Скрипича.

Такова была деятельность братьев Васильевичей Шуйских, а, вернее, в основном Ивана Васильевича, в первый период их правления с апреля 1538 г. по июль 1540 г. А что же делали в эти годы Андрей Михайлович Шуйский и Федор Иванович Скопин-Шуйский? О деятельности последнего летописи молчат. Видимо, за ним не значилось никаких стоящих внимания дел. Но уж зато по поводу деятельности Андрея Михайловича летописи буквально пышут ненавистью. Вот как характеризует Псковская летопись его деятельность на посту псковского

⁸ Абрамович Г. В. Поместная политика в период боярского правления в России (1538—1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. С. 194.

⁹ Тихомиров М. Н. Записки... С. 285.

наместника: «А князь Андрей Михайлович Шуйской, а он был злодей; не судя его писах, но дела его зла на пригородех, на волостех, старые дела исцы наряжая, правя на людях ово сто рублей, ово двесте, ово триста, ово боле, а во Пскове мастеровыя люди все делали на него даром, а большии люди подаваша к нему с дары».¹⁰

Враждебная Шуйским боярская группировка во главе с князьями Бельскими непрерывно искала повода для отстранения Шуйских от власти и, наконец, в июле 1540 г. им это удалось. Они сумели перетянуть на свою сторону митрополита Иоасафа, и по его ходатайству Иван IV приказал выпустить из заточения главного врага Шуйских — князя Ивана Федоровича Бельского. Великий князь не только выпустил, но «и опалу свою отдал, и гнев свой ему отложил, и очи свои ему дал видети. И о том възнегодовал князь Иван Васильевич Шуйской, на митрополита и на бояр учал гнев държати и к великому князю не ездити, ни с бояры съветовати о государьских делах, ни о земских, а на князя на Ивана на Бельского великое враждование имети и зло на него мыслити, и промеж бояр велик мятеж бысть».¹¹ Отстранившись от государственных дел, И. В. Шуйский совершил крупную ошибку. Пользуясь его отсутствием, Бельские смогли, наконец, провести в Думу своих сторонников (в члены Думы — князя Юрия Голицына-Булгакова, а в окольных — Ивана Хабарова¹²), чего безуспешно добивались с 1538 г.

Придя к власти, Бельские, в отличие от Шуйских, занялись в первую очередь не государственными делами, а личными. Уже в первые дни они добиваются удаления с воеводства во Владимире сторонника Шуйских князя Василия Андреевича Микулинского и назначения на его место князя Юрия Голицына-Булгакова. Князь В. А. Микулинский вскоре умер, и тогда Бельские пустили его громадную вотчину в Тверской земле в раздачу, оставив его вдове лишь менее половины. Из земель В. А. Микулинского получили громадные поместья: князя А. Б. Горбатый — 1072 четверти в поле,

¹⁰ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 230.

¹¹ ПСРЛ. Т. 8, ч. 1. М., 1965. С. 132—133.

¹² Зимин А. А. Состав Боярской Думы в XV—XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 56.

С. В. Ростовский — 588, Г. В. Морозов — 377 четвертей.¹³ В это же время было отнято поместье и у князя Д. И. Микулинского, полученное во время правления Шуйских, и отдано сторонникам Бельских — Василию и Федору Кашинцевым. Тогда же получил свое тверское поместье в 383 четверти и князь Ю. М. Голицын-Булгаков.¹⁴ Итак, если при Шуйских из Тверских земель, пущенных в раздачу, получили поместья 114 рядовых служилых людей, то при Бельских — лишь 2 человека. Естественно, что симпатии большинства служилых людей оказались на стороне Шуйских.

Придя к власти, Бельские прежде всего освободили из заключения врагов централизаторской политики Ивана III и Василия III, в том числе жену и сына удельного князя Андрея Старицкого и возвратили их удел, а также вернули из ссылки верных им бояр и слуг. Получил свободу и сын Углицкого князя Андрея Дмитрий, пробывший в заключении 49 лет.¹⁵ И, наконец, добились амнистии для своего родича князя Семена Бельского, изменника, бежавшего в Литву и выступавшего против Москвы вместе с крымским ханом Саиб Гиреем в 1541 г.¹⁶ Деятельность Бельских была на руку Шуйским и в начале 1541 г. Иван Васильевич Шуйский, при поддержке всего владимирского и новгородского дворянства и, вероятно, значительной части московского, выступил из Владимира к Москве.

Ивана Бельского арестовали, бросили в тюрьму в Кирилловом монастыре и там, уже после смерти И. В. Шуйского, в результате происков Андрея Михайловича, убили. Был отстранен от должности и сослан на Белоозеро митрополит Иоасаф, а на его место в марте 1542 г. был поставлен старый знакомый Василия и Ивана Васильевичей Шуйских новгородский архиепископ Макарий. В истории широко известно то благотворное влияние, которое оказывал на Ивана IV митрополит Макарий, а также его роль в укреплении Русского централизованного государства и в развитии русской национальной культуры. Иван Васильевич Шуйский умер в

¹³ Абрамович Г. В. Поместная политика... С. 198.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Записки... С. 285; ПСРЛ. Т. 8, ч. 2. С. 412.

¹⁶ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 86.

мас 1542 г. и был похоронен в Москве у храма Богоявления.

После убийства лидера Бельских Ивана Федоровича их положение сильно ослабло. При поддержке брата Ивана и князя Федора Ивановича Скопина-Шуйского, которому в 1543 г. было пожаловано боярство,¹⁷ у кормила власти встал Андрей Михайлович Шуйский. Как пользовался Андрей Шуйский данной ему властью, можно судить по сообщениям летописца, несохранившимся до наших дней, но приведенным князем М. М. Щербатовым в его Истории Российской. Автор летописи сообщает, что, «окроме вышешоказанных и известных многих наглостей при дворе и в присутствии самого государя», налицо были «грабеж и насильное отнятие продажею за малую цену земель у благородных и общее разорение крестьян взятием великого числа подвод из сел и деревень по пути лежащих, когда кто к нему из его деревень ехал или кто от него в деревни отправлялся, так что уповательно и все припасы его, к облегчению его крестьян, ко отягощению же народному, на таковых взимаемых насильно лошадях вживались». Далее М. М. Щербатов, пересказывая своими словами текст летописца, продолжает: «Не токмо к отягощению народному таковые подводы по его велению взимались, но и каждый его служитель, каждый его крестьянин под тенью власти его и силы своего господина таковые же насилия и отягощения народу чинили».¹⁸

Грешил жаждой обогащения и Иван Михайлович. В писцовой книге Тверского уезда 1548 г. имеется запись по волости Суземье: «В той волости деревни черные: пашни в черных дер. полторы сохи. А нынеча те деревни в поместье за князем Иваном Михайловичем за Шуйским». Затем следует перечень 38 деревень и пяти пустошей. Пашни во всех деревнях — 743 четверти в поле, сена — 3501 копна. В книге той же волости 1540 г., приходящейся на годы правления Ивана Васильевича Шуйского, все эти деревни числились еще черными. Не останавливался Иван Михайлович Шуйский и перед захватом земель соседних помещиков. Так, не довольствуясь наличием в его владениях 3501

¹⁷ Зимин А. А. Состав Боярской Думы... С. 57.

¹⁸ Цит. по: Смирнов И. И. Очерки политической истории... С. 78.

копны сена, он отнял у помещиков Софроновских пустошь Лукино с 5 четвертями пашни и 200 копен сена.¹⁹

Но братья как-то не задумывались над тем, что все свои дела они творили на глазах уже не мальчика, а 13-летнего юноши, который уже в 12 лет отличался буйным нравом.²⁰ Иван развивался физически не по летам быстро. По данным Посольского приказа, объявленных за рубежом, он уже «в мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека уже есть, а з божьей волею помышляет ужо брачный закон принять».²¹ Забегая вперед, напомним, что в 16 лет Иван говорил митрополиту и боярам о своем желании жениться.

А между тем Андрей Шуйский, пользуясь положением старшего среди бояр, вел себя вызывающе. 9 сентября 1543 г. на совете великого князя в Столбовой избе «князь Андрей Шуйской да Кубенские и их советницы изымаша Федора Семенова сына Воронцова, что его великий государь жалует и бережет, биша его по ланитам и платью на нем ободраша и хотеша его убить, и едва у них митрополит умоли от убийства. Они же сведоша его с великого князя сеней с великим срамом, бьуще и пхающе, на площадь и отослаше его Неглимну на Иванов двор Зайцова, и послаша его на службу на Кострому и с сыном его с Иваном».

Иван IV не мог забыть нанесенной ему обиды, а Андрей Шуйский, чувствуя, судя по всему, свою безнаказанность, еще больше распоясался. Почти три месяца молодой великий князь копил злобу на опекуна, которая в конце концов нашла выход. Летописец так описывает последующие события: «Тое же зимы, Декаврия 29, князь великий Иван Васильевич всея Руси не мога того тѣрпети, что бояре бесчиние и самовольство чинят, без великого князя веления, своим советом единомысленных своих съветников, многие убийства сътвориша своим хотением, и многие неправды земле учиниша в государеве младости, и великий государь велел поимати перво съветника их князя Андрея Шуйского и велел предати псарем,— и псари взяша и убиша его, влекуще к тюрьмам, против ворот ризоположенных в граде, а советников

¹⁹ Абрамович Г. В. Поместная политика... С. 199.

²⁰ Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 24.

²¹ Цит. по: Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 19, 20.

его разослал; и от тех мест начали бояре от государя страх имети».²²

Давая оценку происшедшим событиям, нельзя не остановиться на позиции известного советского исследователя И. И. Смирнова, книга которого, посвященная раннему периоду жизни и царствования Ивана IV, в целом, безусловно, высоко оценивается специалистами и пользуется популярностью у любителей отечественной истории. Но, на наш взгляд, И. И. Смирнов несколько увлекается объективизацией событий. Так, анализируя сообщение летописи о личной приязни Ивана IV к Федору Воронцову из-за ненависти Шуйских к этому князю, он утверждает, что эти слова «являются лишь традиционной формулой, определявшей ту видную роль, которую, очевидно, Воронцов играл в правящих кругах; ибо в это время сам Иван не мог еще принимать никакого действительного участия в политических делах (ему было всего 13 лет)».²³ Но мы уже говорили, что Иван в этом возрасте был не по годам развитым юношей. К тому же фаворитизм Федора Воронцова не вызывает никакого сомнения, так как после возвращения из ссылки он сразу же становится особо приближенным человеком при великом князе. Точку зрения И. И. Смирнова на личность Ивана опровергает и заключительная фраза летописца: «...и от тех мест начали бояре от государя страх имети».

Нельзя согласиться с И. И. Смирновым и в оценке личного влияния Шуйских на ход политических событий, тем более его суждения вступают в полное противоречие с источниками. Так, Никоновская летопись, описывая события 1542 г., сообщает: «А князь Иван Шуйской тогда бе в Володимер послан стояти бережения для от Казаньских людей; и князь Иван Шуйской в Володимире многих детей боярских к целованию привел, что им быти в их съвете. И срок бояре учинили Ивану Шуйскому и его съветникам быти в Москве из Володимера генваря 3, в понедельник»,²⁴ и «князь Иван Шуйской тое же ночи пригонил из Володимера».

Большую роль в восстановлении Ивана Васильевича на регентство, а также в сведении митрополита

²² ПСРЛ. Т. 8, ч. 1. С. 145.

²³ Смирнов И. И. Очерки... С. 98.

²⁴ ПСРЛ. Т. 8, ч. 1. С. 140—141.

Иоасафа и постановлении на митрополию новгородского архиепископа Макария сыграло издавно преданное фамилии Шуйских новгородское дворянство (ПСРЛ. Т. XIII., ч. 2. С. 41).

И. И. Смирнов, умалчивая о роли Ивана Шуйского в организации похода, пишет: «Именно дворянская „рать“, пришедшая в Москву из Владимира, и явилась той основной боевой политической силой, опираясь на которую бояре-заговорщики свергли Бельских, Иоасафа и их советников».²⁵ Умолчав о роли Ивана Васильевича Шуйского в организации похода, И. И. Смирнов далее развивает концепцию о «случайном» характере вторичного возвращения Ивана Шуйского к власти. Он пишет: «Итак, по своим движущим силам движение 1542 г. было антибоярским, и в этом заключалось его основное отличие от более ранних боярских переворотов». А Шуйские, по мнению автора, использовали лишь «в своих групповых интересах (против Бельских) движение, направленное против боярской олигархии в целом. В этом смысле можно сказать, что приход Шуйских к власти в результате событий 1542 г.— явление „случайное“ — случайное в том отношении, что оно не выражало собой основной сущности январских событий».²⁶ Но в чем заключалась эта «основная сущность», А. А. Смирнов, на наш взгляд, объяснить не смог.

Противопоставляя митрополита Макария Шуйским, автор «Очерков...» обходит молчанием тот факт, что Макария пригласили на митрополичью кафедру по рекомендации Ивана Васильевича Шуйского, с которым у того сложились нормальные отношения, а враждовал Макарий с Андреем Шуйским. Доказывая реакционность политики Шуйских, И. И. Смирнов, как и многие другие историки, сводит воедино два различных периода правления и две разные ветви фамилии Шуйских, допуская тем самым серьезную ошибку. Так, подводя итог вторичному приходу к власти И. В. Шуйского, он пишет: «„Случайность“ прихода Шуйских к власти очень хорошо видна из того, что им удалось удержать ее в руках всего лишь год, а уже в следующем, 1543 г., лидер Шуйских — кн. А. М. Шуйский был свергнут и казнен».²⁷ И здесь ошибается автор в сроках: Шуйские

²⁵ Смирнов И. И. Очерки. С. 95.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

на этот раз держались у власти не один год, а два: с начала 1542 г. по конец декабря 1543 г., причем почти 4 месяца у власти стоял Иван Васильевич, а остальное время — Андрей Михайлович.

Деятельность Васильевичей по социально-политической направленности не только не противоречила деяниям Ивана III и Василия III, но и являлась их прямым продолжением, что убедительно доказал анализ разносторонних источников, в частности, летописей, разрядных и писцовых книг. Скажем больше: ни московские, ни новгородские, ни псковские летописи не дают даже малейшего намека на личные, корыстные интересы братьев Васильевичей в их деятельности. К Андрею Михайловичу же летописцы относятся по-иному. В летописях не содержится сведений о его государственной деятельности, а лишь осуждаются его непомерное властолюбие и стяжательство, граничащее с разбоем. Так что, на наш взгляд, для более точной оценки правления Шуйских его следует разбивать на два периода: правление братьев Васильевичей и правление братьев Михайловичей.

Обратимся теперь к другому, относящемуся к этому периоду источнику, который в течение двух веков, с легкой руки Н. М. Карамзина, гипнотизировал подавляющее большинство как дореволюционных, так и советских историков. Речь идет о переписке Ивана Грозного с князем Андреем Курбским, в частности о его первом письме.

Излив в своем послании бесчисленные обвинения в адрес самого Андрея Курбского и всех его родных и близких, Иван переходит к описанию проступков князей Шуйских. Он пишет: «И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в бережении (в опекунах.— Г. А.) учинилися, и тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашей, были главные изменники, ис понимания (поимания.— Г. А.) их выпускали, и к себе их примирили. А князь Василей Шуйской на дяди нашего княж Андрееве дворе учал жити, и на том дворе, сонмищем иудейским, отца нашего и нашего дьяка ближнего Федора Мишурина изымав и позоровавши, убили; а князя Ивана Федоровича Бельского и иных многих в разные места заточиша, и на церковь вооружашася, и Данила митрополита, сведше с митрополии, и в заточение послаша; и тако свое хотение

во всем учиниша, и сами убо царствовати начаша. Нас же с единокровным братом моим, святопочившим Георгием, питати начаша яко иностранных или яко убожейшую чадь. Мы же пострадали во одеянии и в алчбе! Во всем бо сем воли несть: но вся не по своей воли и не по времени юности. Едино вспомянути: нам бо в юности детская играюще, а князь Иван Васильевич Шуйской сидит на лавке, лохтем опершися о отца нашего постелю, ногу полага на стул, к нам же не прикланяйся не токмо яко родительски, но ниже властельски, рабское ничто же обретеса. И такова гордения кто может понести? Каково же исчести таковая бедне страдания многа, еже от юности пострадах? Многажды же поздно ядох не по своей воле! Что же убо о казнах родительского ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детем боярским жалование, а все себе у них поимаша во мздоимание, а их не по делу жалючи, верстая не по достоинству; а казну деда нашего и отца нашего себе поимаша, и тако в той нашей казне исковаша себе сосуды златыя и сребренныя и имена на них родителей своих возложиша, бутто их родительское стяжание; а всем людям ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского была шуба мухояр зелен на кунцах, да и те ветхи; и коли б то было их старина, и чем было сосуды ковати, ино лутчи шуба переменить, а в исходке сосуды ковати. Что же о казнах дядь наших глаголати? Но все себе восхитиша. По сем же на грады и села возскачиша, и тако горчайшим мучением многообразными виды имения ту живущих без милости пограбиша. Соседствующих же от них пакости кто может исчести? Подовластных же всех аки рабы себе вотвориша, рабы же своя аки вельможи сотвориша; правити же мнящеса и строити, и, вместо сего, неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмерну ото всех собирающе, и вся по мзде творяща и глаголюще.

И тако им многа лета жившим, мне же возрастом тела преспевающе, и не восхотев под властью рабскою быти, и того для князя Ивана Васильевича Шуйского от себя отослал, а у себя есми велел быти боярину своему князю Ивану Федоровичу Бельскому. И князь Иван Шуйской приворотя к себе всех людей и к целованию приведе, пришел ратию к Москве, и боярина нашего князя Ивана Федоровича Бельского и иных бояр

и дворян пересматывали советники его Кубенские и иные, до его приезде, и сослали на Белоозеро и убили, да и митрополита Иоасафа с великим бесчестьем с митрополии согнаша. Тако же и князь Андрей Шуйской с своими единомысленники пришед к нам в избу в столовую, неистовым обычаем перед нами изымали боярина нашего Федора Семеновича Воронцова, ободрав его и позоровав, вынесли из избы да убити хотели. И мы посылали к ним митрополита Макария, да бояр своих Ивана, да Василия Григорьевичев Морозовых своим словом, чтоб его не убили и оне едва по нашему слову послали его на Кострому, а митрополита затеснили и мапатьяю на нем с ысточники изодрали, а бояр в хребет толкали. От преставления матери нашаия и до того времени шесть лет и пол не престаша сия злая».²⁸

Как уже отмечалось, переписка Грозного с Курбским привлекала внимание историков и литературоведов на протяжении двух веков. Итоги дискуссии подведены в основном в трех работах: с позиций литературоведения — в большой статье академика Д. С. Лихачева «Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и государев изменник); историографической — в статье Я. С. Лурье «Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси»;²⁹ с источниковедческих позиций в книге Р. Г. Скрынникова: «Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана» (Л., 1973). Последняя работа представляет собой полемику автора с американским историком Э. Кинаном. Но специального исследования, посвященного источниковедческому анализу переписки и, в частности, тех ее страниц, где говорится о периоде боярского правления, с привлечением всего комплекса источников, имеющих в распоряжении историков, нам встречать не приходилось.

Попытаемся восполнить образовавшийся пробел. Начнем с того, что первое послание, в котором изложен интересующий нас материал, датировано 5 июля 1564 г., т. е. написано 21 год спустя после событий, описываемых Иваном Грозным, накануне введения опричнины. Немаловажное значение в анализе этого источника имеет и решение вопроса о том, какую цель преследовал

²⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским (Из серии: Литературные памятники). Л., 1979. С. 27—29.

²⁹ Там же. С. 183—213, 214—249.

автор послания, приплетая к обвинениям изменника Родины князя Андрея Курбского не только его родственников, но, по сути, все российское боярство и в особенности род князей Шуйских, не имевших никакого отношения к Курбскому и его измене. По этому вопросу в литературе высказано много различных точек зрения. Наиболее близки к истине, по нашему мнению, соображения одного из комментаторов переписки — Я. С. Лурье. Он считает, что послания к Курбскому предназначались не для одного Андрея Курбского, а были написаны для более широкого круга читателей. Исследователь справедливо обращает внимание на заголовок первого послания: «Благочестивого великого государя царя и великого князя всея Руси Иоанна Васильевича послание во все его великой России государство против клятвопреступников, князя Курбского с товарищами, об их измене».³⁰

Почему же в этом послании Иван так много внимания уделяет князьям Шуйским? Думается, что, обличая и очерняя самый знатнейший и наиболее близкий к трону род русских князей, Грозный указывал на отсутствие у этих людей прав и возможностей на непосредственное управление государством, а также напоминал об их положении по отношению к помазаннику божию, для которого они не более, чем рабы, и их жизнью и смертью он волен распорядиться так, как ему бог на душу положит. Целый ряд обвинений не имел серьезного значения и был результатом лишь мелькнувших в памяти и не имеющих государственного значения эпизодов. Но об этом речь впереди.

Первое и главное обвинение, из которого вытекали все остальные, состояло в том, что братья Васильевичи Шуйские самовольно навязались в опекуны Ивану IV. Это обвинение находится в полном противоречии с данными летописей. Так, в Софийской второй и в Царственной книгах сообщается, что в 1534 г., готовясь к смерти, Василий III призвал к себе в Думу для составления завещания князя Андрея Старицкого и бояр. «И нача князь великий думати с бояры, а бояр у него тогда бысть князь Василей Васильевич Шуйской, Михайло Юрьевич, Михайло Семенович Воронцов, и казначей Петр Иванович Головин, и дворецкой его Тверской Иван Юрьевич Шигона, и дьяков его Меншой Путьятин,

³⁰ Переписка... С. 12, 221.

Федор Мишурин: и призва их к себе, и начат князь велики говорити о своем сыну о князе Иване, и о своем великом княжении, и о своей духовной грамоте, понеже бо сын его бе млад, токмо трех лет на четвертой, и как строитися царству после его. Тогда же князь велики прибави к себе в думу к духовной грамоте бояр своих князя Ивана Васильевича Шуйского, да Михаила Васильевича Тучкова, да князя Михаила Львовича Глинского». ³¹

Через два дня Василий снова «призва к себе бояр своих князя Василия и князя Ивана Васильевичев Шуйских, и Михайла Воронцова, и Михайла Юрьевича, Михайла Тучкова, князя Михайла Глинского, Шигону, Петра Головина, дьяков своих Меншого Путятина, Федора Мишурина: и быша у него тогда бояре от третьего часа до седмаго, и приказав им о своем сыну великом князе Иване Васильевиче, и о устроении земском, и как быти и правити после его государьства, и поидоша от него бояре; а у него остана Михайло Юрьев, да князь Михайло Глинской, да Шигона, и быша у него до самыя ноши, и приказав о своей великой княгине Елене, и како ей без него быти». ³² Как видим, в совете, призванном решать дальнейшую судьбу государства, Шуйские занимали первые места.

Что же касается Елены, то о ней Василий говорил только с ее дядей Михаилом Глинским и дворецким Шигоной, видимо, по поводу ее личного поведения. Есть основания думать, что Василий не доверял Елене, подозревая, а может быть, зная, о ее связи с Иваном Овчиной.

Таким образом, летописные данные полностью расходятся с утверждением Грозного в его послании Курбскому о самозванном характере опекунства Василия и Ивана Шуйских. Позднее это осознал и сам Грозный, придя в себя после истерических излияний, наполнивших послание. Редактируя Царственную книгу, он оставил относящиеся к Шуйским сведения, в корне противоречившие его собственным жалобам в послании к Курбскому, без каких-либо поправок и примечаний. Иван Грозный понял и нелепость обвинения И. В. Шуйского в недопустимом поведении в присутствии малолетних

³¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 270.

³² Там же. С. 272.

царевичей в домашних условиях и не включил этого рассказа в сделанные им приписки к тексту летописи. Насколько слова Грозного в посланиях довлели над историками, можно судить по выводам, сделанным в работе советского историка Д. Н. Альшица, специально посвященной анализу приписок Грозного к летописному своду. Отметив, что сам Грозный при редактировании летописи отказался, а точнее — не счел нужным вспомнить о собственных обвинениях Шуйских в бестактном поведении, исследователь все же оценивает эту весьма сомнительную сценку, описанную Грозным в пылу литературного творчества, как очень яркий факт «прямого издевательства над маленьким великим князем Иваном и братом его Юрием и над памятью покойного Василия III».³³

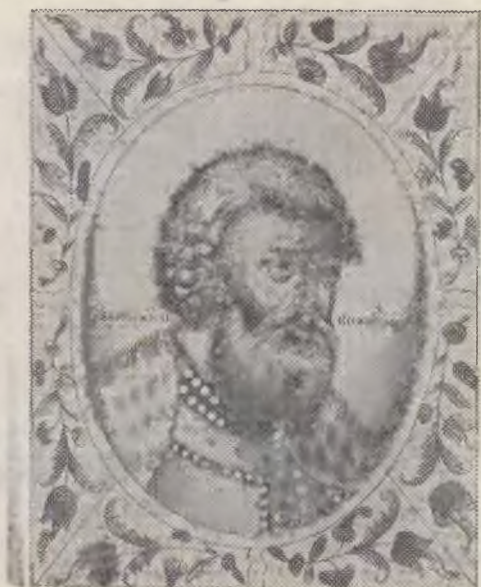
Признает истинность этой оценки и другой советский историк Р. Г. Скрынников, но расценивает ее совсем иначе: «Воскресив в памяти фигуру немощного старика, сошедшего вскоре в могилу, Иван начинает бранить опекуна за то, что тот сидел, не преклоняясь перед государем — ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга перед своим господином».³⁴ Здесь Р. Г. Скрынников становится на сторону «немощного старика». Правда, его утверждение о немощности Ивана Шуйского вызывает сомнение, так как в это время последний показал себя весьма энергичным государственным деятелем, и источники не приводят никаких данных о его немощи.

Не включил Иван в приписки к летописям и свои излияния по поводу безудержных хищений опекунами великокняжеской казны с последующей ее перековкой в именные кубки и т. п., тем более что свидетелей этим преступным деяниям из-за возраста быть не могло, а сплетни исходили, по-видимому, от людей, враждебных Шуйским. Во всяком случае ни Иван Шуйский, ни его брат Василий не имели никакого отношения к фактам воровства. Будучи в течение многих лет наместниками в самых богатых городах Руси — Новгороде, Пскове, Смоленске, Владимире — и имея богатейшие торгово-промышленные вотчины, а также находясь в самых добрых отношениях с великими князьями, они являлись одними

³³ Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Кн. 23. М., 1947. С. 274—275.

³⁴ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 18—19.

Юрий Владимирович
Долгорукий

Всеволод Юрьевич III.

Александр Ярославич
Невский

Даниил
Александрович
Московский

Иван Данилович I
Калита

Иван Иванович II
Красный

Дмитрий Иванович
Донской

Василий Дмитриевич I

Василий Васильевич II
Темный

Иван Васильевич III

Василий Иванович III

Иван Васильевич IV Грозный

Патриарх Иов (Иоа)

Царевич Дмитрий Иванович

Лжедмитрий I

Патриарх Гермоген

Василий Иванович
Шуйский

Михаил Васильевич
Скопин-Шуйский

Филарет Романов

Гербы: Нижнего Новгорода,
Владимира, Новгорода

Московский герб

из самых богатых людей на Руси. А то, что Иван Шуйский носил поношенную шубу, говорило не о его бедности, а о скромности знаменитого воеводы, не нуждавшегося во внешнем блеске.

Другое дело, если бы обвинения Грозного относились к Андрею Михайловичу Шуйскому, о жадности и стяжательстве которого знали все. Его отдали на убиение псарям именно по приказу самого Грозного. Андрей Михайлович, конечно, мог бы приложить руку к великокняжеской казне, но ему-то как раз Грозный не ставит этого в вину. Обвиняя Василия Васильевича в том, что он поселился во дворе дяди Ивана, князя Андрея Грозный вряд ли прав: ведь князь Василий Шуйский, женившись на двоюродной сестре Ивана, стал его родственником, а двор Андрея, убитого матерью Ивана IV, пустовал, так как вся семья Андрея была выслана из Москвы. Нельзя в полной мере адресовать опекунам и жалобу Ивана на то, что их с братом не вовремя, не вкусно и не досыта кормили, — дети сами могли пожаловаться на плохую еду, ведь ее готовили не опекуны. А вот сетования такого характера: «Во всем бо сем воли несть; но вся не по своей воли и не по времени юности», — говорят скорее в пользу опекунов, чем опекаемых.

Мы не можем согласиться с Р. Г. Скрынниковым, видящим причину жалоб Ивана Грозного в нежелании великого князя «часами высидывать на долгих церемониях, послушно исполнять утомительные, бессмысленные в его глазах ритуалы, ради которых его ежедневно отрывали от увлекательных детских забав». Однако если вспомнить реакцию Ивана Грозного на бестактное поведение Ивана Васильевича Шуйского, то создается впечатление, что великому князю не так уж были в тягость проявления раболепства окружающих и, в частности, тех, кто в домашней обстановке не обращал на него внимания. Участвуя в торжественных церемониях, Иван предвкушал сладость власти, он стремился к ней и ждал лишь совершеннолетия.³⁵ А если вспомнить, каким «увлекательным детским забавам» предавался великий князь, то, как пишет С. Ф. Платонов, «окружающих поражали буйство и неистовый нрав Ивана, любимыми потехами которого в 12 лет было

³⁵ Там же. С. 19—20.

бросание „с стремнин высоких” кошек и собак и т. п.».³⁶

Факты ограбления городов и сел, а также насилие над соседями можно отнести также к деятельности Андрея Шуйского и его брата Ивана, тогда как такие объективные источники, как писцовые книги и губные грамоты, убедительно доказывают ярко выраженный дворянский характер политики братьев Васильевичей. Кстати, и сам Грозный в послании к Курбскому невольно отметил популярность Ивана Васильевича Шуйского в кругах поместного дворянства. Говоря о походе последнего на Москву в начале 1542 г., Грозный пишет, что Шуйский во Владимире «приворотил к себе всех людей и привел их к целованию». Здесь следует отметить, что владимирские дворяне, так же как и новгородские, поддержали Ивана Шуйского, а не любезного сердцу великого князя Ивана Бельского. Это еще раз подтверждает ошибочность утверждений тех историков, которые считали победу Ивана Шуйского над противниками в 1542 г. случайной.

Итак, анализ первого послания Ивана Грозного к Андрею Курбскому, особенно в части, относящейся к описанию деятельности князей Шуйских в период малолетства Грозного, дает основания утверждать, что факты, представленные в ней, нельзя считать достоверными, а сам документ можно назвать публицистическим произведением с мемуарно-памфлетическим оттенком, написанным Грозным в преддверии опричнины. Ведь если принять всерьез ту ненависть, которой пропитаны все строки послания, относящиеся к Шуйским, то вряд ли последним поздоровилось бы после перехода всей полноты власти в руки Ивана Грозного. В действительности же источники рисуют иную картину: именно Шуйские оказались единственными из знатнейших княжеских фамилий России, не пострадавшими от руки царя даже в разгар опричного террора.

Кроваво расправившись с Андреем Шуйским (о чем, кстати, нет ни слова в «послании») Иван не подверг опале ни одного из его родичей; они были лишь удалены от двора. Андрей погиб 29 декабря 1543 г., а уже в январе 1544 г. Иван Михайлович Шуйский в разрядной книге значится первым воеводой Большого полка во Владимире, т. е. занимает самый высокий пост в армии.

³⁶ Платонов С. Ф. Иван Грозный. СПб., 1923. С. 42.

На таком же посту в Костроме числился и Федор Иванович Скопин-Шуйский.³⁷

³⁷ Древнейшая разрядная книга (ДРК). С. 119—120.

Глава XII КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЕ В ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

Иван IV уже с первых дней своего совершеннолетия и взятия власти в свои руки начинает проявлять неуравновешенность характера и беспредельную жестокость.¹ Так, отпраздновав в августе 1545 г. свое совершеннолетие, он по неизвестной причине вдруг 5 октября удалил от себя князей И. Кубенского, А. Горбатого, Д. Палецкого, Ф. Воронцова и П. И. Шуйского, сына Ивана Васильевича.² Интересен состав опальных: Иван Кубенский, соратник И. В. Шуйского, арестовавший в 1542 г. князя Ивана Бельского; А. Б. Горбатый, соратник Бельских; Ф. Воронцов, враг Шуйских, недавний фаворит Ивана Грозного.

Опала, однако, длилась менее полугода. Уже в апреле 1546 г., во время похода Ивана IV к Коломне, недавние опальные вновь занимают высокие посты: И. Кубенский — второй воевода Большого полка, Ф. Воронцов — второй воевода Передового полка, В. Воронцов — второй воевода полка левой руки. А в войске князя Юрия, брата Ивана Грозного, первым и вторым воеводами служили И. М. Шуйский и Ф. И. Скопин-Шуйский.³ Казалось бы, положение стабилизировалось. Однако, не успел закончиться этот поход, как 21 июля, неожиданно для всех, «велел князь велики на Коломне у своего стану перед своими шатры казнити бояр своих: князя Ивана Ивановича Кубенского да Федора Демида Семеновича Воронцова да Василия Михайловича Воронцова ж, что был преж того Дмитровской дворецкой, за некоторое их к государю неисправление и казнили их, всем трем головы посекли».⁴ Позднее в приписках к

¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 147.

² Там же.

³ ДРК. С. 122.

⁴ Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. // Исторические записки. Кн. 46. М., 1954. С. 286.

Царственной книге Иван Грозный объяснил причину опалы: донос дьяка Василия Захарова и «прежнее их неудобство, что многие мзды в государстве его взимаху во многих государьских и земских делах да и за многие их супротивства».⁵

Итак, из объяснений Грозного явствует, что князья были сурово наказаны за преступления, совершенные ими в прошлом, в период несовершеннолетия Грозного. А Шуйские? Почему Иван не вспомнил их злоупотреблений, о которых столько писал в послании к Курбскому? Ведь Шуйские также находились в Коломне рядом с ним, но Грозный не тронул князей, а предоставил им возможность наблюдать, как он расправляется с их недавними друзьями и врагами. Более того, 14 декабря на заседании Боярской Думы, где Иван IV произнес приведенную нами речь о намерении жениться, присутствовали и князья Шуйские. Что же касается подвергнувшегося в октябре 1545 г. опале Петра Ивановича Шуйского, совсем еще молодого человека, то уже в феврале 1547 г., вскоре после принятия Иваном царского титула и женитьбы, он назначается первым воеводой Передового полка, а в 1550 г. получает боярский чин и становится псковским наместником и одним из виднейших воевод Ивана.⁶

Однако Грозный не хотел слишком часто видеть около себя И. М. Шуйского, брата казненного им Андрея. Об этом свидетельствует эпизод, связанный с женитьбой Ивана. Мы уже писали, что одной из боярынь, назначенных оберегать невесту до свадьбы, была вдова Василия Шуйского — Анастасия. Бояре, подбиравшие участников свадебного обряда, предложили назначить одним из двух дружек князя Ивана Михайловича Шуйского, но Иван IV на их докладе написал: «В друшках быти во княж Иваново место быти князь Ивану Турунтаю (Пронскому.— Г. А.)».⁷ Но вскоре Иван убедится, что отвергнутый им Иван Шуйский оказался все же более верным и надежным слугой, чем Иван Турунтай-Пронский.

На наш взгляд, наиболее полную и яркую характе-

⁵ ПСРЛ. Т. 8, ч. 2. С. 449.

⁶ ДРК. С. 128—129, 136, 154, 157, 184, 188—189, 199, 201, 211—212, 215, 232—233, 242.

⁷ Свадебные дела XVI века // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 121.

ристику Грозному, относящуюся ко времени его коронавания, дали А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич: «В его характере можно обнаружить византийскую изощренность, унаследованную им от отца и бабки Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора. Необузданностью желаний и быстрой сменой настроений отличался не только дед Грозного Иван третий, но и легкомысленная и вспыльчивая красавица Елена Глинская. Внук византийской царевны и свойственник сербских деспотов соединял в себе и хорошие, и дурные стороны характера предков. Государственный ум и малодушие, трезвый расчет и порывы необузданного гнева, религиозность, доходящая до ханжества, и неприятие церковной действительности, жестокость и сладострастие составляли причудливый сплав характера нового царя».⁸

Но при всей неуравновешенности психики Ивана основной и неизменной чертой его характера, с первых и до последних дней его правления, оставалась жестокость, граничащая с садизмом. Не прошло и полугода со дня неожиданной для всех казни князя И. Кубенского и двоих Воронцовых, как за две недели до коронавания и ровно за месяц до свадьбы Иван с садистской жестокостью расправляется с двумя своими сверстниками и, по всей вероятности, участниками его юношеских походов — князьями Иваном Дорогобужским и Федором Овчиной-Оболенским. О близости этих княжат к юному великому князю можно судить потому, что Иван Дорогобужский являлся приемным сыном боярина-конюшего И. Ф. Челяднина, а Федор Иванович Овчина-Оболенский — сыном фаворита матери Ивана IV Елены Глинской. Естественно, что оба княжича имели постоянный доступ во дворец и были близки с великим князем. И вдруг 3 января 1547 г. их казнили. Причем Ивану Дорогобужскому отрубили голову, а Федора Овчину подвергли самой зверской казни, практикуемой в Турции, — посадили на кол «на лугу за Москвой рекою против города».⁹

Летописец сообщает, что казнили княжичей с «повеления князя Михаила Глинского и матери его кня-

⁸ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 32.

⁹ Продолжение хронографа редакции 1512 г. // Исторические записки. Кн. VII. М., 1951. С. 291.

гини Анны».¹⁰ Невольно напрашивается вопрос: почему казнь Ф. Овчины была более безжалостной? По всей видимости, Иван помнил об оскорблении, нанесенном его матери и ему самому напоминанием о связи Елены Глинской с отцом Федора Овчины. А если принять во внимание слухи, ходившие о происхождении Ивана и на основании которых Федор Овчина превращался в его брата, то причина жестокости казни Федора становится более понятной.

Влияние Глинских на государственную жизнь, сменившее фавор Воронцовых, принесло Ивану IV больше вреда, чем правление всех предшествующих боярских группировок. Глинские, чуждые по крови, да к тому же отличавшиеся непомерной гордостью и жадностью, были ненавидимы всеми слоями населения Москвы.

Свадьба молодого царя состоялась 3 февраля 1547 г. Не успело еще пройти похмелье после свадебных пиров, как в начале апреля в Москве начались пожары, постепенно охватившие весь город. Иван с женой бежали в село Воробьево. Пожар не пощадил и Кремля. Митрополит Макарий, пытавшийся сначала спастись в Пречистенском соборе, вынужден был бежать через потайной подземный ход и, перебравшись через Москва-реку, выехать в свой Новинский монастырь в Дорогомилове.¹¹ Между тем в народе поползли слухи, в которых виновниками пожаров называли Глинских; говорили, что бабка царя Анна Глинская «волхованием сердца человеческие вымяша и в воде мочиша и тою водою кропиша и оттого вся Москва выгоре».¹²

Начались волнения, большая толпа жителей города направилась в Кремль требовать выдачи Глинских. Брат Елены Юрий Глинский, ища спасения, спрятался в Успенском соборе, но был вытасчен оттуда и побит камнями на площади; двор его полностью разграбили. Остальным Глинским удалось скрыться. Хотя к концу лета восстание было окончательно подавлено, но Глинские все же опасались за свою жизнь, и 5 ноября 1547 г. Михаил Васильевич Глинский, не пожалев расстаться с высоким званием боярина-конюшего, которого он добивался с такой настойчивостью, вместе с матерью Анной

¹⁰ Там же.; Тихомиров М. Н. Записки... С. 287.

¹¹ Тихомиров М. Н. Записки... С. 288.

¹² ПСРЛ. Т. 8. С. 455.

и женой бежал в Литву. С ними бежал и выбранный Иваном в свадебные дружки вместо Ивана Шуйского князь Иван Турунтай-Пронский.¹³

И кого же выбрал Иван Грозный, чтобы послать в погоню за беглецами? Таким доверенным лицом оказался князь Петр Иванович Шуйский. Шуйские к этому времени снова занимали видное место при царском дворе. Так, среди людей, которым, как и царю, архиепископ Новгородский Феодосий, второй, после митрополита, человек в российской церковной иерархии посылал подарки в марте 1548 г., значатся Петр Иванович Шуйский и Федор Иванович Скопин-Шуйский, получившие по золотому угорскому наравне с братом царицы — Никитой Романовичем.¹⁴

Петр Иванович настиг беглецов в Ржевских местах и заставил их вернуться в Москву.¹⁵ Пленникам удалось спастись от кары тем, что они сослались на страх перед толпой после убийства Юрия Глинского, а также благодаря ходатайству митрополита Макария. Петр же Шуйский быстро пошел в гору. Как уже говорилось, в 1550 г., будучи еще в молодых годах, он получает чин боярина и назначается наместником в Псков. На высокие посты возвращается и Иван Михайлович Шуйский. В 1547—1549 гг. он вторично занимает пост Новгородского наместника.¹⁶ Итак, Шуйские снова возвращаются на новгородские и псковские земли. Но в начале 50-х годов Иван IV развивает энергичную дипломатическую деятельность, а также начинает подготовку к завоеванию Казани. Шуйским в который раз придется расстаться с наместничеством и заняться дипломатическими и военными делами.

В 1550 г. Петр Иванович, участвовавший в походах на Казань в 1547—1548 гг.,¹⁷ назначается первым воеводой передового полка. Насколько большим доверием пользовался П. И. Шуйский у Ивана IV, можно судить по следующему факту. Именно Шуйского вместе с его родичем А. Б. Горбатым царь послал с судовой ратью

¹³ Продолжение хронографа... С. 293.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 8, ч. 1. С. 154—155.

¹⁵ Смирнов Н. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50 годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 170.

¹⁶ Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. Кн. 94. М., 1974.

¹⁷ ДРК. С. 128.

на реку Свиягу для того, чтобы построить там город Свияжск, сыгравший впоследствии роль главного плацдарма при наступлении на Казань. Став большим воеводой в Свияжске, П. И. Шуйский вместе с шурином царя Д. Р. Юрьевым покоряет и приводит к присяге все нерусское население Горной стороны, а в августе 1552 г. встречает в городе прибывшего туда Ивана IV.¹⁸

Академик М. Н. Тихомиров так характеризует значение освоения Иваном IV Горной стороны: «История создания Горной стороны как территориальной единицы» был одним «из самых замечательных успехов, ускользнувших, впрочем, от наших историков, несмотря на ясные показания летописей. Горная сторона, по словам летописцев, составляла „половину“ Казанской земли, которая была сразу обессилена, когда Горная сторона отпала от Казани. Это и сознавал царь Шиг-Алей, заявивший, что без Горной стороны он не может царствовать в Казани».¹⁹

После взятия Казани Иван Грозный, отправляясь в Москву, навестил в Свияжске П. И. Шуйского и поручил ему «горных людей управливати и ясаки имати и во всем их беречи».²⁰ Так возникло Свияжское воеводство, равноправное с Казанским, и первым воеводой его стал П. И. Шуйский.²¹ Несмотря на обязательную ежегодную сменяемость всех воевод, он бессменно оставался на этом посту до лета 1553 г.²² После подавления восстания волжских народностей²³ Петр Иванович летом 1553 г. был переведен большим воеводой в Казань, где не только боролся против восставших горных и луговых людей, но и энергично занимался устройством края. Оставаясь наместником Казани до 1557 г. он силами арских и побережных татар поставил город Лаишев в том месте, где существовал старинный переход ногайцев через Каму в направлении на Казань. В Лаишеве Шуйский поселил стрельцов и новокрещеных, заставив последних пахать земли на государя, а в Казани все земли казанского царя разделил между царем,

¹⁸ ПСРЛ. Т. 8, ч. 1. С. 158, 178, 200—201.

¹⁹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 469.

²⁰ ПСРЛ. Т. 8, ч. 1. С. 222.

²¹ Ермолаев И. П. Среднее Поволжье в середине XVI—XVII вв. Казань, 1982. С. 40.

²² Там же. С. 19.

²³ ПСРЛ. Т. 8, ч. 1. С. 230.

архиепископом, наместником, архимандритом и царевыми детьми боярскими; пахать же эти земли должны были татары.²⁴

Чем же в эти годы занимались другие представители фамилии Шуйских? Иван Михайлович вместе с митрополитом Макарием и братом царицы Даниилом Романовичем Юрьевым вел переговоры с литовским посланником паном Яном Гайко.²⁵ В приписке к Царственной книге, в рассказе о боярском мятеже 1553 г. во время болезни Грозного, когда присягали пеленочнику Дмитрию, о котором нет ни слова ни в одной из летописей и не упомянутом даже в посланиях Грозного к Курбскому, сказано: «И боярин князь Иван Михайлович Шуйский учал противу государевых речей говорити, что им не перед государем целовати не мочно; перед кем им целовати, коли государя тут нет?».²⁶

И. И. Смирнов, опираясь, на наш взгляд, на весьма ненадежный источник, делает далеко идущий вывод о новом выступлении против царя «виднейшего представителя княжат, главы наиболее мощной боярской группировки, державшей власть в годы боярского правления».²⁷ Но И. М. Шуйский никогда не возглавлял группировки Шуйских, а лишь использовал положение брата в своих личных интересах. Поскольку данная приписка сделана более чем через 10 лет после 1553 г., уже в период опричнины, ей нельзя придавать серьезного значения. Это подтверждается и отношением Грозного к И. М. Шуйскому после 1553 г. Отправляясь в 1555 г. в Коломенский поход, Иван IV оставляет в Москве в качестве советников при слабоумном брате царя Юрии, которому формально было поручено управление столицей в отсутствие царя, именно И. М. и Ф. И. Шуйских. (Федор Иванович Скопин-Шуйский умер в 1557 г., а Иван Михайлович в 1560 г.)

В 1557 г. при дворе появляется еще один Шуйский, сын казненного Андрея — Иван Андреевич, причем в весьма почетной роли. Он был послан с речью и наказом к двоюродному брату царя князю Владимиру Андреевичу Старицкому.²⁸ Сентябрь того же года застает его

²⁴ Там же. С. 225, 269, 270, 281—283.

²⁵ Смирнов И. И. Очерки... С. 197, 205.

²⁶ ПСРЛ. Т. 8, ч. 2. С. 524.

²⁷ Смирнов И. И. Очерки... С. 272, сноска 21.

²⁸ ДРК. С. 190.

на воеводстве в Дедилове, а летом 1559 г. в походе Ивана IV против крымского хана Девлет-Гирея он уже «рында с большим саадаком», т. е. старший оруженосец царя. В декабре 1562 г. в походе Ивана IV к Полоцку И. А. Шуйский значится в свите царя, в компании с такими близкими к персоне Ивана IV людьми, как князь Петр Горбатый и будущие опричные любимцы Ивана — Федор Басманов, Петр Зайцев и Иван Черемисинов.²⁹ Чем же объясняется такая благосклонность Грозного к этому Шуйскому? Причина здесь кроется, по всей видимости, не в том, что царь раскаялся в убийстве отца Ивана Андреевича. Возможно, это был лишь политический маневр, рассчитанный на то, что добрые намерения по отношению к потомку когда-то строго наказанного представителя верхушки московской знати подействует и на других ее представителей. Ведь Иван Грозный порой мог быть большим оригиналом. С другой стороны, уже с первых шагов Ивана Андреевича Шуйского чувствуется отличие этого представителя линии Андрея Михайловича от потомков Ивана Васильевича. Так, Ивана Андреевича не влекли военные подвиги и слава — это был типичный царедворец, любитель греться около особы государя и делать придворную карьеру при помощи лести и дворцовых интриг.

Однако вернемся к оставленному нами в Казани Петру Ивановичу. Перед началом Ливонской войны в 1558 г. П. И. Шуйского отозвали из Казани для руководства военными действиями на Западном фронте в качестве первого воеводы Большого полка, т. е. главнокомандующего, а уже в сентябре того же года в Александровской слободе царь благодарил П. И. Шуйского и его соратников за большие успехи в боях и награждал их шубами, кубками, аргамаками, доспехами, землями и кормлениями за взятие Новгородка Керепети, Юрьева, Лаюса, Ракобора и других городов. В 1559 г. П. И. Шуйского вместе с И. Ф. Мстиславским срочно направили из Москвы к Пскову, где активизировался противник.³⁰ Вторым воеводой у него был боярин Алексей Данилович Басманов, один из главных вдохновителей опричнины. В 1560—1562 гг. Шуйский и Мстиславский регулярно докладывали Ивану IV о боевых успехах.³¹

²⁹ Там же. С. 215, 236.

³⁰ ПСРЛ. Т. 8, ч. 1. С. 299—300, 303, 306, 311—312, 321—325.

³¹ Там же. С. 327, 330, 341.

Одним из важнейших стратегических пунктов противника на русско-литовском фронте являлся Полоцк, очень сильно укрепленный город, закрывавший пути на литовскую столицу Вильно. Насколько велико было значение этой крепости, видно из того, что в походе на Полоцк в январе 1563 г. участвовал сам Иван Грозный, а армия включала в себя почти все вооруженные силы России: 18 105 дворян (их сопровождало до 20—30 тыс. вооруженных холопов), 7219 стрельцов и казаков, более 6 тыс. служилых татар. Общая численность ополчения составляла 31 546 человек, а вместе с вооруженными холопами — около 50—60 тыс.³² В этом походе П. И. Шуйский вместе с И. Д. Бельским, мужем дочери В. В. Шуйского, шел воеводой Большого полка, которым командовал двоюродный брат Ивана Грозного князь Владимир Андреевич Старицкий. Полоцк был взят, но в результате боевых действий его стены и укрепления сильно пострадали. В феврале 1563 г. П. И. Шуйского посадили в Полоцке наместником и воеводой. Перед ним стояла задача восстановления всех разрушенных укреплений города, с которой он успешно справился.³³

Взятие Полоцка было самой крупной победой русской армии в Ливонской войне, после чего началась полоса неудач. Поражение потерпел не кто иной, как герой первой половины войны — князь П. И. Шуйский. По окончании работ по укреплению Полоцка, в январе 1564 г., его направили из Полоцка к Орше.³⁴ Этот поход закончился катастрофой, покрывшей позором голову прославленного полководца.

Будучи уверен, что недавно разбитый наголову противник не представляет в данное время большой опасности и не способен к наступательным действиям, Шуйский шел «оплошася, не бережно и не полки (т. е. не строем.— Г. А.), и доспехи и всякой служебной наряд везли в санях».³⁵ Этим воспользовались литовские воеводы Н. Радзивилл и Г. Хоткевич, следившие за его маршем. Выбрав удобную позицию, они напали на шедшее по тесной лесной дороге русское войско. Потерявшая строй, фактически безоружная армия Шуй-

³² Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 70.

³³ ПСРЛ. Т. 8, ч. 1. С. 349, 355, 363.

³⁴ Там же. С. 373.

³⁵ Там же. С. 377.

ского не смогла оказать серьезного сопротивления и была разбита наголову. Сам П. И. Шуйский также сложил голову в этом бою.

В слепой ярости Грозный кидался без разбора и на правых и на виноватых. По неизвестной причине казнили смоленского наместника Никиту Васильевича Шереметева, а его старший брат подвергся опале. За отказ одеть «машкару» (дурацкую маску) на пиру у царя был схвачен в церкви, вытаснен на площадь и убит один из героев битвы под Полоцком — князь Репнин, а через несколько часов, во время утренней молитвы, покончили с князем Кашиным.³⁶ Ожидая неминуемой опалы, в апреле 1564 г. бежал в Литву Андрей Курбский. Узнав об этом, Грозный еще больше впал в ярость.

Однако, круша направо и налево, Грозный не тронул ни одного из Шуйских, которых, судя по воспоминаниям, должен был считать главными виновниками своего тяжелого детства. Заслуживают внимания и сетования Ивана IV в послании к Курбскому, в котором он упрекает Петра Ивановича в неповиновении: лишь после седьмого напоминания П. И. Шуйский и А. Курбский выступили из Пскова против немцев.³⁷ В данном случае речь идет о походе, в результате которого было занято около 20 ливонских городов и за который победителей осыпали царскими наградами. И в то же время в послании нет упоминаний о разгроме армии П. И. Шуйского под Уллой, сыгравшем столь роковую роль в дальнейшем ходе Ливонской войны.

Наконец, в послании к митрополиту от 5 января 1565 г. — буквально накануне введения опричнины — главным пунктом обвинений бояр являются их измены и нанесение убытков государству именно в годы, предшествующие совершеннолетию Ивана IV («до его государьского возрасту»³⁸), т. е. в основном в период регенства Шуйских. Казалось бы, опричный террор должен был начаться именно с представителей фамилии Шуйских. Однако первыми жертвами террора становятся главный герой покорения Казани князь Александр Борисович Горбатый и его сын Петр, принадлежавшие к

³⁶ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 101; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 86.

³⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 86, 147

³⁸ ПСРЛ. Т. 8, ч. 1. С. 392.

другой линии суздальских князей — потомков не Василия Кирдяпы, а его брата Семена, и в период боярского правления входившие в группировку Бельских, враждебную Шуйским. Расправе подверглись также и все близкие князьям Горбатым люди.

Совсем иной была судьба Шуйских. Именно в годы опричнины блестящую карьеру делает Иван Андреевич Шуйский, сын убитого псарями, по указу Грозного, Андрея. 13 марта 1565 г. царским приказом он переводится с воеводства в Великих Луках на пост первого воеводы сторожевого полка в Серпухов, а в октябре назначается первым воеводой полка левой руки. Находясь в этой должности, Иван Шуйский совершает проступок, который любому другому воеводе из земщины мог стоить головы или, самое меньшее, — грозил опалой. Шуйский отказывается принять полк, потому что князя Петра Щенятева — первого воеводу передового полка — он считал ниже себя по родовитости.³⁹ Документы не сообщают, как отнесся Иван IV к проступку Ивана Андреевича, а говорят лишь о получении последним в апреле 1566 г. чина боярина.⁴⁰ В 1569 г. с Иваном Шуйским произошла еще более неприятная история: в то время, когда он занимал высокий пост Смоленского воеводы, сбежал в Литву его слуга. Однако хозяин отделался лишь отзывом в Москву без опалы,⁴¹ иначе говоря, — легким испугом.

Насколько ловким царедворцем являлся этот представитель рода Шуйских, видно из того дипломатического шага, который он предпринял с целью обезопасить себя и своих потомков от неприятностей со стороны взбалмошного, легкого на расправу царя. Иван Шуйский женит своего третьего сына, балованного и честолюбивого красавчика Дмитрия, на дочери всесильного любимца Грозного — Малюты Скуратова. Благодаря этому браку Дмитрий становится не только зятем Малюты, но свояком двоюродного брата царя по матери князя И. М. Глинского, а также и второго любимца царя — Бориса Годунова, женатых на двух других дочерях Малюты. Женитьба князя Рюрикова рода на дочери палача,

³⁹ ДРК. С. 254—255, 257, 261—262, 266—268.

⁴⁰ Зимин А. А. Состав Боярской Думы в XV—XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 73.

⁴¹ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 19.

видимо, очень понравилась Ивану IV, и организатор брака И. А. Шуйский в 1572 г. являлся уже первым боярином в опричнине, т. е. главой Опричной Думы.⁴² И. А. Шуйский погиб в бою в 1572 г. почти одновременно с Малютой Скуратовым, успев обеспечить своим пятерым сыновьям твердое положение при дворе Ивана Грозного.

Иной путь избрал сын Петра Ивановича — Иван Петрович Шуйский. Он пошел по стопам отца, успешно продвигаясь на воеводских постах; в 1572 г. Иван Петрович получил чин боярина.

Особое расположение Грозного к Шуйским сказалось в 1575 г., когда представители всех трех линий этой фамилии, а именно Иван Петрович, Василий Федорович Скопин-Шуйский и три брата — Василий, Андрей и Дмитрий Ивановичи, из которых старшему Василию исполнилось лишь 25 лет, были приглашены на очередную свадьбу Ивана IV. Отмечая, что Шуйские являлись, пожалуй, «единственными представителями княжеской аристократии на торжественном бракосочетании царя в 1575 г.», А. А. Зимин видит причину привязанности Грозного к представителям этой фамилии в близости Шуйских к опричной среде, так как отец трех указанных братьев Иван Андреевич, очевидно, входил в состав опричнины.⁴³ Даже если согласиться с этим выводом, хотя он и не подтверждается источниками, то уж ни Иван Петрович, ни В. Ф. Скопин-Шуйский, безусловно, никакого отношения к опричнине не имели. Любопытна приведенная А. А. Зиминым характеристика всех названных Шуйских, которую дал английский посол Д. Флетчер, знавший их лично. В. И. Шуйский «почитается умнее своих прочих однофамильцев», а князь Андрей — «за человека чрезвычайно умного», чего нельзя сказать о В. Ф. Скопине-Шуйском, который более знатен, чем способен «для советов». Что же касается И. П. Шуйского, то это «человек с большими достоинствами и заслугами».⁴⁴ Он один из всей фамилии числился в Дворовой тетради. Летом 1576 г. Иван Петрович как старший боярин судил местническое дело Ф. Ф. Нагого с В. Г. Зюзиным.

⁴² Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 174.

⁴³ Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 20.

⁴⁴ Флетчер. О государстве Русском. 2-е изд. СПб., 1905. С. 33, 42.

Братья Ивановичи также были на пути к фавору. В июле 1575 г. Василий и Андрей получили поместье в Шелонской пятине Новгорода, очевидно, из фонда земель, конфискованных у лиц, попавших в опалу.⁴⁵ В этой связи тем более странным кажется утверждение А. А. Зимина о том, что «тяжелое сиротское детство, самоуправство Шуйских наложили отпечаток на всю жизнь царя Ивана, лишив его какого бы то ни было доверия к подданным».⁴⁶ Вот яркий пример того, какое сильное влияние на исследовательскую мысль даже такого крупнейшего советского историка, как А. А. Зимин, оказывают ламентации Ивана Грозного в его первом послании к Андрею Курбскому.

И. П. Шуйский всю вторую половину 70-х годов занимал высокий пост дворового воеводы, а молодые Шуйские несли службу в свите царя. В. И. Шуйский в походах 1574, 1576, 1577 и 1579 гг. был рындой с большим саадаком; Андрей Иванович в 1574, 1576 и 1577 гг. — рындой у царевича Ивана, а в 1579 г. — рындой с копьем у царя; Дмитрий Иванович в 1577 и 1579 гг. — рындой «с другим саадаком» у государя.⁴⁷ В 1577 г. боярство получил В. Ф. Скопин-Шуйский.⁴⁸ В конце 1580 г. новый крупный шаг в придворной карьере делает Д. И. Шуйский. В сентябре 1580 г., по случаю новой женитьбы царя, получает боярство Б. Ф. Годунов, а на освободившееся место царского кравчего назначается его свояк Д. И. Шуйский, наверно, не без содействия Бориса.⁴⁹

На самую высокую ступень славы в 1581 г. поднимается Иван Петрович Шуйский. Он обессмертил свое имя и вошел в число лучших полководцев в истории России блестящей организацией многомесячной обороны Пскова от большой, великолепно организованной и вооруженной, армии польского короля Стефана Батория, и тем спас Российское государство от полного разгрома и позорного мира. Ход военных действий прекрасно описан в книге А. А. Зимина и А. Л. Хорошкевич. Авторы считают, что силы противников были примерно равными. Баторий располагал 50-тысячной хорошо дисциплиниро-

⁴⁵ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 20, 21.

⁴⁶ Там же. С. 100.

⁴⁷ РК 1475—1598 гг. С. 260, 276, 293, 295.

⁴⁸ Зимин А. А. Состав Боярской Думы... С. 77—78.

⁴⁹ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 87

ванной армией, и у И. П. Шуйского находилось в распоряжении 50 тыс. пехоты и 7 тыс. конницы.⁵⁰ Однако Р. Г. Скрынников, ссылаясь на отсутствие точных данных, приводит следующие цифры: польские источники насчитывали в составе псковского гарнизона от 7,5 до 9 тыс. стрельцов и дворян, а вместе с вооруженными горожанами — 12 тыс. Полагая, что эти данные преувеличены, исследователь считает боевой состав псковского гарнизона равным 7 тыс. человек.⁵¹

Расхождение в данных, приводимых авторами двух работ, весьма разительно. Вызывает сомнение наличие у Шуйского 50 тыс. пехоты при населении Пскова лишь в 20 тыс. человек.⁵² Вместе с тем отсутствие единства по вопросу численности армии не мешает историкам достоверно описать деятельность И. П. Шуйского по организации обороны города. Он «умело распределил войско вдоль внешних стен, крепостных сооружений, деливших на четыре части: Детинец, или Кромы, Довмонтов город, Средний и Окольный город, располагавшиеся между реками Великой и Псковой и имевшие протяженность около 10 км. Город был хорошо снабжен порохом, снарядами и продовольствием. Один из польских участников осады писал: „Пушки у них отличные и в достаточном количестве... достанется нашим батареям и насыпям“. Он не ошибся. Польско-литовское войско несло большие потери от круглосуточного обстрела позиций. Чтобы подойти к Пскову, Баторий распорядился копать „траншеи“, „борозды“ с южной стороны крепости Окольного города. Землей, вырытой из этих траншей, прикрывались орудия, установленные против Покровской и Свинусской башен. Псковичи стали укреплять Окольный город и за каменными стенами возводить вторую деревянную стену. В ров около башни врывали заостренные колья.

7 сентября начался артиллерийский обстрел башен южной стены Окольного города. Башни были пробиты, удалось сделать пролом стены около 50 метров длиной. На следующий день польско-литовские войска и отряды венгерских наемников, закованные в латы, прикрывшись

⁵⁰ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 141.

⁵¹ Скрынников Р. Г. Иван Грозный С. 227—228.

⁵² Скрынников Р. Г. Россия после oprичнины. Л., 1975. С. 55—56.

щитами, ринулись в пролом. Под звон осадного колокола церкви Василия на Горке выступили мужественные защитники. Но, несмотря на ожесточенную защиту, неприятелю удалось занять Свинусскую и Покровскую башни. Метким огнем из пушки „Барс“, стоявшей на Похвальской горке Окольного города, псковские пушкари снесли верхние ярусы этих башен. Какие-то безымянные герои проникли в подземную часть Свинусской башни и взорвали ее вместе с неприятелем. К защитникам крепости присоединилось гражданское население Пскова... Попытка штурма показала, что такую крепость, как Псков, лобовым ударом взять не удастся. Польско-литовские войска перешли к осаде города. Они начали устраивать минные подкопы, сделали попытку „подсечь“ каменную стену у Покровской башни кирками. Неоднократно возобновлялся артиллерийский обстрел города. Последняя попытка штурма (2 ноября) показала непреклонность защитников города. На льду реки Великой, откуда двинулось польско-литовское войско, осталась гора трупов, сраженных артиллерийским обстрелом псковичей».⁵³

Наступила зима, и в польско-литовском войске началось брожение. Война зашла в тупик, обе стороны нуждались в мире. В результате 5 января 1582 г. в деревушке Яме Запольском было подписано перемирие на 10 лет, по которому Россия отступилась от захваченных ею ливонских городов, а также уступала Речи Посполитой города Полоцк и Велиж. Речь Посполитая, в свою очередь, вернула России захваченные ею города Великие Луки, Себеж и примыкавшие к ним земли.

Авторитет Ивана Петровича Шуйского, спасшего Россию от более позорного мира, настолько возрос в глазах царя, что он включил его в состав регентского совета, определенный Грозным в завещании после убийства им старшего сына Ивана для руководства слабоумным Федором. В состав совета, кроме И. П. Шуйского, входили также дядя Федора по матери Н. Р. Юрьев, князь И. Ф. Мстиславский и племянник Малюты Скуратова царский оружничий Богдан Яковлевич Бельский. Таково было положение Шуйских к моменту смерти Грозного.

⁵³ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 141—142.

В это время в Боярскую Думу входил и Василий Федорович Скопин-Шуйский.

Незаурядным полководцем показал себя и один из потомков казненного Иваном IV Андрея Шуйского, а именно внук последнего — Андрей Иванович, считавшийся вообще самым умным из пяти братьев. В сентябре — октябре 1582 г. шведы под командованием Делагарди, рассчитывая на ослабление России после Ливонской войны, сделали попытку захватить крепость Орешек. Но гарнизон крепости смог удержаться в течение недели, им на помощь прибыло подкрепление во главе с воеводой Андреем Ивановичем Шуйским, еще совсем недавно бывшим только царским рындой. Штурм шведов отбили с большими потерями с их стороны, после чего противник отступил.⁵⁴

Итак, подведем итог историческому парадоксу, выразившемуся в полном несоответствии фактического поведения Грозного по отношению к представителям рода князей Шуйских, прослеженного нами на основании объективных источников, с теми тяжелыми обвинениями Шуйских в преступлениях периода несовершеннолетия Ивана, носивших не только характер личных обид, но и имевших большое общегосударственное значение. Но особый интерес вызывает то, что Грозный вспомнил об этих тяжких обидах лишь на 18-м году своего самостоятельного правления. Ненавистнический тон письма оказал сильное влияние на многие поколения историков. Даже те из них, кто ставил под сомнение жалобы Грозного, все равно, в полном разногласии с объективными источниками, продолжали считать Шуйских представителями самого реакционного направления русского боярства, которое имело целью чуть ли не вернуть Россию к порядкам удельного периода.

Причину подобного парадокса, на наш взгляд, нужно искать в особенностях характера Ивана IV, наиболее полно обозначенных в книге А. А. Зимина и А. Л. Хорошкевич. Представляется, что литературное творчество и практическая государственная деятельность Ивана Грозного могли протекать по двум параллельным, непересекающимся направлениям. Требуя от подданных безоговорочного повиновения, Иван Грозный тем самым утверждал право на единоличное правление. Помазанник

⁵⁴ Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 61.

божий старался подтвердить свое высокое положение примерами полной неспособности к самоуправлению даже самых знатных и уважаемых представителей боярства, каковыми в то время и являлись Шуйские. По мере увлечения литературным творчеством он и вылил на них все обвинения, относящиеся к боярской знати, не беря в расчет того, что многие из них не имели никакого отношения к представителям данной фамилии. Таким образом, послание явилось плодом литературной публицистики, а после того, как обвинения сыграли свою роль, Иван потерял к ним всякий интерес, и уже при редактировании Царственной книги — источника официального значения — он как будто совсем забыл о своих претензиях, хотя между посланием и редактированием летописи прошло лишь три года, а не 21 год.

Глава XIII КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЕ И БОРИС ГОДУНОВ

Смерть Грозного создала чрезвычайно сложную политическую обстановку. Казалось бы, кончина свирепого тирана должна была стать долгожданной разрядкой в удушливой общественной атмосфере России того времени, но этого не произошло. Грозный сумел оставить после себя наследство, имевшее для государства и народа весьма тяжелые последствия. Самым острым вопросом являлся вопрос о продолжении династии. Еще мать Ивана IV, стремясь обеспечить сыну беспрепятственный путь к престолу, постаралась избавиться от боковых наследников в лице двух дядей Ивана. Продолжая ту же политику, Иван сам уничтожил последнего бокового наследника в лице двоюродного брата — князя Владимира Андреевича Старицкого. Грозный мог быть спокойным — у его старшего сына Ивана не осталось ни одного соперника.

Однако, одной рукой избавляясь от всех возможных претендентов на престол по боковой линии, другой он уничтожал и своих прямых наследников. Его сын Иван женился трижды, но отец последовательно лишал его жен, прежде чем они смогли принести наследников. Первая жена из рода Сабуровых вскоре после свадьбы была пострижена в Покровском Суздальском монастыре,

вторая — в Кирилло-Белозерском. Единственное указание на причины пострижения имеется во Временнике дьяка Тимофеева, который пишет, что жены царевича «за гнев еже на нь ... свекром постризаемы суть».¹ Третий раз царевич женился сразу после седьмой свадьбы отца, осенью 1580 г., и они с женой ожидали наследника. Но однажды царь неожиданно вошел в комнату невестки, когда та в нижнем платье лежала на скамье. Молодая женщина в испуге поднялась, царь, взбешенный ее реакцией, ударил невестку по лицу, а затем так избил своим посохом, что она в следующую ночь выкинула мальчика. Эту историю изложил папский нунций А. Поссевин, посетивший Москву в начале 1582 г.²

Приведенный рассказ, на наш взгляд, несколько открывает истинные причины гнева царя на жен своего сына. Все женщины царской семьи испытывали панический ужас по отношению к главе рода. Так, С. Герберштейн писал об отношении Ивана III к женщинам: «Для женщин он был до такой степени грозен, что если какая из них случайно попадалась ему навстречу, то от взгляда его только что не лишалась жизни».³ Не случайно современники присвоили Ивану III эпитет «Грозный», который перешел по наследству к его внуку Ивану IV по причине неменьшей крутости характера последнего.

С самых юных лет Иван IV предавался разврату, не прекращая своей беспутной жизни и будучи женатым на первой жене Анастасии Романовой. Половая распущенность сказалась на внешности Ивана Грозного, придав его и без того некрасивому лицу «неповторимо отталкивающий вид». Царь не мог равнодушно видеть подле себя молодую женщину и не попытаться ею овладеть. Также он относился и к невесткам, а их нескрываемое отвращение и ужас перед свекром вызывали его гнев и дальнейшую расправу с непокорной. Подтверждением такого предположения является сообщаемый немецким пастором П. Одерборном факт о попытке Ивана IV, едва поднявшегося с постели после болезни, изнасиловать свою невестку, жену Федора — Ирину Году-

¹ Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 91.

² Там же.

³ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 15—16.

нову, которую спасли лишь поднятые ею крики о помощи. Возможно, Грозный покушался и на честь жены старшего сына.⁴

Последние полтора года жизни, после убийства сына, Грозного занимает лишь одна проблема: как спасти династию. Второй сын Федор, физически и умственно неполноценный, женат уже 12 лет, но детей не имеет и, видимо, не будет иметь. И Иван, при живой седьмой жене, затевает сватовство к английской принцессе Марии Гастингс, но переговоры с королевой Елизаветой не приносят нужных ему результатов. Между тем царица Мария Нагая рождает Ивану еще одного наследника — царевича Димитрия. Грозный, чувствуя приближение смерти, ищет среди окружающих его людей кандидата на регентство над неспособным к управлению государством Федором до совершеннолетия полуторагодовалого Димитрия. В последние дни жизни Иван не допускал к себе никого, кроме двух любимцев: Богдана Бельского, племянника Малюты, и Бориса Годунова. Однако когда встал вопрос об опекунах, то его взор обратился, в первую очередь, не к фаворитам, а к внуку проклипаемого Грозным в его переписке с Курбским Ивана Васильевича Шуйского, сыгравшего, по мнению историков, роковую роль в формировании характера грозного царя. Первым среди опекунов был назван Иван Петрович Шуйский, герой обороны Пскова, преданность которого Грозный так высоко ценил. По-иному относился царь к другому представителю рода Шуйских — политическому интригану Василию Ивановичу Шуйскому. В 1582—1583 гг. Василия Шуйского арестовали, но затем выпустили и отдали на поруки четверым младшим братьям. Видимо, вина его была не столь велика. Р. Г. Скрынников связывает арест с надвигающимся династическим кризисом.⁵

В момент смерти Грозного все старшие представители рода Шуйских находились вне Москвы. Они сидели наместниками в самых главных опорных пунктах государства на его северо-западной и западной границах: В. Ф. Скопин-Шуйский — в Новгороде Великом, И. П. Шуйский — в Пскове, А. И. Шуйский — в Смоленске. Из членов регентского совета в Москве в этот

⁴ Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 99.

⁵ Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 96.

период жили дядя нового царя Н. Р. Юрьев и князь И. Ф. Мстиславский с поддерживающим их влиятельным думским дьяком Андреем Щелкаловым.

Борис Годунов, воспользовавшись своим родством с царем, добился звания боярина-конюшего — высшего думского звания, ликвидированного Грозным; затем он заполучил боярские звания для своих родичей С. В. и Г. В. Годуновых. Родственники юного царевича Дмитрия — Нагие были отосланы из Москвы в разные места. Годунов, зная о влиянии Шуйских в боярской среде и будучи осведомленным об особенном уважении царя Федора к Ивану Петровичу, старался сблизиться с Шуйскими (Шуйские, по-видимому, в это время уже укрепили свои позиции). В посольских делах говорилось, что Федор пожаловал Ивана Петровича «великим жалованием в кормление Псковом, обема половинами и с пригороды и с тамгой, и с кабаки, чего некоторому боярину не даывал государь».⁶ В. Ф. Скопин-Шуйский получил в кормление Каргополь. Боярином и главой Московской судной палаты стал В. И. Шуйский.

Сложившаяся ситуация, направленная, по существу, на укрепление позиций боярской знати, не устраивала одного, но очень влиятельного члена регентского совета, а именно Б. Я. Бельского, самого видного из деятелей опричнины, царского оружничего, любимца Грозного. Хотя опричнина и была формально уничтожена в 1572 г., но опричники остались, и главной их опорой являлся Бельский, в подчинении которого находилось все стрелецкое войско. Пользуясь своей близостью к только что умершему царю и уповая на высокий пост оружничего, Бельский затеял местнический спор с более родовитым казначеем П. И. Головиным. Выходка оружничего возмутила родовитую знать. В народе пошел слух: Бельский хочет отстранить от царствования Федора Ивановича и восстановить опричные порядки. В городе вспыхнули волнения, большая, двадцатитысячная толпа подступила к Кремлю и стала требовать выдачи Бельского, грозя разгромом Кремля. Лишь когда к народу вышли И. Ф. Мстиславский и Н. Р. Юрьев с дьяками Щелкаловыми и сообщили о высылке Бельского, согласно воле Федора, в Нижний Новгород, народ успокоился. 31 мая 1584 г. состоялась коронация Федора Ивановича.

⁶ З и м и л А. А. В канун грозных потрясений. С. 113.

В процессе пополнения Боярской Думы к апрелю 1585 г. боярином стал Андрей Иванович Шуйский,⁷ считавшийся одним из умнейших представителей этой фамилии. Теперь в Думе сидело четверо Шуйских: Иван Петрович, В. Ф. Скопин-Шуйский, В. И. и А. И. Шуйские. Дмитрий Иванович оставался царским кравчим, а в апреле 1586 г. также стал боярином.⁸ Вместе с примыкавшими к ним Н. Р. Юрьевым и И. Ф. Мстиславским они представляли весьма мощную княжеско-боярскую группировку, противостоявшую Борису Годунову в его стремлениях к захвату власти.

Но ситуацию изменила тяжелая болезнь Н. Р. Юрьева, самого влиятельного и авторитетного в народе деятеля этой группировки. Заболев в августе 1585 г., он умер в апреле 1586 г. Смерть Юрьева усилила позиции Годунова. В мае того же года у Бориса происходит столкновение с Андреем Шуйским, одним из видных представителей фамилии. Назначение «на берег» воеводой передового полка Андрей воспринял как сознательно нанесенное ему оскорбление, так как в предыдущем походе в октябре 1585 г. он являлся воеводой Большого полка. В ответ на выпад Бориса Шуйские ответили контратакой. Воспользовавшись тем, что в то время в городе происходили волнения посадских людей, Шуйские, заручившись поддержкой митрополита Дионисия, епископа Крутицкого Варлаама и верхушки московского посада, обратились к царю Федору с челобитной о разводе его с Ириной Годуновой по причине ее бесплодия и о заключении нового брака. Но Годунову удалось успокоить посад и Шуйским пришлось торжественно примириться с Борисом. Последний в первую очередь расправился с руководителями волнений, а затем отстранил от престолов митрополита Дионисия и епископа Варлаама, тем самым обезопасив себя со стороны церкви.

Теперь можно было взяться и за Шуйских. Самым опасным из них Борис считал героя псковской обороны — И. П. Шуйского, которому и нанес первый удар. Ивану Петровичу с провокационной целью поручили судить местническое дело печатника Алферьева с Ф. Лошаковым-Колычевым, а затем предъявили обвинение в том, что он судил в пользу близкого ему Колычева.

⁷ РК 1559—1605 гг. С. 210.

⁸ З и м и н А. А. В канун грозных потрясений. С. 133.

После розыска Ивана Петровича сослали в Кирилло-Белозерский монастырь, где его постригли в монахи, а затем удушили дымом 16 ноября 1588 г.⁹ Вслед за ссылкой Ивана Петровича в 1587 г. и все остальные Шуйские, кроме В. Ф. Скопина-Шуйского, были разосланы по деревням, а затем переведены в тюрьмы: Андрей — в Буйгород, где его и убили как наиболее опасного врага Годунова; Василий и Александр — в Галич; Дмитрий и Иван — в Шую.¹⁰ В. Ф. Скопин-Шуйский еще зимой 1590 г. ходил одним из воевод государева полка против немцев под Ругодив и Ивангород.¹¹

Еще до расправы с Шуйскими поймали и постригли в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре престарелого князя И. Ф. Мстиславского, опала оставшихся в живых Шуйских продлилась недолго.

Избавившись от наиболее опасных противников из лагеря Шуйских, Борис в 1591 г. освобождает из ссылки остальных представителей фамилии, а Василия и Дмитрия Ивановичей возвращает в Боярскую Думу.¹² Годунов считал, видимо, что испуганные жестокой расправой с лидерами рода, оставшиеся в живых четыре брата станут более послушными его воле, а превращение представителей самого знатного рода на Руси из врагов в союзников давало солидные козыри Борису в борьбе за царский престол. Самой крупной и опасной фигурой для Годунова, требующей особого внимания, являлся Василий Иванович Шуйский, признанный после смерти Ивана Петровича лидером рода. Остальные не были для Годунова конкурентами: Дмитрий — свояк, да к тому же глуп и нелюбим боярами; Александр и Иван — еще очень молоды; представителю другой линии Шуйских — Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому — всего лишь четыре года.

Личность Василия Ивановича Шуйского ярко охарактеризована одним из современников его царствования князем И. М. Катыревым-Ростовским: «Царь Василий возрастом (ростом.—Г. А.) мал, образом же нелепым,

⁹ Там же. С. 138—139; Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М., 1981. С. 58—59.

¹⁰ Там же.

¹¹ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Кн. VII. М., 1951. С. 230.

¹² Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. С. 118.

очи подслеповаты имея; книжному поучению доволен и в рассуждении ума зело смыслен; скуп вельми и неподатлив; но единым же к тем тщание имея, которые во уши ему ложное на люди шептаху, он же сих веселым лицом воспринимаше и в сладость их послушати желаше; и к волхвованию прилежаше, а о всех своих не радеше».¹³ Если принять во внимание все эти качества Василия Шуйского, а также учесть значительное влияние, которое последний имел в боярской среде, и крепкие связи в Новгороде и Пскове, то становится понятным, почему так настороженно следил Борис Годунов за этой персоной и так старательно искал путей и способов связать Василию руки, не прибегая при этом к насилью. И Борис нашел такой способ.

15 мая 1591 г. при непонятных обстоятельствах в Угличе погиб единственный наследник престола восьмилетний Дмитрий. Пошли слухи, что мальчика зарезали подосланные Борисом Годуновым люди: дьяк Михайло Битяговский, его племянник Никита Качалов и сын мамки царевича Осип Волохов, которые тут же на месте преступления стали жертвами разъяренной толпы. Борис встал перед трудной проблемой: как доказать свою невиновность,— для него это был вопрос жизни и смерти. Поразмыслив, Годунов находит оригинальный выход: назначив комиссию по расследованию причин гибели Дмитрия, он ставит ее председателем князя Василия Ивановича Шуйского, принца крови, имевшего неоспоримые права на царский престол и в то же время известного народу как непримиримого врага Бориса. Свидетельство такого человека явилось бы убедительным доказательством невинности Годунова, однако, с другой стороны, приняв это решение, Борис шел на большой риск, так как заключение комиссии не в его пользу означало бы для Годунова смерть.

Шуйский, хорошо зная, с кем имеет дело, понимал, что Борис установит слежку за каждым его шагом и малейший намек на действия комиссии не в пользу Годунова будет грозить Василию гибелью. В результате комиссия в составе председательствующего князя Василия Шуйского, окольничьего А. П. Клешина и дьяка Е. Вылузгина вынесла решение: царевич, который с ма-

¹³ Повесть князя М. И. Катырева-Ростовского. СПб., 1908. С. 64.

лых лет страдал падучей болезнью, играя с ребятами «в тычку» ножом, зарезался в припадке сам. Имя Бориса Годунова в следственном деле вообще не упоминалось.¹⁴ За неумение уберечь царевича его мать царицу Марию постригли в монахини, а ее родных разослали по тюрьмам.

О деятельности Шуйских в 1591—1597 гг. в источниках сведений не встречается. Видимо, они жили в этот период в ладу с Борисом, так как к 1597 г. младшие Шуйские, Александр и Иван, были введены в состав Боярской Думы.¹⁵

В момент смерти царя Федора Шуйские имели значительный вес среди московского боярства, в состав Думы входили все четыре брата. Но, как считает С. Ф. Платонов, в политической жизни 1598 г. Шуйские находились на вторых ролях. Главными соперниками Бориса Годунова в борьбе за престол являлись не они, а Романовы.¹⁶ Гибель двух виднейших представителей рода от руки всесильного правителя была еще слишком свежа в памяти Шуйских. По данным современников, в период царствования Бориса они находились даже в приниженном положении по сравнению с другими представителями княжеской знати.

Так, в Крымском походе 1598 г. Василий Шуйский занимал пост первого воеводы полка правой руки в армии Ф. И. Мстиславского, а Дмитрий — первого воеводы Передового полка.¹⁷ Александр был начальником Московского судного приказа,¹⁸ он умер в 1601 г. Судя по всему, Шуйские не вмешивались в эти годы ни в какие интриги, но мнительный Борис не спускал с них глаз. И все же даже «самый опасный» из рода — Василий — не вызывал, видимо, подозрений. А. П. Павлов, тщательно проследивший служебный путь В. И. Шуйского при Борисе Годунове, отмечает, что за весь период

¹⁴ Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 163, 244.

¹⁵ Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. С. 118.

¹⁶ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910. С. 218.

¹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XI. СПб., 1892. С. 9.

¹⁸ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 18.

службы Василий не получил от царя ни одного взыскания.¹⁹

Лишь один Иван Иванович не избежал опалы, в результате которой его лишили думного чина боярина, оставив все же за ним земельные владения; таким образом, опала была для него не очень тяжелой. Причиной опалы послужил донос людей И. И. Шуйского на своего господина «в корень и в ведовском деле». Будучи крайне суеверным человеком, Борис даже в текст присяги внес клятвы на кресте: «...царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не посылать, людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и всдуней не добывать на государское лихо». Так что Годунов отнесся к И. И. Шуйскому более чем мягко, однако последний не оценил либерализма царя. В последующие годы известны его тайные сношения с такими темными личностями, как чудовские монахи Варлаам и Мисаил, спутники самозванца в его бегстве в Литву.²⁰

Остальные Шуйские хотя и служили царю Борису, неизменно оставались его тайными врагами.²¹ Старший из Шуйских — Василий Иванович — занимал при дворе видное положение. Так, в сентябре 1602 г. он принимал участие во встрече жениха царевны Ксении датского герцога Иоанна, однако играл в этой церемонии не первую роль. Он вместе с князем Голицыным встречал высокого гостя на лестнице, а в сенях герцога ожидали князь Мстиславский с окольными и дьяками.²² Так что первого среди Рюриковичей поставили на одну ступень с Гедиминовичем-Голицыным, тем самым унизив Шуйского. Борис признавал старшинство Шуйских над Голицыными. Еще в 1590 г., когда князя Гедиминовичи — Иван Голицын и Андрей Куракин попытались местничать Д. И. Шуйскому, то получили от Бориса резкий ответ: «...что плутаете, бьете челом не о деле? Велю

¹⁹ Павлов А. П. Правящие слои московского общества при Борисе Годунове: Автореф. канд. дисс. Л., 1979. С. 14.

²⁰ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 16, 109.

²¹ Платонов С. Ф. Очерки... С. 235.

²² Карамзин Н. М. История... Т. XI. С. 29.

дать на отцов ваших правую грамоту князю Дмитрию Шуйскому».²³

Права Шуйских на Российский престол признавали и в Литве. В. И. Шуйский, основываясь на том, что первым на Владимирском великом княжении сидел его прародитель Андрей Ярославич, а не прародитель московских князей Александр Ярославич, считал себя законным претендентом на престол, Бориса же считал лишь временным узурпатором престола. Поэтому Борис не доверял Шуйским и следил за каждым их шагом, но как только появился новый претендент на царство в лице Лжедмитрия, Борис для борьбы с ним призвал на помощь Шуйских, будучи уверен в их неспособности связаться с самозванцем, из-за знатности рода. И когда в октябре 1604 г. армия Лжедмитрия вторглась в пределы России, Борис поставил во главе войска, расположенного в Брянске, воеводой Большого полка — свояка Дмитрия Шуйского.²⁴ Но Дмитрий, не отличавшийся ни полководческими, ни организаторскими талантами, смог комплектовать армию лишь в ноябре. Недовольный Борис передал главное командование старейшине Боярской Думы князю Ф. И. Мстиславскому. Армия Бориса численно уступала армии Лжедмитрия: Мстиславский имел 25 336 человек, Лжедмитрий — около 38 тыс. человек.²⁵

При первом же столкновении с противником Дмитрий Шуйский повел себя как бездарный полководец и трусливый человек. Когда 21 декабря отряд польских гусар стремительно обрушился на правый фланг армии Мстиславского, которым командовал Дмитрий Шуйский, последний своей растерянностью усилил панику, и полк бросился в беспорядочное бегство, открыв гусарам путь в тыл Большого полка. Возглавлявший его Мстиславский дрался храбро и, получив 15 ран, был унесен с поля боя подоспевшими стрельцами. Под нажимом противника армия Бориса отступила от Новгорода Северского к Стародубу Северскому и там осталась ждать новых подкреплений из Брянска.²⁶

В январе 1605 г. на помощь Мстиславскому при-

²³ Платонов С. Ф. Очерки... С. 259.

²⁴ Карамзин Н. М. История... Т. XI. С. 98.

²⁵ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 194.

²⁶ Карамзин Н. М. История... Т. XI. С. 98.

был Василий Шуйский с царскими стольниками, стряпчими и большими московскими дворянами.²⁷ Получив подкрепление, войско двинулось к Севску и расположилось в большом селе Добрыничах. Однако силы противника были несоразмерны. Лжедмитрий имел около 15 тыс. конницы и пехоты, армия Бориса насчитывала от 60 до 70 тыс. человек русских воинов и иноземных наемников. Воспользовавшись большой скученностью русских войск, Лжедмитрий внезапно напал на выдвинутый вперед полк правой руки, возглавляемый В. И. Шуйским, подкрепленный двумя отрядами иноземных наемников. Ударный кулак Лжедмитрия состоял примерно из 2,5 тыс. всадников. Приняв на себя первую яростную атаку противника, Шуйский, в отличие от брата, не побежал, а стал медленно отступать, открывая врагу путь к окраине села, где стояла русская пехота с пушками. Мощный орудийный и ружейный огонь буквально смел ряды наступающих, которые бросились в паническое бегство.

В этом бою самозванец потерпел сокрушительное поражение: он потерял около 6 тыс. человек, русские взяли много пленных, захватили 15 знамен и 13 пушек. Борис на радостях велел служить благодарственные молебны, звонить во все колокола, гонцу с поля боя пожаловал чин окольного воеводы, воеводам послал с любимым стольником, князем Мезецким, золотые медали, а войску — 80 тыс. рублей.²⁸ Мстиславский и Шуйский, уверенные в том, что противник разбит окончательно и Лжедмитрий не посмеет больше появиться в пределах России, не стали преследовать остатки разбитых войск врага, а попытались взять Рыльск, где сидел мятежный воевода князь Г. Б. Долгорукий. Однако население города оказало им сильное сопротивление, и армия Годунова предпочла оставить осаду и отойти к Севску. Жители же Рыльска произвели вылазку и разгромили оставленный ушедшими воеводами арьергард. В руках сторонников Лжедмитрия оставались также Путивль, Кромы и Чернигов.²⁹

²⁷ Там же. С. 101; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 198.

²⁸ Карамзин Н. М. История... Т. XI. С. 102.

²⁹ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 205.

Между тем воеводы решили уйти из восставших районов и распустить войско на отдых. Чем объяснить такое странное поведение Борисовых воевод? Выражая свою радость по поводу победы под Добрыничами, благодаря и награждая военачальников, царь Борис особенно горячо выражал свою признательность двум предводителям иноземных наемников — ливонскому дворянину Вальтеру Розену и французу Якову Маржарету, тем самым подчеркивая их решающую роль в одержанной победе.³⁰ Естественно, князья-воеводы Мстиславский, Шуйский и Голицын, возглавлявшие русское войско, чувствовали себя обиженными и приняли решение о роспуске армии.

Борис, в свою очередь, был взбешен поведением воевод и направил к ним окольник П. Н. Шереметева и дьяка А. Власьева с выговором и запрещением распускать армию. С ними прибыл отряд московских дворян. Уже настроившиеся на отдых войска снова вывели в поле, и соединив с вновь прибывшим пополнением, приступили к осаде Кром.³¹ Но боеспособность этих войск уже была подорвана. В результате почти 80-тысячная армия, имевшая множество стенобитных орудий, безуспешно пыталась взять малонаселенную и небольшую по размерам дубовую крепость, защищаемую 600 донскими казаками во главе с атаманом Корелой. Бросить все свои силы на осаду небольшой крепости воеводы не могли, передовой же полк, руководимый М. Г. Салтыковым, атакуя, нес большие потери. Многочисленные бессмысленные жертвы заставляют М. Г. Салтыкова прекратить штурм без разрешения высшего командования. Этот проступок, граничивший с предательством, заслуживал строгого наказания, но главные воеводы Мстиславский и Шуйский оставили его без внимания. Из-за большой скученности в войске начались болезни, еще более обострившие недовольство среди дворянского ополчения.³²

В это время в результате приступа затянувшейся тяжелой болезни, 13 апреля 1605 г., умер Борис Годунов. Вступивший на престол Федор Борисович первым делом отозвал в Москву из армии всех трех знатнейших бояр — князей Ф. И. Мстиславского, Василия

³⁰ Карамзин Н. М. История... Т. XI. С. 103.

³¹ Там же. С. 105.

³² Там же. С. 106.

и Дмитрия Шуйских — для участия в деятельности Боярской Думы. Во главе армии был поставлен П. Ф. Басманов, внук одного из виднейших организаторов опричнины Алексея Басманова, сын Федора Алексеевича, фаворита Ивана Грозного. Петр Басманов в боях против самозванца проявил себя как талантливейший полководец, но поскольку он не принадлежал к верхушке московской титулованной знати, его назначение на Большой полк вызвало недовольство среди других более знатных воевод, что не могло не отразиться на состоянии армии. С другой стороны, возвращение в Москву Шуйских снова ставило их во главе боярской оппозиции, которая не расположена была терпеть у власти дочь Малюты Скуратова и ее сына. Басманов также не хотел служить верой и правдой дочери Малюты, главного виновника казни его деда и смерти в тюрьме его отца. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, Лжедмитрий предложил Басманову первое место при своей особе. Вместе с Басмановым на сторону Лжедмитрия перешли воеводы — князь Голицын и боярин М. Г. Салтыков. В армии начался мятеж, верные Федору воеводы Катырев-Ростовский, Телятевский, Кашин, Морозов, Сукин бежали в Москву.³³

Не встречая на своем пути никакого сопротивления, Лжедмитрий двинулся на Москву и, остановившись около Тулы, в Крапивне, послал с дворянином Гаврилой Григорьевичем Пушкиным грамоту, адресованную «Мстиславскому, Шуйским и прочим боярам, дворянам московским и городовым и всему народу с обещаниями никого не обижать и с гарантией тишины, покоя и благоденственного жития». Пушкину удалось огласить послание с Лобного места на Красной площади.

Как же в сложившейся ситуации повели себя Шуйские? По свидетельствам современников, князя Мстиславский и Василий Шуйский, а также возвращенный Федором из ссылки Богдан Бельский вышли из Кремля и пытались помешать чтению послания и успокоить народ, но были встречены криками: «Время Годуновых миновалось. Да здравствует царь Димитрий!»,³⁴ после чего толпа ворвалась в Кремль. Царя Федора с матерью

³³ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба... С. 261.

³⁴ Карамзин Н. М. История... С. 120.

вывели из дворца на старый двор, где и убили, а дворы всех Годуновых разграбили. Царем был провозглашен Лжедмитрий. Боярство не посмело и пикнуть.

Глава XIV КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЕ И ЛЖЕДМИТРИЙ I

В Серпухов, на встречу нового царя, двинулась боярская делегация в самом представительном составе: князья Василий, Дмитрий и Иван Шуйские, Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский и др.¹ Итак, Шуйские покорно склонили головы перед тем, кого совсем недавно клеймили позором как самозванца. Но с их стороны это был только стратегический маневр. В. И. Шуйский в своем кругу называл факт признания боярами самозванца вынужденной мерой, имевшей своей целью расправу с Годуновыми.

Опытный политикан В. И. Шуйский начал плести сеть интриг. Во время встречи в Серпухове, вручая новому царю государственную печать, ключи от казны и царские регалии, Василий заметил, что Лжедмитрий относится к нему с недоверием. Подозрения князя оказались не напрасными: Лжедмитрий для оповещения населения о скором приезде послал в Москву впереди себя не Шуйского, старейшего из бояр и имевшего преимущественное право, а князя В. В. Голицына и П. Ф. Басманова. Крупнейший знаток истории Смуты академик С. Ф. Платонов так характеризует состояние Шуйских в этот период: «В то время, как другие виновники переворота, Голицын и Басманов получили на первых же порах служебные поручения от самозванца и как его доверенные лица поехали перед ним в Москву, Шуйские оставались в стороне. Это было последствием их поведения и, может быть, причиной той поспешности, с какой они стали агитировать против нового государя. Им было основание опасаться, что при перемене придворных лиц и влияний не им достанется первое место в правительстве, а между тем они притязали на него. Переворот 1-го июня устранил тот порядок, которым они тяготились, но не создал такого порядка, какого

¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910. С. 268.

они желали. Незачем было, с их точки зрения, терпеть новое положение вещей и опасно было, в интересах их семьи, дать ему утвердиться. Вот почему Шуйские, очертя голову, бросились в агитацию, возбуждая московское население против нового царя, еще не успевшего приехать в свою столицу».²

Но Лжедмитрий имел в Москве много сторонников, которые докладывали ему во всех подробностях о поведении Шуйских. Да и сам Василий Иванович был слишком раздражен, чтобы соблюдать необходимую осторожность. Самонадеянность Шуйского стоила ему и его семье очень дорого.

Особенно старательно следил за всеми враждебными происками против нового царя П. Ф. Басманов, ставший его ближайшим другом и соратником. Братьев Шуйских арестовали по его доносу в первой половине 1606 г. Р. Г. Скрынников ставит под сомнение приведенную нами версию С. Ф. Платонова, считая, что Шуйские всегда оставались «трезвыми и осторожными политиками. Спешили не столько Шуйские, сколько Лжедмитрий. Даже если заговора не было и в помине, ему надо было выдумать таковой». В защиту своей версии историк выдвигает аргумент: Лжедмитрий боялся, что «князь Василий Шуйский предъявит претензии на трон при первом же подходящем случае».³ На наш взгляд, доказательства, приводимые Р. Г. Скрынниковым, менее убедительны, чем доводы С. Ф. Платонова. Вспомним, с каким восторгом был принят большинством московского населения новый царь. А ведь его признала и значительная часть боярства, и даже мать Дмитрия — старица Марфа, которую по приказу Лжедмитрия I юный государев мечник князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский привез из монастыря.⁴ Эти факты говорят о твердых позициях, занимаемых Самозванцем в первые дни его царствования.

Н. М. Карамзин на основании многочисленных свидетельств современников — русских и иностранцев — так описывает суд над Василием Шуйским: князя с братьями «велели судить, как дотоле еще никого не судили в

² Там же. С. 272.

³ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 308, 309.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1802. С. 132.

России: Собором, избранным людям всех чинов и званий. Летописец уверяет, что князь Василий в сем единственном случае жизни своей явил себя героем: не отрицался; смело, великодушно говорил истину, к искреннему и лицемерному ужасу судей, которые хотели заглушить ее воплем, проклиная такие хулы на венценосца. Шуйского пытали; он молчал; не назвал никого из соумышленников и был один приговорен к смертной казни; братьев его лишили только свободы». Василия поставили на помост около плахи, и Петр Басманов с Лобного места зачитал от имени царя: «Великий боярин, князь Василий Иванович Шуйский, изменил мне, законному государю вашему, Димитрию Иоанновичу всея России; коварствовал, злословил, ссорил меня с вами, добрыми подданными: называл Лжецарем; хотел свергнуть с престола. Для того осужден на казнь: да умрет за измену и вероломство». Князь Василий, уже обнажаемый палачем, громко воскликнул к зрителям: «Братья! Умираю за истину, за веру христианскую и за вас». Когда голова осужденного уже лежала на плахе, вдруг все услышали крик: «Стой!» — и увидели скачущего из Кремля гонца с указом в руке, в котором Шуйскому по ходатайству царицы-инокини Марфы, матери царя, объявлялось помилование.⁵ Всех троих Шуйских сослали в Галицкие пригороды; имения описали, дома разорили.

Академик Л. В. Черепнин дает весьма остроумную и убедительную оценку этого суда. «Форма соборного судопроизводства, — пишет историк, — очевидно, была выбрана Лжедмитрием потому, что он искал популярности среди различных сословий Русского государства. Лжедмитрий применил довольно ловкий прием: осуждению Василия Шуйского он придал характер соборного приговора, помилование же (уже на Лобном месте) этого приговоренного к смерти боярина должно было выглядеть в глазах населения как акт личного царского милосердия».⁶

Однако Лжедмитрий I ошибся в своих расчетах. Очевидцы события пишут, что «вся площадь закипела в неопишемом движении радости».⁷ Реакция народа понятна: Шуйский своим поведением на суде, и особенно

⁵ Там же. С. 137—138.

⁶ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 151.

⁷ Карамзин Н. М. История... С. 102.

на Лобном месте, стер с себя те грязные пятна, которые лежали на нем, и уже никто не вспоминал, какую роль играл В. Шуйский в смерти царевича Дмитрия. Напротив, его смелое поведение импонировало простому народу, а боярские круги, недовольные воцарением Самозванца, увидели в Василие Шуйском надежного лидера. Есть все основания считать, что Лжедмитрий — храбрый воин и ловкий авантюрист, но неопытный политик — не только ничего не выиграл этим процессом, но, напротив, недооценил ум и большой опыт прожженного интригана Василия Шуйского, который в силу своего политического чутья и логики, а возможно, и зная о характере Лжедмитрия от кого-нибудь из его близкого окружения, понял замысел Самозванца. Возможно, в этом крылась причина смелого и уверенного поведения Шуйского на суде, под пытками и на плахе.

Реакция большей части знати и некоторых других слоев населения на действия Лжедмитрия против Шуйских показала Самозванцу необходимость держаться осторожнее с родовой знатью. Через четыре-пять месяцев после ссылки Шуйские были возвращены в Москву. Тем самым Лжедмитрий I расписался в собственной слабости, и Шуйские поняли это.

Имея широкие связи в среде боярства, Шуйские поддерживали отношения и с другими слоями населения не только в столице, но и на периферии. Владея вотчинами в Шуйском уезде, где были широко развиты шубный и другие крестьянские промыслы, они устанавливали обширные связи с московским купечеством. С другой стороны, занимая в течение двух веков наместнические посты в Новгороде и Пскове, Шуйские пользовались большой популярностью среди служилого дворянства тех земель, которое, в свою очередь, играло видную роль среди всего служилого дворянства России. При помиловании Шуйским были возвращены все их чины и владения. Василий Шуйский, дав письменное обязательство на верность Дмитрию, прибыл в Москву в ореоле героя-мученика и, ведя себя как усердный слуга царя, благодарный ему за прощение, снискал у недалекого и самоуверенного Лжедмитрия полное доверие, что давало Шуйскому полную возможность подготавливать почву для переворота.

Лжедмитрий снял также с Василия Ивановича запрет на женитьбу, наложенный на него Борисом Годуновым

и разрешил взять в жены княжну Буйносову-Ростовскую. Шуйскому позволено было сыграть свадьбу сразу после женитьбы царя на Марине Мнишек. Для этого, 7 мая 1606 г., Василий Шуйский участвовал в церемонии обручения в качестве тысяцкого. Он же подводил Марину к приготовленному для нее в Грановитой палате, в нарушение русского обычая, второму трону, поставленному рядом с царским, и произносил речь: «Наияснейшая Великая Государыня, Цесаревна Мария Юрьевна! Волею божией и непобедимого Самодержца, Цесаря и Великого князя всея России, ты избрана быть его супругой: вступи же на свой Цесарский маестат и властвуй вместе с Государем над нами».⁸ Шуйский также выводил Марину из храма после венчания, а затем вместе с ее отцом — Юрием Мнишеком — проводил до брачной постели. На свадебных торжествах присутствовала и жена Дмитрия Шуйского, дочь Малюты Скуратова. Сам Дмитрий Шуйский принимал участие в переговорах с послами польского короля Сигизмунда.

Шуйские и их соратники использовали все промахи Самозванца в нарушении им русских обычаев и его покровительство иноземцам, которые вели себя в Москве как завоеватели. Исполдволь они стянули в столицу своих людей из различных вотчин, кроме того, ввели в город воинские отряды, расположенные под Москвой. Когда все было готово, 17 мая 1606 г. в четвертом часу утра по Москве загудел набат. Звонили во всех церквях. На Красную площадь устремился народ, вооруженный мечами, копьями, самопалами, а также дворяне, дети боярские, стрельцы и др. У Лобного места сидели на конях бояре, окруженные князьями и воеводами в полных доспехах. Когда собралось достаточно народу, распахнулись Спасские ворота и князь В. И. Шуйский с мечом в одной руке и с распятием в другой въехал в Кремль. Сойдя с коня, он зашел в Успенский собор, приложился к иконе Владимирской Божьей Матери и, выйдя к народу, крикнул: «Во имя божие идите на злого еретика».⁹ Толпа ринулась во дворец. Вскочивший со сна Лжедмитрий велел ночевавшему у него П. Ф. Басманову выяснить, в чем дело. Басманов, от-

⁸ Там же. Т. XI. С. 163.

⁹ Там же С. 173.

крыв дверь в сени, увидел рвущуюся в царские покои толпу. На его вопрос, к кому те идут, народ закричал: «К Самозванцу». Срубив мечом голову ворвавшемуся вслед за ним дворянину, Басманов крикнул Лжедмитрию: «Спасайся!». Тот, вырвав бердыш у телохранителя, растворил дверь в сени и закричал народу: «Я вам не Годунов». В ответ загремели выстрелы и охрана закрыла дверь, но силы ее были невелики — лишь 50 немцев, 20—30 поляков и несколько невооруженных слуг и музыкантов.

Бесстрашный Басманов снова вышел к восставшим и, увидев бояр, стал их уговаривать. Но Михаил Татищев с криком «Злодей!» ударил его ножом в сердце. Басманов упал замертво, а затем был сброшен с крыльца. Лжедмитрий, не видя иного спасения, выскочил в окно на Житный двор, но вывихнул ногу и разбил грудь и голову. Здесь его узнали стрельцы, не участвовавшие в восстании; они подобрали Самозванца и решили не выдавать его толпе. Требуя вызвать царицу-инокиню, стрельцы говорили: «Если он ее сын, то мы умрем за него; а если царица скажет, что он Лжедмитрий, то волен в нем бог».¹⁰ Вызванная из кельи Марфа отреклась от Лжедмитрия, заявив, что была вовлечена в грех лжи угрозами и лестью. Ее заявление поддержали и вызванные Нагие. После этого стрельцы выдали Лжедмитрия, его привели во дворец и стали допрашивать, предварительно содрав с него царское платье и одев в лохмотья. Во время допроса в двери ломился народ, всех волновал вопрос, признается ли допрашиваемый. Возможно, боясь непосредственной встречи Самозванца с простым народом, дворяне Иван Воейков и Григорий Валуев двумя выстрелами убили Лжедмитрия и отдали его тело на растерзание толпе, которая, натешившись трупом, сбросила его с крыльца на труп Басманова. Затем оба тела вытащили из Кремля и бросили около Лобного места.

В то же время братья Шуйские и Мстиславский скакали по улицам, успокаивая народ и рассылая стрельцов на спасение от разъяренного народа поляков, которые сложили оружие под данное им боярами честное слово в сохранении им жизни. Так были спасены князь Вишневецкий, Юрий Мнишек и др

¹⁰ Там же. С. 174—175.

После убийства Лжедмитрия в Москве сложилась весьма трудная обстановка. Восставший народ продолжал захватывать и грабить дворы иноземцев, особенно поляков, грабежа не миновали и многие дворы русских богатых людей. Ситуация требовала создания нового правительства. Собрать «Собор всей земли» для выбора нового царя не было времени и необходимых условий. Согласно весьма убедительной версии Л. В. Черепнина, срочно созвали расширенное заседание Боярской Думы с участием представителей дворянства и купечества, на котором было решено посадить на трон В. И. Шуйского.¹¹ Итак, 19 мая 1606 г. Василия Ивановича провозгласили царем. Случилось это на Красной площади, на том самом Лобном месте, где его голова совсем недавно ожидала удара палача.

¹¹ Черепнин Л. В. Земские соборы... С. 153.

Глава XV

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШУЙСКИЙ — ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

В личности Василия Ивановича Шуйского великий мастер политической интриги и артист преобладал над государственным деятелем, что и отразилось на всем его неудачном царствовании. А между тем Шуйский вступил на престол в такой сложной социально-политической ситуации, правильно разобраться в которой мог лишь человек большого государственного ума и твердого характера. Василий Иванович же не обладал в нужной степени ни тем, ни другим; он просто воспользовался взрывом народного возмущения, направленного против интервентов и их ставленников, и занял царский трон.

Будучи принцем царской крови, В. И. Шуйский имел на престол несомненные права, которые за ним признавали как в России, так и за рубежом. Вместе с тем он не чувствовал себя крепко сидящим на троне. Прекрасно сознавая, что далеко не все боярство считало его достойным престола, Шуйский не случайно отказался от созыва Земского Собора, а был, по выражению тех времен, «выкрикнут» царем на Красной площади небольшим кругом своих сторонников. Вступая подчас в

противоречие с нормами и обычаями феодального права, Василий Иванович с какой-то лихорадочной поспешностью начал выискивать доказательства своих несомненных прав на царство и популяризовать их в народе. Сначала он ссылался на то, что его предки коленом старше предков московских царей, но затем решил принадлежать к одному колену с потомками Александра Невского, причисленного к лику святых, и, используя приведенные нами генеалогические ссылки Никоновской летописи от 1365 и других годов, стал утверждать свое происхождение от этого князя («иже бысть корени Александра Невского»).¹

Сразу по избрании на царство Шуйский в Успенском соборе дал клятвенную запись следующего содержания: «Мне, Великому Государю всякого человека, не осудя истинным судом с Бояры своими, смерти не предати, и вотчин и дворов и животов у братьи их и у жен и у детей не отнимати, будет которые с ними в мысли не были; также у гостей и у торговых людей и у черных людей, хотя который по суду и по сыску дойдет и до смертныя вины, и после их у жен и у детей дворов и лавок и животов не отымати, будет с ними они в той вине невинны; да и доводов ложных мне, Великому Государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи, чтоб в том православное христианство безвинно не гибли; а кто на кого солжет, и, сыскав того, казнити, смотря по вине его, что был взвел неподельно, тем сам осудится».²

Л. В. Черепнин так характеризует этот документ: «Конечно, запись Шуйского — не Великая Хартия вольностей (как считал Б. Н. Чичерин) Но это и не просто торжественный манифест (как считал С. Ф. Платонов). Царские обещания отвечали прежде всего интересам феодалов и имущих верхов посада. Оглашенные в Успенском соборе, они приобретали характер обязательств, якобы взятых на себя верховным правителем перед народом. Здесь было немало демагогии. Но если принять во внимание накаленную социальную обстановку в Москве, то станет ясно, что обращение Василия наряду с

¹ РИБ. Т. 13. 1925 («О конечном разорении». Л. 239).

² Сборник Государственных Грамот и Договоров (СГГД). Т. 2. 1819. С. 299

гостями и торговыми людьми к черным людям было вызвано политической предусмотрительностью, а в основе последней лежал страх перед „чернью”.³

Текст клятвы вошел в грамоты царя Василия, которые после его воцарения рассылались по городам. Но надежды, возлагаемые новым царем на этот документ, не оправдались. Для простого народа царь являлся помазанником божьим, по их мнению, только он мог вершить суд над подданными. В условиях жестокой феодальной эксплуатации народ в лице царя видел своего защитника от врагов — бояр и помещиков. А этот царь вместо того, чтобы являться грозой боярства, как Иван Грозный, заявляет о намерении вершить дела только после совета с боярами. Нужен ли такой царь народу? Господствующие сословия в обстановке смуты и начинающейся крестьянской войны нуждались в сильной власти, а обещания Шуйского противоречили ее сути. Да и вообще в сложившейся ситуации заверения нового царя были невыполнимыми. Его же поведение в действительности шло вразрез со всеми записанными клятвами и лишь подчеркивало ненадежность и лживость натуры Василия Ивановича.

Впервые Шуйский нарушил «запись», когда свел без церковного суда патриарха Игнатия, поставленного Самозванцем. Последнего схватили, пересели в черное платье и заточили в келье Чудова монастыря. Россия осталась без патриарха, и короновал Василий 1 июня 1606 г. новгородский митрополит Исидор.

С первых дней царствования Василия Шуйского мучила мысль, как бы царевич Дмитрий еще раз не «воскрес», тем более что убитый Самозванец сначала лежал на Лобном месте с бараньей маской на лице и где его затем похоронили, было неизвестно. В этой связи Шуйский поспешил послать в Углич представительную делегацию в составе митрополитов Ростовского Филарета и Астраханского Феодосия, а также князя Воротынского и бояр Петра Шереметева и Андрея и Григория Нагих с приказом привезти в Москву тело Дмитрия. По прибытии тела Василий взял гроб на плечи и внес его в Михайловский собор. Здесь же с матери Дмитрия, по ее слезным мольбам, было снято лже-

³ Черепнин Л. В. Земские Соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 155.

свидетельство в пользу Самозванца.⁴ Мощи царевича объявили чудотворной святыней. Согласно иноземным источникам, Шуйский после этого то ли предложил, то ли назначил Филарета Романова патриархом всея Руси, но вскоре между ними «пробежала кошка» и патриархом стал митрополит Казанский и Свияжский Гермоген.

Несмотря на все меры, принятые Шуйским против появления нового Лжедмитрия, самозванец все же появился, и обиженный Филарет стал патриархом в его лагере в Тушине под Москвой. Появлению нового Лжедмитрия в немалой степени способствовала политика, проводимая Василием Шуйским. Уже сразу после коронации, почувствовав себя более уверенно, он показал боярам, чего стоили все его клятвенные обещания. Новый царь не пожаловал ни одного боярского чина, а, напротив, начал сводить личные счета. Дворецкий, князь Рубец-Мосальский, был отстранен от должности и отправлен воеводой в Корелу или в Кексгольм. Михаила Нагого лишили звания конюшего; Афанасия Власьева, думного дьяка, сослали воеводой в Уфу; бояр Михаила Салтыкова и Богдана Бельского отправили, первого — воеводой в Ивангород, второго — в Казань.

25 июня 1606 г. произошло событие, ставшее новым испытанием для Шуйского. В этот день на Красной площади собрался народ, взбудораженный слухами, что царь хочет с ними говорить. В эти бурные дни население Москвы было очень податливо на любые слухи. Царь, шедший в церковь, велел узнать о причинах и зачинщиках волнений. Одновременно он стал упрекать сопровождавших его бояр в подстрекательстве черни, грозя отречением от престола. Людям приказали разойтись, но пятерых без разбора схватили и высекли плетью. В результате тщательного расследования участия в беспорядках представителей знати установили полную невиновность князя Ф. И. Мстиславского и Нагих и подвергли ссылке лишь псковского воеводу боярина Петра Шереметева, родственника Мстиславского и Романовых. Неприязнь могущественной клики Романовых к Шуйскому еще более возросла после отстранения от должности царского кравчего, их родственника —

⁴ Тихомиров М. Н. Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторический архив. Кн. VI. 1951. С. 109—110.

князя Ивана Черкасского. Князя Голицыны, Куракины и Воротынский, считавшие Василия своим ставленником, держали себя с ним независимо, почти вызывающе. По данным современников, в те дни бояре в Москве пользовались бóльшим влиянием, чем царь.

Как уже говорилось, в первые месяцы царствования Шуйского все его устремления были направлены на предотвращение появления нового самозванца. Спешка с ликвидацией и тайными похоронами Лжедмитрия вызвали подозрения даже у низов московского населения, весьма податливого в это время на любые провокационные слухи. Что же касается периферии, не бывшей свидетельницей гибели Самозванца, то там распускаемые врагами Шуйского слухи о втором чудесном спасении Дмитрия находили самую благоприятную почву. Шуйский же в своей борьбе с тенью Самозванца усердно рассылал по городам грамоты с разоблачениями «страдника, ведомого вора, богоотступника, еретика, росстриги Гришки Богданова сына Отрепьева»,⁵ со ссылками на показания самого сандомирского воеводы Юрия Мнишека, тестя Самозванца, и других поляков, рассказывавших о намерении Дмитрия принять католическую веру, перебить всех главных бояр во главе с Шуйскими, а самому Мнишеку отдать Новгород и Псков с пригородами и уездами, Смоленск и Северу, а польскому королю — «многую казну».⁶ Особое внимание в грамотах уделялось чудотворным свойствам мощей царевича Дмитрия, а также клятвам его матери в ложном признании своим сыном самозванца и ее просьбам о прощении.

Широко распространились также литературные творения вроде «извета» старца Валаама, который рассказывал, что был спутником Самозванца в период всех его походов в Литве, вплоть до выступления из Самбора на Москву. Но никакие пропагандистские ухищрения не могли помочь Шуйскому в той социально-политической обстановке, которая сложилась в стране. Стремясь укрепить свое положение в провинции, Шуйский провел массовую замену воевод по городам. Проводя эти мероприятия, он преследовал следующие цели: во-первых, отзыв ненадежных воевод из южных и северных городов, поддерживавших Лжедмитрия и, во-вторых,

⁵ Там же. С. 102—106.

⁶ Там же. С. 102—103.

удаление из Москвы представителей знати, находившихся в оппозиции к Шуйскому. Одновременно население всех городов приводилось к присяге на верность Шуйскому. (В оценке этих событий мнения русских и зарубежных историков расходятся. Данный вопрос обстоятельно рассмотрен в труде И. И. Смирнова «Восстание Болотникова» (С. 87—91).)

Зачинщиком новых волнений снова явился Путивль. Воеводой там был верный Василию князь Бахтеяров, но Шуйский, недовольный его слабостью и безынициативностью, отстранил князя, а на его место посадил ближайшего соратника Самозванца помилованного князя Григория Шаховского. Шуйский надеялся, что в благодарность за прощение Шаховской будет верно служить ему, но просчитался. Прибыв в Путивль и увидев «антишуйские» настроения населения, не забывшего милостей Лжедмитрия, Шаховской решил использовать благоприятную ситуацию. Созвав жителей города, он заявил, что в Москве был убит не Дмитрий, а какой-то немец, а царевич жив и скрывается, ожидая помощи друзей. Народ поверил, и город восстал. Вслед за Путивлем волнения вспыхнули в Ливне и Ельце, а за ними пламя борьбы охватило также всю территорию от Поля до Кром включительно, затем перекинулось в Заозкие, Украинные и Рязанские земли, т. е. во все районы, прежде поддерживавшие Лжедмитрия.

Однако по сравнению с 1605 г. обстановка в стране резко изменилась. Антибоярские настроения начали преобладать, а состав участников движения стал более демократичным. У народа появился новый предводитель в лице Ивана Исаевича Болотникова, бывшего боевого холопа-послужильца князя Андрея Телятевского. Он имел боевой опыт и оказался талантливым военачальником. Ядро армии Болотникова составили такие же, как он, беглые холопы-послужильцы, что придавало войску большую организованность и соответственно боеспособность. К нему стали примыкать в значительном количестве и беглые крестьяне. Но идеология этих масс в условиях феодального строя еще не могла приобрести никакого направления, кроме надежды на смену плохого царя хорошим. Под этим знаменем и разворачивается народное движение под руководством Болотникова. Целью движения был поход на Москву и свержение Василия Шуйского. Выйдя из Путивля, Болотников двинулся на Ка-

лугу и занял ее. Армия Василия Шуйского под командованием его братьев Ивана и Дмитрия попыталась отбить Калугу, но эта попытка закончилась неудачно, хотя войско Болотникова понесло большие потери. В сражении принял боевое крещение и племянник Василия Шуйского девятнадцатилетний князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, который показал себя на поле боя не только храбрым воином, но и весьма способным военачальником.

Собрав новую армию в количестве 180 тыс. человек, Шуйский снова ставит во главе ее Дмитрия и Ивана, а также М. В. Скопина-Шуйского. Авангард этой армии, возглавляемый князем Кольцовым-Масальским, вступил в бой с противником на реке Лопасне, но потерпел поражение. Тогда командование передается Скопину-Шуйскому с подчинением ему также отряда Кольцова-Масальского. В бою на реке Пахре молодой полководец наносит Болотникову тяжелое поражение. Своими успехами Скопин-Шуйский завоевывает популярность в войсках, но одновременно приобретает смертельного врага в лице своего дяди Дмитрия Шуйского, претендовавшего на звание лучшего полководца на Руси.

Поражение на Пахре несколько ослабило силы Болотникова, однако после того, как к нему примкнули рязанские дворяне во главе с Григорием Сумбуловым и Прокопием Ляпуновым, а затем веневские служилые люди, которыми командовал сотник Истома Пашков, войско вновь увеличилось, и после взятия Коломны, соединившись на Оке, восставшие подошли к Москве и стали лагерем в селе Коломенском и в Загорье.

Почувствовав слабость царя, на сторону Болотникова переходят Малый Ярославец, Боровск, Можайск, Руза, Волоколамск, Погорелое Городище, Ржева, Зубцов и Старица. Затем движение начинает распространяться и на народы Поволжья, на города Арзамас, Алтырь и Свияжск; осаде подвергся и Нижний Новгород. Лишь Север оставался верным царю Василию.

Еще не совсем осознавая всей серьезности обстановки, Шуйский посылает отряд под командованием князей Воротынского и Трубецкого под Елец и Кромь. Воротынскому на первых порах удалось рассеять неорганизованные силы мятежников Ельца, о чем он поспешил доложить царю. Но не успели еще прибыть

награды победителям, как Болотников обрушился на 5-тысячный отряд конницы Трубецкого, разметал его, тем самым вызвав панику и в отряде Воротынского, и оба воеводы, даже не решаясь возвратиться в Москву, уехали в свои вотчины.

Шуйский, видя, что сторонников становится все меньше и меньше, предпринимает еще один шаг, который, по его мнению, должен был примирить его с группировкой Годуновых, весьма сильных врагов. Василий снимает опалу с памяти Бориса и организует торжественное перенесение праха Годунова, его жены Марии и сына Федора из обители св. Варсонофия, где их похоронили без всяких почестей, в Троице-Сергиеву Лавру. Перенесение совершалось с большими почестями, пышностью и великолепием.

Одновременно Шуйский собирает новую армию. Несмотря на то, что отряд под командованием М. В. Скопина-Шуйского разбил отряд противника на берегах реки Пахры, основные силы царя под командованием князей Мстиславского, Дмитрия Шуйского, Воротынского, Голицыных потерпели сокрушительное поражение в селе Троицком, в 50 верстах от Москвы, и в панике бежали, оставив в руках противника множество пленных. Однако вскоре обстановка в лагере противника изменилась в пользу Шуйского.

«Прелестные письма» Болотникова в адрес крестьян и холопов носили настолько ярко выраженный антикрепостнический характер, что присоединившиеся к Болотникову дворяне стали сомневаться в правильности принятого ими решения. А Шуйский, в свою очередь, усердно распространял среди дворян воззвания, в которых склонял их к уходу из лагеря восставших, обещал полное прощение и царские милости. Но пока все оставалось по-прежнему: Болотников готовился к штурму Москвы, а Москва предпринимала последние усилия к организации обороны.

Оборона города должна была носить активный характер. Эта идея принадлежала, по всей видимости, все тому же юному полководцу М. В. Скопину-Шуйскому. Московское войско делилось на две части: первая группа, меньшая по численности, под начальством осадного воеводы, защищала городские укрепления изнутри. Во главе этой группы стояли окольный князь Д. В. Туренин и думный дьяк И. М. Пушкин, а над-

зирал за их деятельностью боярин князь И. И. Одоевский-Большой; вторая значительно большая по численности, являясь подвижной и находясь под командованием «вылазного воеводы», имела задачей организацию систематических вылазок против осаждающих город войск Болотникова. Эта часть войска, игравшая наиболее ответственную роль в обороне столицы, возглавлялась князем М. В. Скопиным-Шуйским. Насколько велико было значение этой группы, видно из состава помощников девятнадцатилетнего командующего, в подчинении которого находились князья А. В. Голицын и Б. И. Татев, а также дворцовые чины, стольники, стряпчие, московские дворяне, жильцы и т. д.⁷ Одновременно, за счет постепенно прибывающих подкреплений, шел процесс формирования новой армии под командованием И. И. Шуйского.

Опорными пунктами для организации систематических вылазок М. В. Скопин-Шуйский выбрал Данилов и Симонов монастыри. Эти вылазки имели очень большое значение, так как препятствовали полному окружению Москвы силами противника и обеспечивали возможность подвоза в столицу продовольствия и прибытия подкреплений с запада и севера страны.

Понимая, какое значение для противника имеет захват богатейшего подмосковного села Красного, лежащего на реке Яузе, Скопин-Шуйский сосредоточил на берегу реки основные силы своей группы и успешно отражал все атаки противника.⁸ Между тем подметные письма Шуйского, направляемые в лагерь Болотникова и обращенные к находившемуся в лагере дворянству, сделали свое дело. 15 ноября 1606 г. из лагеря к Шуйскому ушли Григорий Сумбулов и Прокопий Ляпунов со своими отрядами рязанских дворян. Это событие послужило переломным моментом в осаде Москвы. За рязанцами покинули лагерь московские стрельцы, изменившие Шуйскому во время взятия восставшими Коломны, а затем потянулись и другие люди. Лишь Истома Пашков со своими венеццами и каширцами оставался пока верен Болотникову.

Между тем Шуйский получает с севера России су-

⁷ Смирнов И. И. Восстание Болотникова. Л., 1949. С. 262—263.

⁸ Там же. С. 299.

шественное подкрепление в составе 400 двинских стрельцов. Значительно усилившись, царь Василий решает дать бой противнику. Сражение произошло 27 ноября и окончилось победой Шуйского. После этого поражения и Истома Пашков изменяет Болотникову и переходит на сторону Шуйского. Его уход нанес непоправимый удар делу восстания.

В это время в Москву прибывают смоленские и ржевские полки. Их беспрепятственный проход обеспечивался полком М. В. Скопина-Шуйского, который, став у Данилова монастыря и пропустив полки, дал им возможность отдохнуть и подготовиться к предстоящему бою, а затем включил в свою армию смольнян, а также части, остававшиеся в Москве в период осады. С этой вновь сформированной армией Скопин-Шуйский выступил в поход на противника. 2 декабря 1606 г. у деревни Котлы был дан бой, закончившийся полной победой армии Шуйского. Выбив противника из деревни, победители продолжали гнать его до села Коломенского, где сражение продолжалось еще три дня. Однако после того, как Скопин-Шуйский в ходе боя применил раскаленные ядра, Болотников оставил свои позиции и отступил к Загорью.

Казачи, оставшиеся под командой атамана Беззубцева, огородили свой табор тремя рядами тесно связанных саней, залитых водой и обледеневших, но и это не остановило осаждавших. Тогда Беззубцев предложил сдачу при условии сохранения жизни всему его отряду. Скопин, не желая лишних, ненужных потерь, принял эти условия, и казаки сдались.⁹ 5 декабря Василий Шуйский специальными грамотами известил города России о победе над Болотниковым, а девятнадцатилетнему воеводе М. В. Скопину-Шуйскому пожаловал чин боярина.¹⁰

Болотников с остатком войск ушел к Серпухову, но жители не впустили его, и он обосновался в Калуге. В погоню за Болотниковым было послано войско, которое возглавил Дмитрий Шуйский, мечтавший захватить самого Болотникова и тем самым взять реванш над ненавистным племянником (полк последнего оставался в Москве). Но Болотников уже успел получить под-

⁹ Там же. С. 313.

¹⁰ Древняя Российская вивлиофика. Т. XX. С. 81—82.

крепление из южных городов и неожиданно ударил одновременно и с фронта, и с тыла по армии Дмитрия Шуйского, уверенного в скорой и легкой победе и поэтому не ожидавшего нападения. В этом сражении Шуйский потерял около 14 тыс. человек и едва успел ретироваться в Серпухов, где потерпел второе поражение и с позором бежал в Москву. Тогда под Калугу было послано войско во главе с Иваном Шуйским, но и оно, просидев под городом целый месяц, не добилося успеха. Теперь под Калугой встало новое, не подчинявшееся И. И. Шуйскому, подкрепление во главе с князьями Мстиславским и М. В. Скопиным-Шуйским. Понимая, что прямым штурмом Калуги не взять, Скопин-Шуйский решил применить новый маневр. Поскольку калужский кремль-«острог» был деревянный, он решил его поджечь при помощи «подмета». Под прикрытием передвижных «туров» осаждающие двигали перед собой дровяной вал, рассчитывая окружить им деревянный острог и поджечь. Однако Болотников не только разгадал намерения Скопина, но и использовал маневр противника против него самого. Он тайно вывел подкоп за стены города и заложил бочки с порохом с таким расчетом, что когда нападающие подошли к намеченным Болотниковым точкам, произошел взрыв, разметавший не только дровяную гору, но и все орудия передвижения («туры») вместе с людьми. В лагере нападающих начался переполох.¹¹

Войска Шуйского простояли под Калугой, блокируя ее целых три месяца и пресекая всякую возможность получения Болотниковым помощи со стороны, тем более что желающие помочь были — периферия продолжала кипеть. Вскоре в Туле появился новоявленный царевич Петр, выдававший себя за сына царя Федора Иоанновича, т. е. за внука Ивана Грозного. С ним прибыл матерый враг Василия Шуйского — князь Григорий Шаховской с 30-тысячным отрядом казаков. Из Венева на помощь Болотникову пытался пробиться отряд под командованием мятежного князя Телятевского, но не дошел до места назначения, так как на реке Вырке его наголову разбил князь М. В. Скопин-Шуйский.¹² Вторая круп-

¹¹ Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 331—332.

¹² И. И. Смирнов оспаривает сообщение источника («Иное Сказание») об участии в этом бою Скопина, ссылаясь на то, что он в это время находился под Калугой (с. 374). Но этот аргумент

ная победа над восставшими была одержана под Серебряными прудами почти одновременно с победой на Вырке.

Эти две победы улучшили настроенные московского населения, создав тем самым благоприятную обстановку в дальнейшей борьбе с восстанием. В частности, теперь можно было выделить значительные силы и против Тулы, где сидел «царевич Петр» с казаками. В Тулу направился отряд во главе с князем Воротынским, а в Дедилов — во главе с князем Хилковым. Но оба воеводы потерпели поражение. Положение Василия Шуйского снова ухудшилось. Из Тулы на помощь осажденному в Калуге Болотникову вышел большой отряд под командованием все того же князя Андрея Телятевского и состоявший в основном из казаков.

Битва произошла на реке Пчельне недалеко от Калуги, и царские войска были наголову разбиты. В ходе боя многие казаки, входившие в состав армии Василия Шуйского, перешли на сторону восставших, что дало возможность Болотникову сделать вылазку навстречу Телятевскому. В рядах царской армии началась паника, и она в полном беспорядке, теряя оружие, отступила от Калуги. Болотников решил не оставаться в Калуге, охваченной голодом, а перешел в Тулу, соединившись с «царевичем Петром».

Всю зиму и весну 1607 г. Шуйский собирал силы. Была объявлена большая «посоха» (с каждой сохи по 6 человек) с северных уездов и волостей, из Казани прибыл отряд татар. Василий Шуйский направил Мстиславского и Скопина к Калуге, Воротынского к Туле, Хилкова к Веневу, Измайлова к Козельску, Хованского к Михайлову, Шереметева к Астрахани, Пушкина к Арзамасу, блокировав тем самым пути, по которым восставшие могли получить пополнения. Сам же Василий со своим полком оставался в Москве. Для благословения воинов «на великое земское дело» был вызван из Старицы бывший первый патриарх русской церкви престарелый Иов.

В царской каптане, подбитой соболями, в сопровождении большой свиты Иов прибыл в Москву, и поскольку по старости читать свою «Прощальную грамоту» он

трудно признать убедительным, так как конный полк Скопина был лишь частью армии, осаждавшей Калугу и мог безболезненно на время покинуть лагерь, чтобы встретить отряд Телятевского.

уже не мог, ее зачитал патриарший дьякон. В грамоте особо подчеркивались заслуги «воистину свята и праведна Царя и Великого князя Василия Ивановича всея Руси» в разоблачении Самозванца и борьбе с ним, а также провозглашалось прощение всем православным христианам в совершенных ими преступлениях в период царствования Самозванца.¹³ На обратной дороге Иов, едва успев доехать до Старицы, скончался.

Осада Тулы продолжалась 4 месяца. Борьба с повстанцами на периферии шла с переменным успехом: Измайлову и Пушкину сначала удалось освободить от осады Нижний Новгород, а также усмирить Арзамас, Алатырь и Свияжск с уездами, но близ Деилова они были разбиты Телятевским и отступили к Кашире. Шереметев неудачно штурмовал Астрахань.

Собрав под свои знамена достаточно крупные силы, Шуйский решил лично возглавить военные действия. Оставив Москву на брата Дмитрия и князей Одоевского и Трубецкого, он 21 мая 1607 г. сел на коня и выступил в поход. Двигаясь к Туле, Шуйский послал князей Голицына, Лыкова и с ними Прокопия Ляпунова к Кашире. «Царевич Петр» бросил им наперерез отряд во главе с князем Телятевским. Произошла ожесточенная битва, в которой повстанцы были наголову разбиты и ушли в Тулу, оставив победителям знамена, пушки и обоз. Окрыленный этим успехом, Шуйский двинулся к Туле, по пути освободив Алексин, но в семи верстах от города натолкнулся на сильный отряд противника, засевший в лесу между топами на речке Вороньей. Мятежники упорно сопротивлялись наступавшему на них полку князя М. В. Скопина-Шуйского, но талантливый полководец зашел им в тыл, часть его воинов на плечах бегущего противника ворвалась в город, но там их ждала смерть, так как воеводы без царского приказа не решились на общий приступ. Тула была обложена кругом, на реке Упе расставили тяжелые орудия. Шуйский расположился в трех верстах от города. Повстанцы бились насмерть, совершая по четыре вылазки в сутки.

Пока шла осада Тулы, Василий разослал воинские отряды во все восставшие местности. По его повелению

¹³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XII. СПб., 1892. С. 32. Прим. С. 106—110.

«татаром и черемисе велено Украинных и Северских городов и уездов всяких людей воевать и в полон имать и живот их грабить за их измену и за воровство, что они воровали, против Московского государства стояли и царя Василия людей побивали».¹⁴ Воеводы царя Василия и он сам осуждали на казнь сразу тысячи военнопленных, поэтому сидящие в осажденной Туле 20 тыс. человек предпочитали сдаче в плен смерть. А в это время у Шуйского появился новый страшный враг. На юго-западе, в Стародубе, объявился еще один самозванец, провозгласивший себя Дмитрием, спасшимся от гибели. Он сразу же нашел поддержку со стороны Польши и казачества, объединившегося под командованием Ивана Мартиновича Заруцкого.

Шуйский, узнав о появлении очередного Лжедмитрия, направил к южной границе отряд под командованием князя Литвина-Масальского и Третьяка-Сеитова. Первый стал у Козельска, второй занял Лихвин, Белев и Болхов. Не имея возможности удержать Брянск, воеводы сожгли город. Положение Василия стало очень трудным, но его спасла находчивость сына боярского Сумина Кровкова, предложившего перекрыть плотиной реку Упу, на которой стояла Тула, и затопить город. Вода залила острог, улицы и дворы. Положение осажденных было безвыходным. Жители толпами выбегали из города и сдавались москвичам. Наконец, главные вожди повстанцев — Шаховской, Телятевский и Болотников — согласились сдать Тулу и выдать «царевича Петра» на условии помилования. Василий Шуйский, зная, что новый Лжедмитрий уже движется к Москве, согласился, и 10 октября 1607 г. воевода Колычев вступил в Тулу и захватил «царевича». Его повесили на Серпуховской дороге около Данилова монастыря. Болотникова, атамана Нагибу и несколько особенно видных мятежников сослали в Каргополь и там тайно утопили. Князя Шаховского сослали в Каменную Пустыню Кубенского озера, а князя Андрея Телятевского, боясь его именитых родственников, полностью помиловали.

Василий, оставив небольшой отряд под Брянском, а черемисскую и татарскую конницу в Северной земле, сам пышным поездом в сопровождении двух тысяч

¹⁴ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в XVI—XVII вв. СПб., 1910. С. 323.

всадников направился в Москву, где был встречен патриархом, произнесшим торжественную речь, и жителями города. Три дня во всех храмах служили благодарственные молебны, а сам Василий пять дней молился в Троице-Сергиевой Лавре.

В ходе непрерывной войны с мятежниками Василий не оставлял без внимания и внутригосударственные дела, стремясь укрепить свое положение на престоле. В феврале 1607 г. в Москве проходил Земский Собор, на котором состоялась церемония «прощения» и «разрешения» народа от клятв и присяги Лжедмитрию от имени двух патриархов: бывшего — Иова и настоящего — Гермогена.¹⁵ В марте 1607 г. были изданы два указа, относящиеся к судьбе холопов и беглых крестьян. Первый указ 7 марта касался одной из категорий холопства — добровольных холопов. Историки единодушно связывают появление этого указа с политикой Шуйского, направленной на раскол лагеря крестьян и холопов, участвовавших в движении, возглавлявшемся Болотниковым. Указ запрещал землевладельцам насильно удерживать у себя людей, служивших у них добровольно. Но последующий ход событий показал, что «указ 7 марта 1607 г. являлся скорее политической декларацией, преследующей демагогические цели пропагандистского характера, чем программой, рассчитанной на практическое воплощение».¹⁶

Через два дня, 9 марта, состоялось торжественное заседание Освященного Собора с Боярской Думой, посвященное беглым крестьянам. Решением Собора был установлен 15-летний срок сыска беглых крестьян их владельцами. Уездной администрации вменялось в обязанность разыскивать и возвращать владельцам беглых крестьян, а те, кто их держал, не только возмещали убытки прежнему владельцу, но еще и платили штраф в размере 10 рублей в пользу правительства. Тем самым соборное решение установило «твердое начало крестьянской крепости».¹⁷ Но этими, противоречившими одна другой, мерами царь Василий, по выражению В. О. Ключевского, «обеими руками сеял общественную смуту, одним указом усилив прикрепление крестьян, а

¹⁵ Черепнин Л. В. Земские соборы... С. 156—157.

¹⁶ Панеях В. М. Холопство в XVI—начале XVII века. Л., 1975. С. 232, 235.

¹⁷ Платонов С. Ф. Очерки... С. 332.

другим — стеснив господскую власть над холопами».¹⁸

В том же 1607 г. было проведено важное мероприятие в деле организации военного дела по иноземному образцу. «Устав ратных, пушкарских и других дел» с немецкого и латинского языков перевели на русский, чтобы «Россияне знали все новые хитрости воинские, коими хвалятся Италия, Франция, Испания, Австрия, Голландия, Англия, Литва, и могли не только силе силой, но и смыслу смыслом противиться с успехом в такое время, когда ум человеческий всего более вперен в науку, необходимую для благосостояния и славы Государств: в науку побеждать врагов и хранить целость земли своей».¹⁹

Есть все основания думать, что инициатором перевода этого документа являлся не царь Василий, который никогда не выказывал большого интереса к военной науке, предпочитая дворцовые интриги, а молодой полководец М. В. Скопин-Шуйский. С самых юных лет Скопин-Шуйский страстно любил военное дело и, всегда проявляя большой интерес к военной науке, лично занимался обучением русских воинов боевым действиям по европейской системе.

Василий же после победы над Болотниковым почувствовав себя более крепко сидящим на царском престоле, решил, наконец, осуществить свою давнюю мечту — жениться после пятнадцатилетнего вынужденного, в связи с запрещением Бориса, вдовства и 17 января 1608 г. обвенчался с княжной Марией Буйносовой-Ростовской. Одновременно состоялась и свадьба М. В. Скопина-Шуйского с Александрой Головиной, дочерью казначея Василия Головина. Назначение свадьбы Скопина одновременно с царской явилось как бы выражением особого благоволения царя по отношению к племяннику. Как рассказывает Псковская летопись, после долгого вдовства Василий с таким увлечением предавался радостям семейной жизни с молодой женой, что почти совсем забросил военные и государственные дела.

Между тем обстановка в провинциях продолжала

¹⁸ Ключевский В. О. Сочинения. Т. III. М., 1957. С. 57.

¹⁹ Старинный военный устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки царей и великих князей В. И. Шуйского и Михаила Федоровича в 1607 и 1621 гг., выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым. СПб., 1777, Кн. 1; 1781 Кн. 2.

осложняться. Армия Лжедмитрия II росла: кроме примкнувших к нему польских отрядов беглого авантюриста Лисовского и армии коронного гетмана Яна Сапеги, также примкнувшего к самозванцу с санкции самого польского короля Сигизмунда, в лагерь Лжедмитрия отовсюду стекались искатели приключений и легкой добычи; к войску прибывались и остатки избежавших плена отрядов Болотникова. Среди казаков особенной популярностью пользовался Иван Мартинович Заруцкий, слышавший не только самым храбрым и умным, но и самым красивым из вождей казачьих отрядов. Недаром гордая и честолюбивая Марина Мнишек после гибели Лжедмитрия II решила связать свою судьбу с Иваном Заруцким, также не устоявшим перед прелестями вдовы двух русских лжецарей.

В результате политической близорукости Шуйского на стороне Лжедмитрия оказался и другой предводитель казачества — Митька Беззубцев. Ранее он примыкал к Болотникову, но 2 декабря 1606 г. вместе с Истомой Пашковым сдался Шуйскому и получил прощение. Царь настолько поверил в его искренность, что послал во главе отряда в Калугу, однако Беззубцев со всеми своими воинами перешел к самозванцу. Последний занял Орел, перезимовал там, получив за это время значительные подкрепления как со стороны местного населения, так и из Польши — в лице князей Рожинского и Вишневецкого с 2—3 тыс. конницы.

А Василий Шуйский вновь допускает большую ошибку: собрав 70-тысячную армию, он поставил во главе ее не талантливое племянника М. В. Скопина-Шуйского и не отличившегося в предшествующих боях князя Куракина, а своего любимца — брата Дмитрия, до сих пор прославившегося лишь позорными поражениями во всех битвах, в которых он принимал участие. Дмитрий же, ненавидевший Скопина, не взял его даже на роль второстепенного воеводы. Самовлюбленный и чванливый, он не хотел слушать ничьих советов. Армия стояла в Болхове до весны, а в это время противник готовился к боям. Рыскавшему в окрестностях Орла Лисовскому удалось под Зарайском наголову разбить отряд князя Хованского. От Дмитрия Шуйского требовали выступления, и, наконец, 30 апреля 1608 г. он выступил и в 10 верстах от Болхова столкнулся с самозванцем. Бой продолжался только 2 дня. Князь Голицын, коман-

довавший авангардом и известный своими поражениями и изменами, не выдержал первого удара противника и позорно бежал. Лишь усилиями храброго Куракина удалось сдержать прорыв противника. Ночь прошла спокойно, но бездарный и трусливый полководец Дмитрий Шуйский приказал оттянуть тяжелые пушки назад к Болхову из-за боязни потерять их. Лжедмитрий узнал о действиях Шуйского от перебежчика и всеми силами обрушился на противника. Разгром был полный. Самозванец взял Болхов, 5 тысячный гарнизон города сдался и перешел на службу к Лжедмитрию, еще более укрепив его силы, однако вскоре болховцы снова вернулись в Москву, объяснив свою временную измену минутным страхом. После столь позорного поражения полководческая звезда Дмитрия Шуйского надолго закатилась.

Глава XVI

М. В. СКОПИН-ШУЙСКИЙ — НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ И НАДЕЖДА РОССИИ

В. И. Шуйский после поражения в апреле 1608 г. оценил, наконец, по достоинству блестящий полководческий талант и организаторские способности М. В. Скопина-Шуйского и поручил ему возглавить командование новой армией. Войско расположилось на реке Незнани, между Подольском и Звенигородом. Вскоре стало известно: Самозванец идет другой дорогой, в обход через Можайск. Узнав об этом, князья Катырев-Ростовский, Трубецкой и Троекуров стали предлагать своим войскам сдаться Самозванцу. Заговор удалось раскрыть, виновных отправили в ссылку, а армия получила приказ отойти к Москве. Путь Лжедмитрию был открыт, и он без боев пришел под Москву и стал лагерем в селе Тушине, где стоял так долго, что получил в народе имя «Тушинский вор». В это время соратники самозванца рыскали по всей стране, грабя всех и вся. Они стремились также блокировать все подходы к Москве и взять город измором и голодом.

В этой обстановке Василий Шуйский предпринимает дипломатический шаг, который должен был лишить Лже-

дмитрия поддержки со стороны Польши. В России оставалось в плену и в ссылке еще много знатных поляков, захваченных во время свержения Лжедмитрия I. Среди них находилась и «царица» Марина Мнишек и ее отец, а также послы Олесницкий, Гонсевский и другие знатные лица. Король Сигизмунд уже давно предлагал Василию начать переговоры об условиях возвращения этих людей на родину. В результате переговоров 25 июля 1608 г. был заключен следующий договор: «1) В течение трех лет и одиннадцати месяцев не быть войне между Россией и Литвой. 2) В сие время условиться о вечном мире или двадцатилетнем перемирии. 3) Обоим Государствам владеть, чем владеют. 4) Царю не помогать врагам Королевским, Королю врагам Царя, ни людьми, ни деньгами. 5) Воеводу Сендомирского с дочерью и всех Ляхов освободить и дать им нужное для путешествия до границы. 6) Князьям Рожинскому, Вишневецкому и другим Ляхам, без ведома Королевского вступившим в службу к злодею, второму Лжедмитрию, немедленно оставить его, и впредь не приставать к бродягам, которые вздумают именовать себя Царевичами Российскими. 7) Воеводе Сендомирскому не называть сего нового обманщика своим зятем и не выдавать за него дочери. 8) Марине не именоваться и не писаться Московской Царицей».¹

Василий выполнил условия договора, в его силу поверило и население Москвы. Рожинский же, напротив, воспользовавшись тем, что москвичи несколько успокоились и ослабили бдительность, ночью внезапно ударил по Ходынскому стану, захватил обоз и пушки и гнал бегущих в панике москвичей до самой Пресни. Лишь срочно брошенному на помощь царскому полку удалось отбросить врага обратно до Ходынки.²

А польско-литовское войско в Тушине получило сильное подкрепление в семь тысяч всадников под командованием усвятского старосты, гетмана Яна Сапеги. Еще более пополнив свои силы, насчитывавшие уже почти 15 тыс. человек, гетман решил на свой страх и риск двинуться на Троице-Сергиеву Лавру, прельстившись слухами о ее несметных богатствах. В то же время Лисовский со своим 30-тысячным отрядом захватил Ко-

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XII. СПб., 1892. С. 55.

² Там же. С. 56. Прим. 206.

ломну и двинулся на Москву, но, натолкнувшись на войско князей Куракина и Лыкова, направленное против него Василием, в тяжелом бою потерпел полное поражение и вернулся в Тушино. Посланное в погоню за Сапегой войско под командованием Ивана Шуйского и Ромодановского на первых порах одержало небольшую победу, однако, не выдержав отчаянного удара польской конницы, дрогнуло и бросилось в паническое бегство, хотя численностью вдвое превышало силы противника.

В то же время отряд Самозванца, посланный из Тушина, захватил поезд, в котором возвращались в Польшу Марина и ее отец. 1 сентября 1608 г. Марина Мнишек торжественно въехала в Тушино, где состоялась ее нежная встреча с «чудом спасшимся мужем». Это значительно укрепило веру простого народа в подлинность «царевича». Воспользовавшись этим, к нему из Москвы перебежали многие недовольные правлением Шуйского дворяне и среди них такие знатные, как князья Дм. Трубецкой, Черкасский, Сицкий, Засекины, Бутурлин и другие, что, в свою очередь, поднимало престиж Самозванца и подрывало авторитет Шуйского. В такой обстановке Василий решает обратиться за помощью к державам Запада и, в частности, к смертельному врагу польско-литовского короля Сигизмунда — королю Швеции Карлу IX. На роль посла царь выбирает завоевавшего популярность не только в России, но и на Западе разумного и грамотного племянника М. В. Скопина-Шуйского.

Миссия последнего была очень трудной. Перед Скопиным стояли две задачи: собрать русское войско из оставшихся верными Шуйскому новгородцев и жителей северных районов и заключить договор со Швецией о предоставлении в распоряжение Шуйского наемных иноземных войск. Уже само по себе решение первой задачи оказалось далеко не легким. Если Новгород относился к Шуйскому лояльно, то этого нельзя было сказать о Пскове. Недовольные насилем московских наместников и воевод псковичи уже 2 сентября 1608 г. открыли ворота тушинскому воеводе Ф. Плещееву. Ивангород также присягнул Самозванцу. В самом Новгороде обстановка оставалась ненадежной и Скопин решил перейти в Орешек, но жители города не впустили его. Помощь пришла со стороны Новгородского митрополита Исидора, уговорившего новгородцев вернуть Скопина,

после чего за ним была послана почетная депутация. Вернувшись в город, Скопин-Шуйский сумел заключить с королевским секретарем Мартензоном условие, по которому Швеция предоставляла 5-тысячный вспомогательный отряд за 100 тыс. ефимков (140 тыс. рублей серебром) в месяц.

Между тем, узнав о миссии Скопина-Шуйского, Лжедмитрий выслал к Новгороду казачий отряд Кернозицкого. Скопин принимает решение послать навстречу противнику отряд под командованием новгородского воеводы Татищева, однако его предупредили, что Татищев хочет переметнуться к Самозванцу. Когда об этом узнали от Скопина его ратные люди, они убили Татищева. Кернозицкий же, получив сообщение о сборе большого войска под Грузином, ушел обратно.³

М. В. Скопин-Шуйский, собирая силы, задержался в Новгороде до мая 1609 г. Что же творилось в это время в центре страны? Город за городом сдавались Лжедмитрию. Сапега, не сумев, несмотря на все усилия, одолеть героических защитников Троице-Сергиевой Лавры, занял Суздаль. Переславль-Залесский сам сдался Сапеге, и жители города помогли полякам взять Ростов, где был захвачен и отвезен в Тушино митрополит Филарет Романов. Самозванец принял его с почетом и провозгласил патриархом всея Руси. Теперь в России на двух царей приходилось два патриарха. Затем Лжедмитрию сдались Владимир, Углич, Кострома, Галич, Вологда и другие, были взяты Шуя, Кинешма, Тверь, Белозерск, Ярославль. За Шуйским оставались лишь Москва, Лавра, Коломна, Переславль-Рязанский, Смоленск, Новгород, Нижний Новгород, Саратов, Казань и города Сибири. И наконец, Польское правительство, используя благоприятную ситуацию, расторгло договор 25 июля 1608 г. и объявило войну России. Сам король Сигизмунд во главе армии выступил к Смоленску.

Тем временем князь М. В. Скопин-Шуйский энергично развивал свою дипломатическую деятельность. К 28 февраля 1609 г. был оформлен договор со шведским правительством, по которому Россия отказывалась от всяких прав на Ливонию и уступала Швеции Корелу с уездом. Швеция, в свою очередь, обязыва-

³ Иконников В. С. Князь М. В. Скопин-Шуйский: Критико-биографический очерк. СПб., 1875. С. 28—29.

лась выставить на помощь Шуйскому 2 тыс. конницы и 3 тыс. пехоты, а также неопределенное количество волонтеров.⁴ 14 апреля 1609 г. в Новгород⁵ прибыла шведская рать, состоявшая из 12 тыс. человек, под командованием Якова Понтуса Делагарди, Аксель Курка, Андрея Бойе, Еверта Горна и Христиерна Зомме.

Однако задача Скопина заключалась не только в привлечении иноземных наемников, но и в мобилизации людей, населявших северные регионы Руси. Насколько широки были права Скопина-Шуйского, можно судить и по его распорядительной деятельности в вопросах земельных пожалований, которые в обычное время являлись прерогативой лишь царской власти. Сохранились документы, свидетельствующие о его самостоятельных действиях в решении поместных дел. Так, в 1609 г. Скопин выделил девке Оксиньце Мякиной прожиток из поместья ее отца, убитого тушинцами.⁶

Скопин из Новгорода, через Вологду и Каргополь, держал постоянную связь со всеми северными землями Руси, вплоть до Соловков, отовсюду получая денежную помощь. При помощи грамот он сообщал во все города сведения о ходе переговоров со шведами и о подготовке похода против Тушина. Он же помогал городам, не признававшим «вора», вооружением и людьми, а также посылал им инструкции о способах борьбы с врагом.

Таким образом, Новгород заменил Москву в качестве центра, организующего всю борьбу с Самозванцем и интервентами, а сам Скопин-Шуйский становился в глазах народа не только военным вождем, но и главным представителем верховной власти в государстве. Его «писания» имели силу указов, которым повиновались не только городские миры, но и государевы воеводы и наместники по городам. По «отпискам» Скопина местные власти собирали ратных людей и готовы были в любой момент направить их «в свод», где «велит быти государев боярин и воевода князь М. В. Шуйский».⁷

Так же, как Вологда выполняла роль посредника между центром и Поморьем, Великий Устюг являлся

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841. № 158, 159, 160, 189, 196.

⁶ К истории восстания Болотникова // Исторический архив № 2. 1956. Док. № 12. С. 136—137.

⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910. С. 370.

посредником между Северо-Востоком и остальным государством. Благодаря усилиям Скопина, к маю 1609 г. основные районы русского Севера и Заволжья были освобождены от хозяйничавших там «лисовчиков», как прозвал народ отряды Лисовского.

Когда шведская рать прибыла в Новгород, Скопин лично встретил генерала Делагарди с глубоким поклоном и охарактеризовал ему обстановку в стране. Скопин-Шуйский подарил Делагарди булатный хонжар и серебряную позолоченную узду. Статный, 22-летний юноша,⁸ громадного роста и колоссальной физической силы, зрелый не по летам не только телом, но и умом, сильный духом, опытный в военном деле, и в то же время приветливый в обхождении, буквально с первого взгляда покори́л шведских воинов-профессионалов, а 27-летний главнокомандующий Делагарди с первой встречи стал самым преданным другом Скопина.

10 мая 1609 г. М. В. Скопин-Шуйский вышел из Новгорода во главе отряда в 3 тыс. человек. По пути следования к Москве к нему начали присоединяться группы русских людей, уходившие из Тушина. В лучшую сторону для Василия Шуйского изменилась ситуация и на юго-востоке страны. Посланный еще в начале царствования Василия в Астрахань боярин Ф. И. Шереметев сумел собрать значительные силы из населения низовых городов и, перейдя в Нижний Новгород, прочно там укрепился. Больших успехов добились под Коломной и князя Прозоровский и Сукин, разбив отряд Хмелевского, а князь Д. М. Пожарский в селе Высоцком, в 30 верстах от Коломны, нанес противнику еще один сокрушительный удар, а затем взял большие трофеи. Восстали и жители Суздальского уезда, и в Лухе, и Дунилове — родовой вотчине Шуйских, разбили отряды тушинцев, которые бежали в Суздаль.

В это время отряд М. В. Скопина-Шуйского подошел к Волге и в июле 1609 г. взял Тверь. Оттуда, обходя главные силы Лжедмитрия, расположенные в Тушине, Дмитрове и около Троице-Сергиевой Лавры, он пошел к Ярославлю, где уже собирались заволжские дружины, готовясь к походу на Ростов. Остановившись

⁸ М. В. Скопин-Шуйский родился в ноябре 1587 г. (Иконников в В. С. Князь М. В. Скопин-Шуйский... С. 21).

в Калязином монастыре, в излуцине Волги, и укрепившись там, Скопин рассылает по всему Северу грамоты, требуя присылки в Калязин людей и денег. В августе в Калязин из Ярославля пришел отказавшийся пока от штурма Ростова воевода Вышеславцев с отрядом заволжских людей.

Значительно укрепив свои силы, Скопин в октябре занимает Переяславль-Залесский и Александровскую слободу, откуда не торопясь, с помощью «острожков» продвигается к Москве. По пути Скопин использует все возможности для обучения присоединившихся к нему крестьян и горожан умению вести бой с регулярными войсками. 11 ноября в Александровскую слободу для соединения со Скопиным прибыл Ф. И. Шереметев со своим войском.

Что же в это время делалось в Москве? Поскольку в государстве было два царя, один — в Москве, а другой — в Тушине, и каждый из них имел свой двор и своего патриарха, а вопрос о том, кто победит в борьбе оставался открытым, то московская знать, часть купечества и посадских людей старались использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах, перебегая из одного лагеря в другой, одни за чины и жалование, другие — извлекая большие прибыли от поставок товаров и провианта как тем, так и другим. Эти перебежчики получили прозвище «перелетов». Многие знатные семьи разделились пополам, извлекая выгоды из службы обоим правительствам. Наличие же «своих людей» в обоих лагерях гарантировало безопасность, так как в крайнем случае везде находились защитники со связями при дворе.

В этой обстановке полнейшего разброда и фактического безвластия в Москве, в боярско-дворянской среде, образовалась группировка, поставившая своей целью свержение Шуйского с престола. 17 февраля 1609 г. князь Роман Гагарин, воевода Григорий Сумбулов и дворянин Тимофей Грязной подняли тревогу, призвав народ на Лобное место, и силой привели туда патриарха Гермогена. К ним примкнул также боярин князь Голицын, давний соперник Василия Шуйского, рассчитывавший, видимо, использовать сложившуюся ситуацию в своих личных притязаниях на российский престол. Заговорщики обвиняли Шуйского в неспособности к управлению государством, в незаконном избрании и в том, что он —

главный виновник всех распрей и беспорядков, приведших страну на грань политической катастрофы.

Первым, кто выступил против переворота, оказался, естественно, патриарх Гермоген. Призывая к немедленному прекращению бунта, он покинул площадь и удалился в Кремль. Вся остальная московская знать, уже осведомленная о заключении договора со Швецией и о первых успехах М. В. Скопина-Шуйского, не явилась на площадь, тем самым поддержав Василия Шуйского. Трое заговорщиков и с ними еще около 300 горожан из страха перед расправой бежали в Тушино к Лжедмитрию. Однако вскоре после этого события по доносу воеводы Василия Бутурлина был раскрыт еще один заговор, во главе которого стоял боярин — дворецкий Крюк-Колычев. Его после пыток казнили на площади у Лобного места.

Таким образом, с заговорами боролись успешно, но в результате полной блокады Москвы в городе начал ощущаться недостаток в продуктах питания, вскоре перешедший в тяжелый голод, еще более усиливавшийся из-за спекуляции хлебом. На время Шуйскому удалось несколько смягчить положение, уговорив знаменитого организатора обороны Лавры — келаря Авраама Палицына — открыть житницы монастыря, что снизило хлебные цены сразу более чем вдвое (так велики были хлебные запасы этого крупнейшего из церковных феодалов Руси).

Обстановка в Москве несколько улучшилась. В это время из Тушина вернулся с повинной князь Роман Гагарин. Возвратиться его побудили не раскаяние в преступлении против царя Василия, а слухи, распространившиеся в окружении Самозванца, о соединении М. В. Скопина-Шуйского с пришедшими к нему шведами.

Необходимо отметить, что этому соединению предшествовали весьма неприятные события. Заняв Тверь, Делагарди под давлением своего войска, состоявшего из наемников, потребовал немедленной уплаты жалования и, кроме того, немедленной передачи шведам Корелы, которую всячески затягивал Шуйский, надеясь в случае победы над противниками избежать выполнения этого неприятного условия договора. М. В. Скопин с трудом собрал 4 тыс. рублей серебром и 5 тыс. — соболями; он также решил сдать Корелу, чем были очень недовольны Василий и его братья, впоследствии обвиняв-

шие племянника в необдуманности его поступка.⁹ Остальные недостающие средства Скопин получил от Соловецкого монастыря и от Перми.¹⁰

В первую очередь Скопину хотелось расплатиться с генералом Христиерном Зомме, который, все время находясь непосредственно в составе армии Скопина, регулярно занимался обучением русских воинов военному искусству по бельгийскому образцу. Зомме учил русских ополченцев, как действовать в бою копьем и мечом, делать рвы и окопы, передвигать орудия и вести атаку. У шведов Скопин заимствовал также устройство укреплений в виде башен («острожков»), обеспечивающих беспрепятственность вылазок и продвижения вперед, избегая столкновений с противником.¹¹ Эти факты еще раз подтверждают наше мнение, что инициатором перевода устава ратных дел был именно М. В. Скопин-Шуйский.

Соединившись с Делагарди, Скопин подошел к Александровской слободе. В бою под ее стенами тяжело ранили Христиерна Зомме, которого, к великому сожалению Скопина, пришлось отправить домой. Как бы в компенсацию этой потери в слободу прибыл новый отряд шведского войска в количестве 3 тыс. человек. Отброшенный от слободы Сапега был вынужден отступить к Лавре.¹² Сообщение об одержанной Скопиным победе произвело на население Москвы буквально магическое действие: все волнения мгновенно прекратились и положение Василия Шуйского значительно укрепилось. С другой стороны, эти успехи Скопина нанесли тяжелый удар по Тушинскому лагерю, в котором начался процесс разложения.

Скопин, не зная в каком положении находится Москва, не решился идти прямо к ней, считая свои силы недостаточными для штурма Тушинского лагеря. Поэтому он двинулся по берегу Волги обратно к Калязину, откуда мог держать связь с Ярославлем, являвшимся базой, питавшей его силы.

Осторожность Скопина объяснялась еще и тем, что в сентябре 1609 г. на юго-западе страны появился новый противник, несравненно более опасный, чем Тушин-

⁹ Акты исторические. Т. 2. № 189, 255, 257, 258; Карамзин Н. М. История... Т. XII. Прим. 406.

¹⁰ Иконников В. С. Князь М. В. Скопин-Шуйский... С. 132.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

ский вор. Этим противником был сам польский король Сигизмунд, решивший использовать сложившуюся на Руси ситуацию непосредственно в интересах захвата западнорусских земель. Он сам лично встал во главе прекрасно вооруженной и обученной армии. Расположившись на берегу Днепра, Сигизмунд направил жителям Смоленска послание, в котором говорилось, что он не имеет к ним никаких претензий, а хочет лишь освободить Россию и русских людей от всех неприятностей, которые им приходится переносить. Но смоленские воеводы — боярин Шеин и князь Горчаков, а также архиепископ Сергей наотрез отказались сдавать город полякам и отослали грамоту в Москву, одновременно прося о военной помощи. Все попытки поляков взять город штурмом кончались неудачами, армия Сигизмунда несла большие потери.

Приход поляков в Россию внес разлад в ряды войск, блокировавших Москву. Сапега, королевский гетман, колебался, не зная, как себя вести; оставаться ли под Москвой или возвращаться в армию Сигизмунда под Смоленск? Рожинский с товарищами объявили себя конфедератами и заявили, что не уступят королю завоеванных ими северских земель. Сигизмунд, не желая ссориться с единоплеменниками и терять подданных, направил посольство в Тушино с грамотой, адресованной царю Василию. В грамоте он пытался оправдать свое вторжение в пределы России и предлагал заключить мир на условиях, главным из которых было требование немедленного разрыва соглашения с Швецией. Одновременно Сигизмунд посылает патриарху, духовенству, дворянству и всем жителям Москвы грамоту с обещаниями прекратить все их бедствия, если они признают его верховную власть. В свою очередь, конфедераты, прослышав о больших силах, которые удалось собрать Скопину-Шуйскому, поостыли и стали сговорчивее. Трезво оценив ситуацию, они пошли на соглашение с Сигизмундом и отказались от поддержки Лжедмитрия.

Шуйский не только получил послание Сигизмунда, предназначенное ему лично, но и сумел перехватить грамоту, адресованную патриарху и народу. Послание он не удостоил ответом, а грамоту опубликовал всенародно; содержание последней вызвало всеобщее негодование и позиция Шуйского еще больше укрепилась.

Лжедмитрий, узнав от всегда пьяного пана Рожин-

ского об отходе из Тушинского лагеря польских отрядов, переодевшись в крестьянскую одежду, бежал. Среди оставленных им сторонников пошел слух, что его убили и бросили в реку. В результате вспыхнул бунт, но, узнав правду, одни стали требовать от Рожинского вернуть Дмитрия, другие бросились вслед за Самозванцем, третьи, видя распад лагеря, побежали в Москву, некоторые из них пристали к конфедератам.

Скоро стало известно, что Самозванец остановился в Калуге, где еще была сильна память о Болотникове. Туда к нему прибыл мятежный князь Григорий Шиховской с казаками; кроме того Лжедмитрию еще оставались верны Тула, Перемышль и Козельск. Из Калуги он посылал тайные грамоты в Тушино, обещая скоро вернуться. 6 января 1610 г. весь Тушинский лагерь снялся с места и перешел к Волоколамску. Примкнувшие к конфедератам русские люди, преимущественно из числа московской знати, завели переговоры с Сигизмундом о том, чтобы он отпустил на московский престол своего сына Владислава.

Реально оценив ситуацию, Скопин-Шуйский счел возможным двинуться на Москву. Однако к этому времени в отношении к нему со стороны царя Василия, как и всей семьи Шуйских, произошли значительные перемены. Причиной тому была слишком большая популярность, которую приобрел молодой полководец во всех слоях русского общества. Неприязнь Василия и ненависть Дмитрия Шуйских еще более обострились в связи с инцидентом, происшедшим в Александровской слободе накануне похода Скопина на Москву. Сам он, судя по всему, не обратил достаточно серьезного внимания на возможные последствия этого эпизода, но у царя Василия, узнавшего о происшедшем в слободе, засела в мозгу крепкая заноза. Но еще сильнее чувствовал себя задетым Дмитрий Шуйский, лелеявший мечту занять царский престол после смерти старого и сильно одряхлевшего брата, у которого не было сыновей, а две дочери которого умерли в младенчестве. Сильную ненависть к Скопину испытывала и жена Дмитрия, вторая дочь Малюты Скуратова, судя по всему, жившая мечтой повторить успех старшей сестры — жены Бориса Годунова (в ее планы, конечно, не входил трагический финал последней).

В чем же заключался этот инцидент, приведший

вскоре к самым роковым последствиям? А дело было вот в чем: к Скопину в слободу явились посланники из Рязани от Прокопия Ляпунова, через которых последний всячески поносил царя Василия и его правление, указывая на его абсолютную непопулярность в народе. Самого же Скопина Ляпунов восхвалял, говоря о всенародной любви к молодому полководцу, называя его не князем, а царем и предлагая свою помощь в занятии царского престола. По словам летописцев, Скопин, даже не дочитав послания, изорвал его и пригрозил посланникам Ляпунова отправить их в Москву и сдать в руки царя Василия. Те бросились на колени и умоляли о прощении, утверждая, что они не виноваты и Ляпунов силой заставил их ехать к Скопину. Скопин-Шуйский пожалел их и отпустил домой, ничего не сообщив о случившемся царю.

Но в окружении Скопина постоянно находились соглядатаи Василия, которые сразу же донесли ему о происшедшем в слободе. Шуйский, крайне подозрительный по природе, да и к тому же не вполне уверенный в законности своего царствования, знал о популярности племянника в народе. Он, видимо, поверил в коварство Скопина, умолчавшего о случившемся, тем более что его настроения всячески подогревали братья, давно завидовавшие юному полководцу.

Чем же объяснить поведение Скопина, и в частности то, что он скрыл от Василия поступок Ляпунова? Карамзин так объясняет подобное поведение: «Князь Михаил служил Царю и Царству по закону и совести, без всяких намерений властолюбия, в невинной смиренной душе едва ли пленяясь и славой». А послов Ляпунова он отпустил «мирно возвратиться в Рязань, надеясь, может быть, образумить ее дерзкого воеводу и сохранить в нем знаменитого слугу для отечества».¹³

Представляется, что Скопин под пером Карамзина выглядит каким-то сахарным пасхальным ангелочком. Вряд ли «невинный юноша со смиренной душой», совершенно равнодушный к славе и воинским подвигам, мог завоевать такую любовь, граничащую с поклонением, не только у русских воинов, но и у закаленных в битвах наемных, профессиональных солдат западноевропейских армий и их прославленного полководца. Все

¹³ Карамзин Н. М. История... Т. XII. С. 109.

действия Скопина, начиная с первого сражения в возрасте 17 лет и до конца жизни, говорят о его горячей любви к воинским подвигам и славе, а суровая расправа в Новгороде с Татищевым отнюдь не свидетельствует о смиренности души и слабости характера полководца. Неубедительны, на наш взгляд, и рассуждения Карамзина о причинах умолчания Скопина о поступке Ляпунова, якобы продиктованном желанием сохранить отечеству верного слугу. Все поведение Ляпунова до приведенного случая и позднее, вплоть до его гибели в ссоре с казаками, отнюдь не является свидетельством его политической надежности. Напротив, Ляпунов имел склонность к политическим интригам, занимаясь которыми, всегда преследовал личный интерес, мало думая при этом об Отечестве.

На наш взгляд, поведением Скопина в данном случае руководили другие мотивы. Прекрасно сознавая, что в воинской среде и в народе на него уже давно смотрят как на самого желанного кандидата на царский престол, а, с другой стороны, принимая во внимание преклонный возраст и слабое здоровье Василия, Скопин-Шуйский рассчитывал прийти к власти мирным путем. Дмитрий же, с его глупостью и фанаберией, да к тому же непопулярный в народе, вряд ли являлся для него серьезным соперником. Так вполне мог рассуждать умный, честный молодой князь, уверенный в своей родовитости, а значит, и в законных правах на российский престол. Скопин, убежденный в том, что его заслуги и популярность в народе, и особенно в армии, являются достаточными гарантиями безопасности, не страшился опалы и преследований со стороны Василия, но последующие события показали, до какой степени князь ошибался.

Собрав достаточные для окончательного разгрома врага силы, Скопин продолжал военные действия, направленные на полное освобождение страны от противников всех мастей. Прежде всего он посылает воевод Хованского, Борятинского и шведа Горна в Тверскую и Смоленскую области, чтобы те отрезали конфедератам возможность воссоединения с Сигизмундом.

В то же время Скопин направляет отряд для проверки состояния укреплений, устроенных Сапегой, все еще стоявшего под Лаврой. Но командующий этим отрядом воевода Валуев проявил завидную инициативу:

убедившись в ограниченных возможностях противника, он 4 января 1610 г. вступил в Лавру, взяв в подкрепление стоявший там отряд Жеребцова, и напал на польский лагерь. Разгромив его, Валуев вернулся к Скопину с большим количеством пленных. Сапега, поняв, что его мечте о захвате Лавры с ее неисчислимыми богатствами не суждено сбыться и нужно думать лишь о спасении остатков своего войска, прекратил осаду и 12 января бежал к Дмитрову, бросив в покинутом лагере большие запасы продовольствия и значительную часть взятых в прежних боях трофеев. Спустя некоторое время из Лавры к Василию был послан инок со святой водой и с сообщением об окончании 16-месячной осады. В грамоте воздавалась хвала богу и... князю Михаилу Скопину-Шуйскому за чудесное спасение. Троицкие инок встретили победителя и его войско с великой благодарностью и отдали Скопину все запасы продовольствия, оставшееся у них в житницах, а иноземным солдатам заплатили несколько тысяч рублей из монастырской казны.

Однако военные действия по окончательному разгрому врага, несмотря на суровую зиму и глубокие снега, еще велись. Сводный отряд князя Куракина выступил на лыжах из Лавры к Дмитрову, куда ушел Сапега. После кровопролитного сражения, окончившегося полной победой Куракина, неприятель, бросив пушки и знамена, покинул Дмитров и отдельными группками бежал к Клину. Но не найдя там ни жителей, ни продовольствия, Сапега оставил на произвол судьбы присоединившихся к нему тушинских поляков и ретировался со своим отрядом к Смоленску. Уход Сапеги открыл Скопину свободный путь на Тушино, войска последнего заняли Старицу и Ржев. В Тушинском лагере начался переполох. Конфедераты попросили прощения у храброго и опытного Рожинского, с которым они были в ссоре, и он вывел их из подоженного в панике лагеря в направлении к Смоленску. Сам же Рожинский умер в Волоколамске от истощения сил, вызванного непрерывным пьянством и распутством. Его отряд, оставшийся без вождя, рассеялся: одни бежали к Сигизмунду, другие — в Калугу к Лжедмитрию, третьи — к Сапеге, занимавшему позиции на берегу реки Угры. На русской территории еще бродили шайки Лисовского и Просовецкого, но и они весной ушли в мятежный Псков.

Появилась возможность сосредоточить все силы против главного и самого опасного противника — польского короля Сигизмунда, все еще стоявшего с армией на границе Русского государства. Обстановка на фронте вполне благоприятствовала походу. Силы короля, гарнизон которого достигал 70 тыс. человек, были скованы под Смоленском. Делаярди также считал обстановку подходящей для выступления. В это время Скопин неожиданно получает царский приказ немедленно прибыть в Москву для оказания ему заслуженных почестей как победителю, освободившему страну от грозившей ей смертельной опасности. Скопина и близких ему людей приказ привел в смущение. Приехавшая в слободу мать князя, которая хорошо знала о подлинном отношении царской семьи к сыну, уговаривала его не ездить на чествование. Не менее горячим противником поездки был и Делаярди, также осведомленный о настроениях царской семьи. Но Скопин считал для себя невозможным невыполнение царского приказа, тем более что отказ от поездки расценили бы как выражение недоверия царю и открытое выступление против его власти, т. е. как бунт. А этого Скопин не хотел.

Въезд в Москву состоялся 12 марта 1610 г. Василий приготовил М. В. Скопину-Шуйскому торжественную встречу по тщательно разработанному сценарию, рассчитанному на изоляцию виновника торжества от народа. Предполагалось, что у въезда в город Скопина встретят бояре и уведут с собой в Кремль. Рядом со Скопиным должен был идти и Делаярди, чем как бы подчеркивались их равные права на славу. Но народ спутал все карты Василия и его братьев: людская масса в порыве благодарности высыпала за ворота, оттеснив боярскую делегацию. Люди падали перед Скопиным ниц, как перед чудотворной иконой в крестном ходу, целовали его одежду и называли отцом отечества.

Подобный прием совершенно ошеломил царскую семью. Дмитрий Шуйский, который наблюдал встречу, стоя на валу, увидев, какой прием жители Москвы оказывают его племяннику, закричал в истерике: «Вот идет мой соперник!». Этот крик услышали все окружающие, и многие задумались о возможных трагических последствиях такой реакции. Василий же плакал от радости и умиления, но все прекрасно знали цену его слезам: известны были и артистические способности царя, который

мог по заказу придавать своему лицу любое выражение, а также менять в зависимости от обстоятельств настроение и лить слезы в любом количестве. Затем Василий раздал победителям богатые подарки; угощая их за царским столом, он одаривал всех офицеров золотой и серебряной посудой и выплатил наемному войску жалование золотом, серебром и соболями.¹⁴

Приведем, однако, еще одно известие: Василий, потрясенный встречей, устроенной народом его племяннику, попросил последнего перед отъездом домой зайти с ним в крепость, где, поблагодарив Скопина за все его дела на благо отечества, все же попрекнул Михаила Васильевича за то, что он имеет в мыслях свергнуть царя Василия с престола. Но Скопин, отвергнув этот упрек как несправедливый, в то же время, в пылу нежданного разговора, якобы посоветовал дяде все же отречься от престола, так как счастье не благоприятствует его правлению. И Василий как будто бы согласился с ним.¹⁵ Между тем разговоры и слухи о возможности скорой замены на троне Василия Шуйского Скопиным широко муссировались как среди русских, так и среди иностранцев.

Сам же Скопин занимался подготовкой к походу, чего от него беспрестанно требовал Делагарди, стремившийся поскорее увести своего друга из Москвы. Спешка с отъездом ускорила реализацию замысла врагов Скопина, среди которых самыми яркими были дядя Дмитрий Шуйский и его жена Екатерина, дочь Малюты. На пир по случаю крестин сына князя И. М. Воротынского М. В. Скопина-Шуйского пригласили в качестве крестного отца, а Екатерину Шуйскую, жену Дмитрия,— крестной матери. И вот во время выполнения обряда «перепивания» кума поднесла куму чашу вина, а тот, выпив ее, почувствовал себя очень плохо. Скопина едва успели довести до ближайшего монастыря, где у него началось сильное кровотечение носом и ртом. Перенесенный домой князь проболел около двух недель, находясь все время под наблюдением врачей, присланных ему Делагарди. Но дочь Малюты, несомненно, знала толк в ядах, и ни

¹⁴ Иконников В. С. Князь М. В. Скопин-Шуйский... С. 136—137

¹⁵ Там же. С. 136.

богатырское здоровье Скопина, ни самые опытные врачи не могли спасти его. В ночь с 23 на 24 апреля 1610 г. М. В. Скопин-Шуйский скончался. Так бессмысленно погиб самый талантливый из всего рода Суздальских князей. Народный герой, надежда отечества, М. В. Скопин-Шуйский, судя по тому, что он успел сделать за свои 23 года жизни, мог бы повернуть Россию на новый, более прогрессивный путь исторического развития еще за 100 лет до Петра I.

В вопросе о месте отравления и дате смерти М. В. Скопина-Шуйского современники несколько расходятся; это расхождение нашло отражение и в исторической литературе. Одни источники утверждают: Скопин умер сразу после отравления. Этой версии, в частности, придерживается Н. М. Карамзин, который также считает, что если чашу с ядом поднесла Скопину Екатерина Шуйская, то пир происходил в доме князя Дмитрия. Среди современников события существует и иное мнение: отравление произошло на пиру по случаю крестин сына у князя Воротынского и смерть наступила не в день пира, а около двух недель спустя, после тяжелой болезни. Таких свидетельств большинство, и В. С. Иконников, автор работы о М. В. Скопине-Шуйском, тщательно изучив весь комплекс источников, принимает последнюю версию,¹⁶ которая, и по нашему мнению, является более убедительной. С. Ф. Платонов по поводу гибели Скопина пишет: «Смертью Скопина, как справедливо выразился С. М. Соловьев, порвана была связь русских людей с Шуйскими, и олигархический круг властвовавших бояр в лице Скопина лишился своей нравственной опоры».¹⁷

Когда известие о смерти Скопина дошло до населения Москвы, то все в один голос стали обвинять в содеянном Дмитрия Шуйского. Толпа бросилась к его дому, и лишь присланный Василием отряд спас Дмитрия от немедленной расправы. Когда Делагарди пришел проститься с покойным, его как неправославного сначала не хотели впускать и пустили лишь после того, как он решительно потребовал допуска к прощанию на правах друга покойного. Увидев Скопина в гробу, он горько

¹⁶ Там же. С. 218—231.

¹⁷ Платонов С. Ф. Очерки... С. 416.

заплакал и воскликнул: «Москвичи! Не только на Руси, но и в землях моего государства не видать мне такого человека!».

Скопин имел громадный рост, в Москве для него не могли найти подходящего гроба и поэтому увеличили имеющийся с обеих сторон.¹⁸ Хоронили Скопина с царскими почестями и положили в Архангельском соборе в Кремле, но не около гробниц царей, а рядом — в новом приделе.

¹⁸ Иконников В. С. Князь М. В. Скопин-Шуйский... С. 139. Прим. XX.

Глава XVII

СВЕРЖЕНИЕ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО И КОНЕЦ РОДА

Смерть Скопина лишила русскую армию любимого военачальника, однако откладывать поход против Сигизмунда не представлялось возможным, тем более что войско было вполне готово к выступлению. Встал вопрос о назначении нового главнокомандующего. Царь Василий колебался в выборе, но Дмитрий и его жена решили этот вопрос однозначно, в противном случае их преступление не имело никакого смысла. Представляется, что Дмитрий с его честолюбием рассчитывал на хорошо подготовленную Скопиным армию, с помощью которой ему удалось бы одержать легкую блестящую победу, и тем самым сразу завоевать авторитет и обеспечить себе после смерти брата прямую дорогу к трону. Дмитрию удалось с помощью жены и брата уговорить находившегося в растерянности Василия и назначение состоялось. Армия состояла из 48 тыс. русских и 8 тыс. иноземных солдат. Но настроение как у тех, так и у других было отнюдь не боевое. Замена опытного, оваянного славой побед, любимого всеми полководца, за которым войско могло пойти в огонь и в воду, на известного своей глупостью и трусостью горе-полководца, прославившегося только одними поражениями, лишала солдат и офицеров всякой веры в победу. К тому же правительство задер-

живало выплату иноземным солдатам причитающегося им жалования. Все попытки Василия раздобыть деньги в Троице-Сергиевой Лавре терпели неудачу. Иноки отвечали, что они за пять истекших военных лет отдали 65 тыс. рублей Борису Годунову и самому Василию, а оставшихся средств у них едва может хватить на восстановление крепостных стен и башен, поврежденных артиллерией противника во время осады монастыря.

Не успели войска Дмитрия Шуйского вступить в соприкосновение с противником, как очередной сюрприз преподнес «верный слуга отечества» Прокопий Ляпунов. Узнав о смерти М. В. Скопина, он всенародно объявил Василия и Дмитрия Шуйских убийцами и призвал народ к мщению. Княжество Рязанское отложилось от Москвы за исключением Зарайска, где воеводой был князь Дмитрий Пожарский. На сторону Ляпунова перешли и московские стрельцы, посланные Василием к Шацку.

В то время как в Москве еще пылали страсти, вызванные событиями, происходившими в Рязани, Дмитрий Шуйский преподнес брату еще бóльший «сюрприз», потерпев сокрушительное поражение от поляков под местечком Клушиным. Пока его армия двигалась к Смоленску, шедший за ней по пятам Сигизмунд неожиданно выслал навстречу Дмитрию гетмана Жолкевского с 2 тыс. всадников и 1 тыс. пехоты. Дмитрий же стоял в Дмитрове, неизвестно чего выжидая и тем самым предоставляя Жолкевскому возможность беспрепятственно соединиться с Зборовским, шедшим к Смоленску с отрядом брошенных Сапегой поляков из Тушинского лагеря. К ним присоединились и группы дезертиров из войска Делгарди, бежавших из-за неуплаты Дмитрием Шуйским положенного им жалования.

Жолкевский, значительно увеличив свои силы за счет этих пополнений, 23 июня 1610 г. выступил навстречу Шуйскому с легкими пушками и 10 тыс. всадников, причем шел он так тихо, что сумел пройти незамеченным мимо 6-тысячного отряда князя Елецкого и воеводы Валуева, высланного Шуйским в качестве сторожевого отряда. Подойдя глубокой ночью к спящему лагерю Шуйского, Жолкевский поджег ограждающие лагерь плетни. Проснувшиеся Шуйский и Делгарди пытались впопыхах хоть как-нибудь привести в боевой порядок своих мечущихся в панике воинов. Это отчасти удалось Делгарди, имевшему более приученных к дисциплине

солдат, и когда Жолкевский под звуки труб бросил свою конницу на шведов, последние сдержали этот натиск. Тогда Жолкевский, стреляя из всех пушек только по шведам, бросил оставшиеся силы на войско Шуйского. Началась паника: конница, отступая, смяла пехоту, шведы подались в лес, а другие иноземцы из отряда Делагарди перешли на сторону врага. Пример панического бегства показал сам главнокомандующий — князь Дмитрий. Потеряв коня в болоте, он, босой, на крестьянской лошади, приехал в монастырь под Можайском, откуда, достав обувь и лошадей, отправился в Москву.¹ Делагарди, дав Жолкевскому слово не выступать против него, захватил казну, брошенную Шуйским в 5450 рублей серебром и 7 тыс. рублей соболями, и вместе с генералом Горном и 400 шведскими солдатами удалился в направлении к Новгороду.

Князь Елецкий и воевода Валуев, узнав о поражении главных сил, сдались гетману Жолкевскому и принесли присягу королевичу Владиславу. Итак, путь Жолкевскому был открыт и он двинулся из занятой Калуги через Медынь и Боровск на Москву. Отбросив у Серпухова отряд крымских татар, гетман подошел к Москве и разбил лагерь в Николо-Угрешском монастыре, в 15 верстах на юго-восток от стольного града. Таким образом, в это время под Москвой нависла угроза с двух сторон: со стороны Можайской дороги стоял Жолкевский с поляками, а с Коломенской — Лжедмитрий II.

Как же вел себя в этой до предела осложнившейся обстановке царь всея Руси — Василий Иванович Шуйский? Нужно отдать ему справедливость: в отличие от брата он не пал духом и не потерял мужества. Собрав последние силы, царь продолжал борьбу за удержание российского трона. Василий рассылает по всем городам указы, призывая русских людей к спасению отечества. Чтобы привлечь к себе поместное дворянство, Шуйский издает указ о поощрении дворян-помещиков за осадное сидение в Москве, предоставляя им право брать пятую часть своего поместья, по их выбору, в вотчинное владение, т. е. превращать эту часть из условного,

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XII. СПб., 1892. С. 137—139; Иконников В. С. Князь М. В. Скопин-Шуйский (Критико-биографический очерк). СПб., 1875. С. 139—140.

связанного с обязательной службой владения в потомственную собственность. Так возникла новая, весьма значительная, категория феодального землевладения — «выслуженная вотчина».

Насколько велико было значение этого акта для российского дворянства можно судить по тому, что после свержения Шуйского к подобной практике прибегали вожди первого ополчения — князь Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий с условием последующего утверждения таких грамот будущим царем, избранным народом. И этот царь, Михаил Романов, в свою очередь, широко использовал опыт Шуйского в период осадного сидения в Москве во время прихода к стенам города королевича Владислава в 1618 г. В дальнейшем выслуженные вотчины занимали очень видное место в аграрном законодательстве первых Романовых, в частности, им посвящена значительная часть глав XVI и XVII Соборного уложения 1649 г.

Однако дни Шуйского-царя были сочтены. Ни один из городов, ранее так усердно отвечавших на призывы Скопина-Шуйского, не прислал помощи Василию и даже не ответил ни на одну из его грамот. Царь продолжал терять город за городом. Сяпега захватил и разграбил богатый Пафнутьев монастырь, Самозванцу сдались Коломна и Кашира, после чего он перенес свой стан в подмосковное село Коломенское.

Все усилия Шуйского были напрасными. Ранее облеплявшие трон льстецы, к которым так благоволил Василий, разбежались из дворца, как крысы с тонущего корабля. По городу неслись крики: «Не хотим царя Василия, он сел на трон без ведома народа. Его братья отравили нашего отца-защитника князя М. В. Скопина». В Москве образовались два лагеря заговорщиков. Во главе первого стояли давний соперник Шуйского князь Василий Голицын и давний враг Прокопий Ляпунов, во главе второго — бывший тушинский патриарх Филарет Романов. Активную деятельность развивали также и сторонники призвания на российский трон польского королевича Владислава во главе с М. Г. Салтыковым. Среди простого народа особенно активно действовали два рязанца, агенты Прокопия Ляпунова — его брат Захарий и Олешка Пешков, а также агенты Самозванца, буквально наводнявшие город.

17 июля 1610 г. вспыхнул мятеж; во главе толпы

встали Захарий Ляпунов, Федор Хомутов и М. Г. Салтыков. К Шуйскому во дворец отправились его свояк князь И. М. Воротынский, в доме которого был отравлен М. В. Скопин, а также Захарий Ляпунов. Они арестовали братьев царя, а самого Василия, несмотря на сопротивление с его стороны, вывели из дворца и вместе с женой отвезли на старый боярский двор Шуйского. Противником свержения Василия выступил лишь патриарх Гермоген. Василий Шуйский пытался установить связь со стрельцами, которых весь период осады щедро снабжал деньгами. Заговорщики же решили применить испытанный способ — лишить Василия возможности бороться за возвращение на престол, не прибегая к царубийству. Так в свое время поступил Борис Годунов с Федором Никитичем Романовым, ныне нареченным патриархом Филаретом. В дом к Шуйскому явились Захарий Ляпунов, князь Засекин и Туренин с чудовскими иноками и священниками и потребовали от Василия согласия на пострижение в монахи. И, естественно, получили отказ. Тогда заговорщики приступили к насильственному пострижению, но так как Шуйский вырывался и молчал, то клятву за Василия давал князь Туренин. Вместе с Шуйским постригли и его жену Марию. Затем Василия отправили в Чудов монастырь, а Марию — в Ивановский. Однако упрямый Шуйский твердил, что клубок к голове не гвоздями прибит и его можно сбросить. Теоретически Шуйский был прав, так как строгий блюститель церковных законов патриарх Гермоген не признал факт пострижения и в церквях продолжал молиться за здоровье Василия как законного царя. Монахом же патриарх признал не Шуйского, а князя Туренина, произносившего слова обета.

После свержения Шуйского власть в государстве формально перешла к фактически бессильной Боярской Думе, но ее слабовольный глава князь Ф. И. Мстиславский под давлением партии сторонников польского королевича призвал народ пригласить на престол Владислава. Гетман Жолкевский, хитрый политик, не скупился на обещания. Непримирым противником призвания иноземца был патриарх Гермоген, однако он остался в меньшинстве, и 17 августа 1610 г. было подписано соглашение и условия, на которых на российский престол приглашался польский королевич Владислав. Ворота Москвы открылись и польский гарнизон вступил в столицу

Русского государства. К Сигизмунду отправилось посольство, вместе с которым, по требованию Жолкевского, были отправлены Василий Шуйский с братьями, а также возможные, по мнению Жолкевского, претенденты на российский престол — князь В. В. Голицын и патриарх Филарет Романов. Василий Шуйский не долго пробыл в польском плену, до последнего дня упорно называя себя российским царем. Умер он в 1612 г. Дмитрий пережил брата менее чем на год; Иван, после заключения перемирия, вернулся в Россию, где и умер в 1635 г

Итак, в 1612 г. преставился Василий Иванович Шуйский — царь, происходивший из знатнейшего княжеского рода России, стоявшего более двух веков в непосредственной близости к царскому трону и наконец достигшего его, но по воле злой судьбы, в лице далеко не лучшего своего представителя. Шуйский не сумел удержать власть в значительной степени из-за своих личных качеств; кроме того, сказались и сложнейшие исторические условия его царствования.

Князь В. В. Голицын, Филарет Романов, а также князь Мезецкий и героический защитник Смоленска боярин Шеин вернулись в Россию в 1619 г. после заключения перемирия с Польшей. Но и прах Василия Шуйского, последнего российского царя из числа потомков Рюрика, не остался истлевать на чужбине. В 1635 г. он был перевезен на родину и торжественно перезахоронен в царской усыпальнице в Архангельском соборе в Кремле. Над его гробницей высеки надпись: «Лета 7121 (1612) сентября в 12 день, на память святого священномученика Автонома преставися благоверный и христолюбивый Великий Государь, Царь и Великий князь Василей Иванович, всея Руси Самодержец, в Польском Королевстве в 60 лет живота его, а в Польше лежало тело его в Варшаве 23 года. И 7143 (1635) году Вел. Государь, Царь и Вел. князь Михайло Федорович всея Руси Самодержец со Владиславом Королем Польским учинилися в братстве и в вечном

докончанеи; для того dokonчания посылал ко Владиславу Королю Послов своих великих, Боярина к. Алексея Мих. Львова с товарищи, и о теле Царя и Вел. Князя Василия Ивановича всея Руси, чтоб его отпустили велел королю говорить; и Владислав Король тело Царя Василия Ивановича всея Руси Царьского Величества Послом отдал, и в царствующий град Москву принесено тело его в лето 7143 (1635) июня в 10 день, в 23 лета государства его».¹

Чем же объяснить столь бережное отношение к памяти сверженного царя-неудачника со стороны новой династии, вышедшей из кругов, враждебных роду Шуйских? Убедительный ответ на этот вопрос дает, на наш взгляд, Л. В. Черепнин.² Первыми историками царствования Василия Шуйского являлись келарь Троице-Сергиевой Лавры Авраамий Палицын, горячий поклонник князя М. В. Скопина-Шуйского и непреклонный враг царя Василия, а также князь М. П. Катырев-Ростовский. Они оба обвиняли Василия Шуйского в незаконном занятии царского престола с помощью небольшой кучки приверженцев.³ Такая характеристика не могла удовлетворить пришедших к власти Романовых, и в частности патриарха Филарета, так как Романовы в своей государственной деятельности, особенно в первые годы, продолжали, по существу, ту же политическую линию, которой держался Шуйский, и не отменили ни одного из его законов и указов. По инициативе Филарета и при его прямом участии был произведен пересмотр прежних трудов по истории царствования Шуйского и появились две другие работы: «Новый летописец» и так называемая «Рукопись Филарета». В них все критические оценки деятельности Шуйского, свойственные авторам названных нами исследований, заменились на панегирические характеристики, перемежающиеся одновременно с еще более хвалебными оценками деятельности Филарета.⁴

Этот поворот в оценке поверженного противника нашел свое отражение и в возвращении праха Васи-

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XII. СПб., 1892. Прим. 785.

² Черепнин Л. В. Смута в историографии XVII века // Исторические записки. Кн. 14. М., 1945.

³ РИБ. Т. XIII. С. 500, 658.

⁴ Исторические записки. Т. 14. С. 84, 100—103.

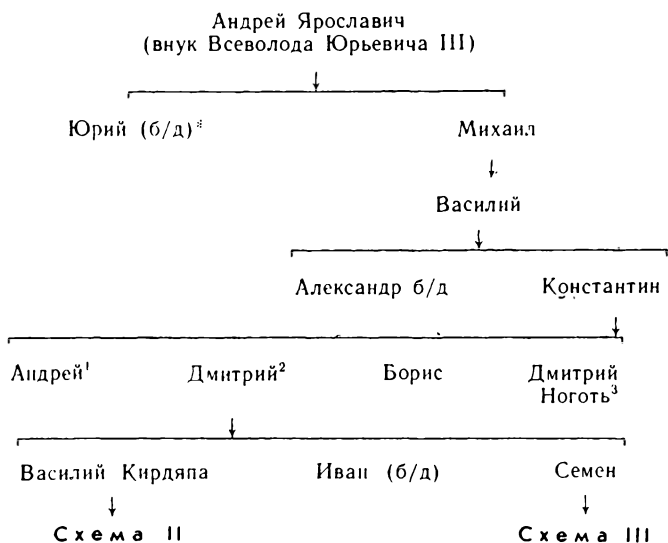
лия Шуйского на родину, и в том тоне, в котором выдержана надгробная надпись.

Итак, заветная мечта рода Суздальских князей все-таки осуществилась и последний его представитель вошел в историю не в монашеском клобуке, а в короне российского царя. Не был забыт русским народом и юный герой, добровольно отказавшийся от предлагаемой ему царской короны. Современный, но неизвестный художник написал портрет полководца. Естественно, создан он в иконном стиле, однако это вполне реалистический портрет, ничем не напоминающий икону. Над головой Михаила нет нимба, поскольку он не причислялся к лику святых, но в рамке над князем изображен Нерукотворный Спас и сделана надпись: «Благоверный князь Михаил Васильевич Скопин». Нельзя не обратить внимания на то, что хотя М. В. Скопин-Шуйский не был канонизирован, его портрет помещен в кремлевском Архангельском соборе — усыпальнице великих князей и царей русских.⁵ Это является свидетельством того, каким уважением пользовался юноша-герой не только в народе, но и в высших кругах русской православной церкви.

⁵ В настоящее время портрет хранится в Государственном историческом музее, а его хромолитография помещена в приложении к «Памятникам Московских Древностей. Изд. 1841 г.».

С х е м а I

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА
КНЯЗЕЙ СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

* Здесь и далее — бездетный.

¹ В 1360 г. хан Золотой орды Наурус предложил Андрею ярлык на великое княжение на Руси, но тот отказался в пользу брата.

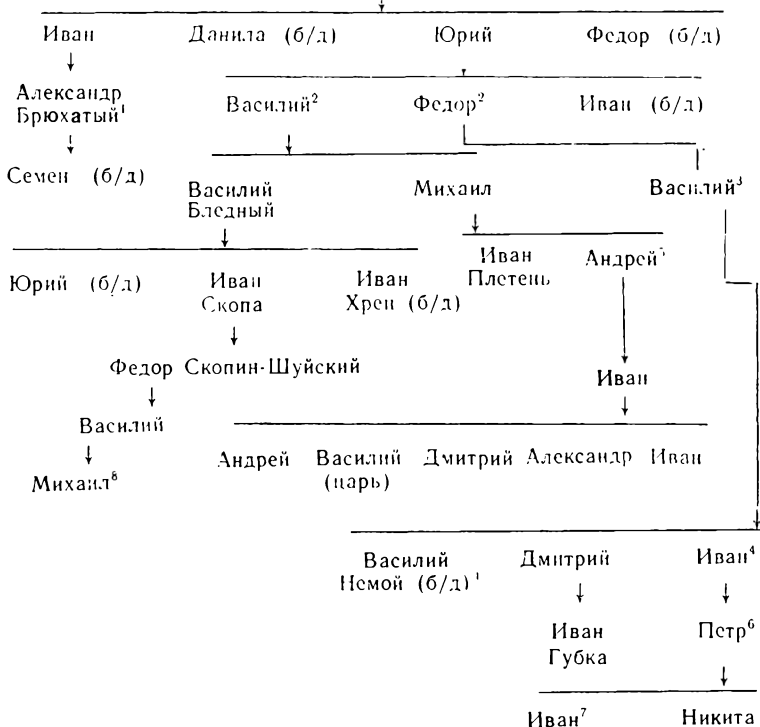
² Дмитрий Константинович (в схеме Фома) с 1360 по 1362 г. был великим князем Владимирским. В 1366 г. выдал свою дочь Евдокию за великого князя Дмитрия Ивановича (Донского). Евдокия пользовалась большой любовью в народе за свою благотворительную деятельность и церковное строительство. Ею были построены в Москве церкви Рождества Святой Богородицы в 1393 г. и Святого Вознесения в Кремле в 1407 г. Умерла в 1407 г.

³ Родоначальник фамилии князей Ногтевых.

Схема 11

КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЕ — СТАРШАЯ «ВЕТВЬ»

Василий Кирдяпа

¹ Был женат на дочери великого князя Московского Василия Дмитриевича. ² Оба брата княжили по договору в Пскове и Новгороде, не признавая верховной власти великого князя Московского Василия II Темного. ³ Видный политический деятель и полководец с 1480 по 1496 г. Поочередно наместничал то в Пскове, то в Новгороде. ⁴ Оба брата были виднейшими политическими деятелями и полководцами в княжение Василия III, а затем возглавляли боярское правление в малолетство Ивана IV. ⁵ Сменил умершего Ивана Васильевича на посту главы боярского правления в 1542 г. и был казнен Иваном Грозным в 1543 г. ⁶ Видный полководец, участник взятия Казани, погибший в ходе Ливонской войны. ⁷ Герой обороны Пскова против полчищ Стефана Батория в 1580 г., самый уважаемый боярин в Думе, главный противник Бориса Годунова, удушенный по его приказу в 1588 г. ⁸ Герой обороны Москвы от самозванцев и поляков, выдающийся полководец и государственный деятель, получивший боярство в 19 лет от роду, кумир всех слоев русского общества, самый желаемый кандидат на царский престол. Отравлен женой собственного дяди, дочерью Малюты Скуратова, в 1610 г.

С х е м а I I I

КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЕ — МЛАДШАЯ «ВЕТВЬ»*

Семен Дмитриевич

Василий

Александр Глазатый	Иван Горбатый ¹	Роман (б/д)	Андрей Лугвица	Борис	Василий Гребенка-Шуйский (б/д) ²
-----------------------	-------------------------------	----------------	-------------------	-------	---

Иван	Борис	Василий	Андрей (б/д)
------	-------	---------	--------------

Борис³

Михаил Кислый

Александр⁴

Петр

* Линии суздальских князей — Глазатые, Ногтевы и др., не игравшие сколь-либо значительной роли в политической жизни Русского государства XV—XVI вв., в схемах не приводятся. При составлении схем использованы работы А. В. Экземплярского, А. А. Зимины и родословная книга Великого Российского Государства великих князей (В р е м е н и к императорского московского общества истории и древностей Российских. Книга X. М., 1851).

¹ Первый из суздальских князей, добровольно перешедший на службу к московскому князю.

² Один из самых непримиримых противников Москвы, княживший в Пскове и Новгороде до 1477 г., но после покорения Новгорода Иваном III признавший его верховную власть на Руси.

³ Боярин, видный полководец в княжение Василия III.

⁴ Видный государственный деятель и полководец в царствование Ивана IV. Участник покорения Казани. Казнен вместе с сыном Петром в начале опричного террора в 1565 г.

- Абдула — 26, 27
 Азис — 37
 Акхозя — 48
 Александр Васильевич Суздальский — 20, 21, 25
 Александр Иванович Нижегородский — 63
 Александр Невский — 3, 6—11, 20, 25, 28, 29, 33, 35, 48, 54, 60, 135
 Алексеев Ю. Г., историк — 73
 Алексей, митрополит — 26—29, 31, 32, 38, 45, 48
 Алыбуга — 9
 Альшиц Д. Н., историк — 96
 Амурат — 26, 27
 Андрей Александрович — 11, 12, 14—17, 19, 25, 30
 Андрей Константинович — 24, 25, 27—29
 Андрей Ярославич — 3, 6—11, 25, 30, 33—35
 Арапша — 40, 42, 44, 45
 Асан, болгарский кн.— 37—40
 Асан, ордынская царица — 30

 Барамхозя — 30
 Басенок Федор — 63, 66
 Басманов Алексей — 106, 127
 Басманов Петр Федорович — 127—130, 132, 133
 Басманов Федор — 106, 127
 Баторий Стефан — 5, 111, 112
 Батый — 6, 7, 10
 Бахтеяров, кн.— 139

 Бегич — 46
 Беззубцев — 143, 150
 Бельские, кн.— 36, 85, 86, 90, 99
 Бельский Богдан Як.— 113, 117, 118, 127, 137
 Бельский Д. Ф.— 75, 76
 Бельский Ив. Дм.— 82, 99, 107
 Бельский Ив. Фед.— 85—87, 92
 Бельский Семен — 86
 Берки — 10
 Бернадский В. Н., историк — 69
 Битяговский Михайло — 121
 Боголюбский Андрей — 6
 Болотников И. И.— 139—145, 147, 149, 150, 161
 Борис Александрович Тверской — 63
 Борис Васильевич Ростовский — 10
 Борис Константинович — 23, 25, 27, 29, 30, 31, 35, 37, 41, 44, 55—54
 Борисов В., историк — 58, 59
 Боровский, кн.— 63
 Борятинский, кн.— 163
 Бойэ — 155
 Будовниц И. У., историк — 17
 Булат-Тимир — 37
 Буйносова-Ростовская Мария — 132, 149
 Бутурлин Вас.— 153, 158

 Валаам, старец — 138
 Валуев Гр.— 133, 163, 169, 170
 Варсонофий, епископ — 75

- Василий Александрович (сын Невского) — 10, 11, 14
 Василий Васильевич Темный — 60—66
 Василий Дмитриевич Московский — 52—57, 59, 60
 Василий Дмитриевич Кирдяпа — 30, 31, 35, 37—39, 41, 44, 49—55, 57, 58
 Василий III — 35, 72, 74—80, 86
 Василий Мих. Суздальский — 13, 18, 20, 21, 25
 Василий Косой Юрьевич — 61—63
 Василий Семенович, кн.— 57, 58
 Василий Ярославич — 13, 14
 Василиса Ростовская — 16, 19
 Витовт — 60
 Вишневецкий, кн.— 133, 150, 152
 Владислав (сын Сигизмунда) — 161, 170—172, 174
 Власев Афанасий — 137
 Воейков Ив.— 133
 Волохов Осип — 121
 Воронцов Вас. — 99
 Воронцов Мих. Сем.— 94, 95
 Воронцов Ф. С.— 89, 93, 99
 Воротынский И. М.— 75, 128, 138, 140, 141, 145, 166, 167, 171
 Вылузгин Е.— 121
 Вышеславцев — 157

 Гайко Ян — 105
 Гагарин Роман — 157, 158
 Гастингс Мария — 117
 Герберштейн С.— 35, 78, 84, 116
 Гермоген, митрополит — 137, 148, 157, 158, 171, 172
 Глинская Анна — 82, 102
 Глинская Елена — 78—82, 95, 99, 101, 102
 Глинский Иван Мих.— 109
 Глинский Мих. Вас.— 101, 102
 Глинский Мих. Львович — 74—76, 79, 81, 95
 Глинский Юрий — 102, 103
 Годунов Борис — 4, 109, 111, 117—126, 141, 168, 172
 Годунов Федор — 4, 123, 126, 127, 141
 Годунова Ксения — 123
 Годунова Ирина — 116, 119
 Годунова Г. В. и С. В.— 118
 Голицын Вас. Вас.— 128, 146, 150, 157, 171—173
 Голицын А. В.— 142
 Голицын Иван — 123, 126
 Голицын-Булгаков Ю. М.— 85, 86
 Головин Василий — 149
 Головин Петр Ив.— 95, 118
 Головина Александра — 149
 Гонсевский — 152
 Горбатый Александр Бор.— 85, 99, 103, 108, 109
 Горбатый Бор. Ив.— 76, 78
 Горбатый Иван Вас.— 64, 73
 Горбатый Мих. Вас. (Кислый) — 78, 79
 Горбатый Петр — 106, 108, 109
 Горн — 155, 163, 170
 Горчаков, кн.— 160
 Греков Б. Д., историк — 17
 Грязной Тимофей — 157

 Даниил Александрович (сын Невского) — 11, 15, 16, 25, 35
 Даниил, митрополит — 35, 36, 45, 84
 Даниил Романович — 7, 8
 Дедюня — 16
 Деллагарди — 114, 155, 156, 159, 165—167, 169, 170
 Джанибек — 22, 24
 Дионисий, епископ Суздальско-Нижегородский — 33, 35, 38, 39, 45, 46, 48
 Дионисий, митрополит — 119
 Дмитрий Александрович (сын Невского) — 10—16, 25
 Дмитрий Волынец — 39
 Дмитрий Грозные очи — 20
 Дмитрий Иванович Московский (Донской) — 3, 4, 24—28, 30—32, 34, 37—52, 60
 Дмитрий Конст.— 25—35, 37—47, 50, 51
 Дмитрий Ноготь — 37
 Дмитрий, царевич — 117, 118, 121
 Долгорукий Г. Б.— 125
 Долгорукий Юрий — 6
 Дорогобужский Иван — 101

 Евдокия, жена Дм. Донского, дочь Дм. Конст.— 32
 Елецкий, кн.— 169, 170
 Елизавета, королева — 117
 Ентяк — 55
 Ермолаев И. П., историк — 104
 Есипов Богдан — 70

- Жидислав** — 9
Жолкевский, гетман — 169, 170, 172
Заруцкий Ив. Мартынович — 147, 150, 170
Зайцев Петр — 106
Засекин — 153, 172
Захаров Вас. — 100
Захарьин М. Ю. — 76
Зимин А. А. — 73—78, 80, 87, 101, 103, 108—114, 116—120, 122
Зомме — 155, 159
- Иван Вас. III** — 66, 67, 69—74, 82, 86
Иван IV Грозный — 4, 36, 78—82, 85, 86, 88, 89, 91, 93—118
Иван Дм. Переяславский — 16
Иван Дм. — 39—42, 44
Иван Ив. Молодой — 74
Иван Ив. Московский — 24, 27
Иван Ив., царевич — 115, 111
Игнатий, патриарх — 136
Измайлов — 145, 146
Иконников, историк — 154—156, 159, 166—168, 170
Иоасав, митрополит — 84—86, 90, 93
Иов, патриарх — 145, 146, 148
Исакова Марфа Борецкая — 70
Исаков Федор — 70
Исидор, митрополит — 136, 153
- Казимир** — 67, 69
Калита Иван — 21, 22, 25, 33
Карамзин Н. М. — 8, 13, 17, 18, 20, 25, 34, 60—67, 70, 72, 122—127, 129—133, 146, 152, 159, 163, 167, 170, 174
Карл IX, Шведский — 153
Касим, царевич — 63
Катнак — 9
Катырев-Ростовский И. М. — 120, 121, 127, 151, 174
Качалов Никита — 121
Кашин, кн. — 108, 127
Каштанов С. М., историк — 82
Кернозицкий — 154
Кинан Эдвард, историк — 93
Киприан, митрополит — 49
Кирилл, митрополит — 7, 11
Клешнин А. П. — 121
Клосс Б. М. — 32, 35, 45
Ключевский В. О., историк — 148, 149
Кобрин В. Б., историк — 64, 88
- Константин Вас. Суздальский** — 22, 23—25, 34
Константин Ростовский — 26
Константин Дм. — 60
Кольцов-Массальский — 140
Кольчев — 119, 147
Кровков Сумин — 147
Крутицкий Варлаам, епископ — 119
Крюк-Кольчев — 158
Кубенский Иван, историк — 93, 99
Куракин Андрей — 123, 150, 151, 153, 164
Курбский Андрей — 4, 91, 93—95, 98, 100, 108, 111
Кучкин В. А., историк — 6, 11, 18, 19, 21—23
- Лаврентий, монах-летописец** — 33
Лжедмитрий I — 4, 124, 125, 127—134, 136, 138, 139, 152
Лжедмитрий II — 5, 137, 147, 148, 150—156, 158, 160, 161, 164, 170, 171
Лисовский — 150, 152, 156, 164
Литвин-Массальский — 147
Лихачев Д. С., историк — 82, 93
Лурье Я. С., историк — 93, 94
Лыков — 153
Львов А. М. — 174
Ляпунов Захарий — 171, 172
Ляпунов Прокопий — 140, 142, 146, 162, 163, 169, 171
- Макарий, митрополит** — 86, 90, 93, 103, 105
Мамай — 26, 27, 38, 39, 45—47
Маржерет Яков — 126
Марина Мнишек — 132, 150, 152, 153
Мартезон — 154
Марфа, старица — 129, 130, 133
Мезецкий, кн. — 125
Менгутемир — 14, 15
Микулинский Вас. Андр. — 85
Микулинский Д. И. — 86
Милюков П. Н., историк — 78
Михаил Александрович Тверской — 37—39
Михаил Андреевич Суздальский — 11, 13, 14, 17—20, 25
Михаил Андреевич — 19
Михаил Оленькович — 67
Михаил Хоробрит — 7
Михаил Ярославич Тверской — 10, 16, 17, 20, 38

- Махмат Салтан — 39, 40
 Мишурун Федор — 81, 91, 95
 Мнишек Юрий — 132, 133, 138, 152, 153
 Можайский Ив. Андр.— 62
 Морозов В. Г.— 86, 93, 127
 Морозов И. Г.— 75, 93
 Мстиславский Ив. Ф.— 106, 113, 118—120
 Мстиславский Ф. И.— 122—127, 133, 137, 141, 172
 Мухаммед-Герей — 75, 76
- Нагая Мария, царица — 117, 122
 Нагой Андрей — 136, 137
 Нагой Григорий — 136, 137
 Нагой Михаил — 137
 Нагиба — 147
 Насонов А. Н., историк — 23, 33, 36, 45
 Нафанаил, епископ Суздальский — 22
 Невруй — 9
 Нил, патриарх — 48
 Наурус — 24, 26
- Оболенский Ярослав — 71
 Овчина-Оболенский Федор — 101, 102
 Овчина-Телепнев Оболенский Ив. Фед.— 79, 80, 81
 Оденборн П.— 116
 Одоевский Большой И. И.— 142, 146
 Олесницкий — 152
 Ольгерд, кн.— 23, 24, 27, 30, 37—39
 Онаньи Вас.— 70
 Остей, кн.— 49, 56
 Острожский — 75
 Отрепьев Гришка — 138
 Офонасов Иван — 70
 Офонасов Олферий — 70
- Павлов А. П., историк — 122, 123
 Палецкий Д.— 99
 Палицын Авраамий — 158, 174
 Панеях В. М., историк — 148
 Патрикеев Иван — 74
 Патрикеев Вас. Ив.— 74
 Пашков Истома — 140—143
 Пашуто В. Т., историк — 82
 Петр, митрополит — 22, 48
 Петр, царевич — 82
- Петр «царевич» — 144, 147
 Платонов С. Ф., историк — 97, 98, 122—124, 128, 129, 135, 147, 148, 155, 167
 Плещеев Ф.— 153
 Пожарский Д. М.— 156, 169
 Посевин А.— 116
 Прозоровский — 156
 Пресняков А. Е., историк — 8, 17, 27, 33, 34
 Просовецкий — 164
 Пронский Иван Турунтай — 100, 103
 Путятин Меньшой — 94, 95
 Пушкин Г. Г.— 127, 145, 146
 Пушкин И. М.— 141
- Радзивилл Н.— 107
 Репнин кн.— 108
 Рожинский — 150, 152, 160, 161, 164
 Розен Вальтер — 126
 Романов М. Ф.— 149, 171, 173
 Романов Филарет — 136, 137, 154, 171—174
 Романова Анастасия — 82
 Романова Ульяна — 82
 Ромодановский — 153
 Ростовский С. В.— 86
 Румянец Вас.— 53
 Рюрик — 3, 25, 76
 Ряполовские, кн.— 63
 Ряполовский Семен — 74
- Салтыков М. Г.— 126, 127, 137, 171
 Сапега Ян — 150, 152, 154, 159, 160, 163, 164, 169, 171
 Сарайка — 38, 39
 Сартак — 8, 9, 10
 Святослав — 6
 Святослав Ярославич Тверской — 12, 15
 Семен Гордый — 24, 25
 Семен Дм.— 39, 41, 44, 49—58, 78
 Семен Мих.— 40—43
 Сентов-Третьяк — 147
 Серапион Владимирский, епископ — 16
 Сергей, архиепископ — 160
 Сергей Радонежский — 31, 38
 Сигизмунд — 75, 150, 152—154, 160, 161, 163,—165, 168, 169, 172
 Сицкий — 153
 «Скопа» Иван — 77

- Скопин-Шуйские — 59, 77
Скопин-Шуйский В. Ф.— 110, 111, 114, 117—120
Скопин-Шуйский Мих. Вас.— 5, 77, 120, 129, 140—146, 149—151, 153—169, 171, 174, 175
Скопин-Шуйский Ф. И.— 80, 83, 84, 87, 99, 103, 105
Скрынников Р. Г., историк — 80, 88, 93, 96, 97, 107—110, 112, 114, 117, 120, 122—125, 127, 129
Скуратов Малюта — 77, 109, 110
Смирнов И. И., историк — 80, 86, 87, 89, 90, 103, 105, 139, 142, 144
Соловьев С. М., историк — 8, 18, 167
Софья Витовтовна — 56, 60—62
Софья Палолог — 81, 101
Старицкий Андрей — 79, 80, 81, 86, 94
Старицкий Дм.— 86
Стрига-Оболенский — 63, 66, 67
Суздальские, кн.— 7
Сукин — 156
Сумбулов Гри.— 140, 142, 157
- Татев Б. И.— 142
Татищев — 154, 163
Татищев В. Н., историк — 8
Татищев Мих.— 133
Телебуга — 15
Телятвский А.— 127, 139, 145—147
Темир-Аксак (Тамерлан) — 52, 54, 57
Темир Кутлуй — 57
Тимир Хозя — 26
Тихомиров М. Н., историк — 58, 59, 81, 82, 84, 86, 99, 102, 120, 137, 138
Товарков Иван — 74
Тохта — 15
Тохтамыш — 47—54
Травин — 74
Трифон, игумен — 63
Трубецкой Дм.— 140, 141, 146, 153, 170
Туренин Д. В.— 141, 172
Туча Мих.— 66
Тучков Мих. Вас.— 95
Тучковы — 74
Тютчев Борис — 67
- Узбек, хан — 20—22
Улавчий — 10
- Федор Иванович, царь — 117—119, 122
Федор Стародубский, кн.— 21
Феофил, архиепископ — 69
Флетчер Д.— 110
- Хабаров Иван — 85
Харашкевич А. Л., историк — 101, 108, 111—114
Хидырь — 26
Хилков — 145
Хованский — 145, 150, 163
Холмский Вас. Дан.— 74
Холмский Даниил — 67
Хомутов Федор — 171
Хоткевич Г.— 107
- Черемисинов Иван — 106
Черешнин Л. В.— 17, 62—64, 130, 134, 135, 136, 148, 174
Черкасский Иван — 138, 153
- Шадибек — 57
Шаховской Гр.— 144, 147, 161
Шеин — 160, 173
Шемяка Дм. Юр.— 61—66
Шемяка Ив. Дм.— 65
Шереметьев — 74
Шереметьев Никита Вас — 108, 145, 146
Шереметьев П. Н.— 126, 136, 137
Шереметьев Ф. И. 156, 157
Шиахмат — 50
Шиг-Алей 104
Шигона Ив. Юр.— 95
Шуйская Анастасия — 82, 100
Шуйская Екатерина (жена Дм Ив.) — 166
Шуйская Мария — 172
Шуйская Марфа — 82
Шуйская Овдоья — 78
Шуйские — 4, 72, 94, 100, 108, 113, 118
Шуйский Александр Ив. — 120, 122
Шуйский Андр. Ив.— 110, 111, 114, 119, 120
Шуйский Андр. Мих.— 4, 78, 80, 82, 84, 85, 87, 88, 90, 93, 97, 98, 100, 106, 109
Шуйский Вас. Вас. (Бледный) — 71—74, 77
Шуйский Вас. Вас. (Гребенка) — 64—67, 69, 71—73
Шуйский Вас. Вас. (Немой) — 73—76, 79, 82, 90, 91, 94—96

- Шуйский Вас. Ив., царь — 4, 35, 74, 110, 111, 117—125, 127—132, 134—153, 156—163, 165—175
- Шуйский Вас. Фед. — 67, 68, 70, 73, 77
- Шуйский Вас. Юр. — 62, 63, 65, 71
- Шуйский Дм. Вас. — 73
- Шуйский Дм. Ив. — 100—111, 119, 120, 122—124, 128, 132, 140, 143, 150, 151, 161, 165—168, 169, 170, 172
- Шуйский Ив. Андр. — 106, 109, 110
- Шуйский Ив. Вас. — 73, 76—78, 80, 83—87, 89—92, 95—97, 99, 106, 117
- Шуйский Ив. Ив. — 120, 122, 123, 128, 140, 142, 143, 153, 172
- Шуйский Ив. Мих. — 78, 80, 91, 98—100, 103, 105
- Шуйский Ив. Петр. — 5, 110—113, 117, 120
- Шуйский Мих. Вас. — 74, 77
- Шуйский Петр Ив. — 5, 84, 99, 103, 104, 106, 107, 108, 110
- Шуйский Фед. Юр. — 62, 63, 66, 67, 70, 71
- Шуйский Юр. Вас. — 57, 58
- Щелкалов Андрей — 118
- Шенятев М. Д. — 75
- Шенятев Петр — 109
- Экземплярский А. В., историк — 8, 18, 20, 23, 51, 53, 58, 70, 72
- Юрий Андреевич — 11—13, 18, 20, 25
- Юрий Андреевич Александрович — 12, 18
- Юрий Васильевич (брат Ивана IV) — 105
- Юрий Данилович Московский — 16, 20, 21, 25
- Юрий Дмитриевич — 38, 60, 61
- Юрий Дмитровский — 78, 79
- Юрьев Д. Р. — 104, 105
- Юрьев Никита Романович — 113, 118, 119
- Ягуп, царевич — 63
- Янин В. Л., историк — 82
- Ярослав Всеволодович — 3, 6, 7, 12, 33
- Ярослав Тверской — 8—11
- Ярослав Ярославич Тверской — 11, 13
- Ярославский Семен Романович — 73

Предлагаемая читателю книга принадлежит перу видного историка, крупного знатока истории средневековой России Глеба Владимировича Абрамовича. Этот вдохновенный труд талантливого русского историка станет заметным явлением в нашей историографии. Но, как это не прискорбно сознавать, 12 августа 1990 г., завершив авторские работы по подготовке книги к набору, на 86-м году жизни доктор исторических наук, персональный пенсионер Г. В. Абрамович скончался. Похоронен на Волковом кладбище Ленинграда.

Г. В. Абрамович родился 10 мая 1905 г. в г. Шуге в семье инспектора духовных училищ, выпускника Московской духовной академии статского советника В. И. Абрамовича. Здесь прошли гимназические годы Г. Абрамовича. После смерти родителей двое младших сыновей были определены в детский дом. Детдомовские годы (1918—1924 гг.) стали для Г. Абрамовича временем становления комсомольского лидера детских домов г. Шуи, а также бойца частей особого назначения. В 1925 г. он направляется на учебу в ЛГПИ им. Герцена, где в 1927 г. вступает в ряды ВКП(б). По окончании института работает учителем истории (1929—1931 гг.), а затем завучем одной из средних школ Ленинграда.

После службы в армии Г. В. Абрамович в 1932 г. становится ассистентом, а в 1936 г. доцентом ЛГПИ им. Герцена, совмещая преподавательскую работу в ряде вузов Ленинграда, в том числе и в университете. Одновременно в 1934—1937 гг. он был научным сотрудником Историко-археографического Института АН СССР, занимаясь исследованиями по истории Русского Севера и Сибири. Так формировался незаурядный специалист по истории России, которому прочили блестящую научную карьеру. В эти же годы Г. В. Абрамович завсегодовал кафедрами: истории СССР института партийных кадров Ленинградского горкома ВКП(б) и интерфака ЦК МОПР, а также преподавал на Высших курсах пропагандистов Ленинградского ОК ВКП(б).

Захлестнувшая вскоре страну волна репрессий не минула Г. В. Абрамовича. 10 апреля 1937 г. он был арестован, а 28 января 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР осужден «за контрреволюционную деятельность» и приговорен по статьям 58—10 ч. I и 58—II УК РСФСР к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет. Местом пятилетнего «трудового исправления» историка-коммуниста стал Каргопольский лагерь НКВД. Освобождение наступило 14 апреля 1943 г. Но судьбе было угодно связать жизнь Г. В. Абрамовича с Каргопольским лагерем еще на 3 года. Лагерное начальство «упросило» его остаться начальником планового отдела на условиях «вольного» найма... А в конце каргопольского периода жизни Г. В. Абрамовича ждал самый большой, по его словам, подарок судьбы: знакомство с эвакуированной из блокадного Ленинграда Тamarой Александровной, ставшей его женой.

В условиях 1946 г. думать о возвращении в Ленинград было делом безнадежным. Удалось лишь получить вызов на преподавательскую работу в г. Пржевальск Киргизской ССР: Г. В. Абрамович был зачислен на должность доцента Учительского института по отделению истории. Преподавание Г. В. Абрамович успешно сочетал с научной и общественно-политической работой, читал лекции, сотрудничал с Иссык-Кульской областной газетой, краеведческим музеем, в котором и по сей день имеются его работы по истории Иссык-Кульской области, о Пржевальском, Белинском и т. д.

22 декабря 1948 г. Г. В. Абрамович был арестован, а в июле 1949 г. выслан на спецпоселение в Красноярский край. Вслед за ним в Сибирь едут жена с двумя малышами (сыном двух лет и дочерью одного года). Местом их поселения был определен пос. Нижне-Ангарск Удерецкого района Красноярского края. Первые месяцы приходилось жить в палатке. В 40—50-градусные морозы их спасала «буржуйка», топившаяся днем и ночью. За 5 лет сибирской ссылки работа Г. В. Абрамовича была весьма далека от его научных интересов: экономист; и. о. начальника планового отдела; нормировщик; диспетчер автогаража; слесарь механического цеха; технический нормировщик. После амнистии 1954 г. Г. В. Абрамович с семьей навсегда покидает Сибирь.

В октябре 1954 г. Г. В. Абрамович становится учителем истории в средней школе села Оскуй Чудовского района Новгородской области. Профессионализм, интеллигентность и деликатность в общении с людьми позволили ему преодолеть известную настороженность к бывшему спецпоселенцу. В 1956 г. он становится директором школы, а в 1957 г. решением бюро Новгородского обкома КПСС он восстановлен в КПСС. Затем последовала и реабилитация: Пленум Верховного Суда СССР от 19 марта 1958 г. отменил постановление Особого совещания при НКВД СССР от 28 января 1938 г. в отношении

Г. В. Абрамовича «за отсутствием в его действиях состава преступления».

В августе 1960 г. Г. В. Абрамович возвращается в Ленинград, работает учителем, завучем, а с 1961 г. бессменным директором 165 средней школы Смольнинского района. Восстановив тесные научные связи с Ленинградским отделением института истории СССР АН СССР, он одновременно активно участвует в научной работе института, в рамках которой в 1964 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию. Г. В. Абрамович долгие годы был постоянным участником сессий симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы.

С 1969 г. Г. В. Абрамович полностью переключился на научную работу. Он стал одним из основных авторов фундаментального многотомного исследования «Аграрной истории Северо-Запада России», разрабатываемого ленинградскими историками на базе Ленинградского университета и Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР. В контексте этого труда сформировалась докторская диссертация Г. В. Абрамовича «Поместная система и поместье хозяйство в последней четверти XV и XVI вв.», защищенная в 1977 г.— оригинальное исследование, ставшее крупной вехой в изучении поместной системы. Глубокое знание русского феодализма позволило Г. В. Абрамовичу стать одним из квалифицированнейших комментаторов академического издания (1987 г.) Соборного уложения 1649 г.

Вклад Г. В. Абрамовича в развитие советской исторической науки и народного образования трудно переоценить. Примечательно, что инициаторами назначения ему персональной пенсии республиканского значения стали в 1970 г. средняя школа 165 и Ленинградское отделение института истории СССР АН СССР.

Яркая и самоотверженная деятельность Глеба Владимировича безусловно станет надежным ориентиром для тех, кто посвятил себя служению Родине, науке, людям. А в памяти знавших его он всегда останется красивым и мужественным человеком.

В. М. Воробьев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ЛГУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Становление самостоятельного Суздальского княжества	6
Глава II. Тайна князя Михаила Андреевича Суздальского	17
Глава III. Образование великого княжества Суздальско-Нижегородского	20
Глава IV. Борьба Суздальско-Нижегородского княжества с Москвой за первенство на Руси	24
Глава V. Отражение в летописи династической борьбы в России XIV в.	31
Глава VI. Суздальско-Нижегородское княжество — восточный страж Руси	37
Глава VII. Конец могущества Суздальско-Нижегородского княжества	46
Глава VIII. Был ли князь Василий Кирдяпа предателем?	50
Глава IX. Распад рода суздальских князей. Князья Шуйские — старшая ветвь рода	57
Глава X. Князья Шуйские — принцы крови. Их роль в становлении Русского централизованного государства	72
Глава XI. Князья Шуйские во главе боярского правления	81
Глава XII. Князья Шуйские в годы царствования Ивана Грозного	99
Глава XIII. Князья Шуйские и Борис Годунов	115
Глава XIV. Князья Шуйские и Лжедмитрий I	128
Глава XV.	

	Василий Иванович Шуйский — Великий государь всея Руси	134
Глава XVI.		
	М. В. Скопин-Шуйский — народный герой и надежда России	151
Глава XVII.		
	Свержение Василия Шуйского и конец рода	168
Заключение		174
Приложение		177
Именной указатель		180
Об авторе		186

Научное издание

Абрамович Глеб Владимирович

КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЕ И РОССИЙСКИЙ ТРОН

Редактор *М. Л. Малютина*
Художественный редактор *С. В. Алексеев*
Обложка художника *А. Г. Абрамовича*
Технический редактор *Г. М. Матвеева*
Корректоры *Г. А. Янковская, Т. Г. Павлова*

ИБ № 3451

Сдано в набор 01.08.90. Подписано в печать 17.01.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 11,15 Уч.-изд. л. 11,1 Тираж 50 000 экз. Заказ 3000. Цена 3 руб
Издательство ЛГУ. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9

Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4